

Институт законодательства и сравнительного правоведения
при Правительстве Российской Федерации

ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМЫ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

К 75-летию принятия
Всеобщей декларации
прав человека

СБОРНИК СТАТЕЙ
X Общероссийского годового
собрания теоретиков права
[г. Москва, 22 февраля 2023 г.,
Центральный дом ученых]

Издательство
НОРМА

100 ЛЕТ ИНСТИТУТУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
И СРАВНИТЕЛЬНОГО ПРАВОВЕДЕНИЯ ПРИ
ПРАВИТЕЛЬСТВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМЫ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

К 75-летию принятия
Всеобщей декларации прав человека

Сборник статей X Общероссийского годового собрания
теоретиков права (г. Москва, 22 февраля 2023 г.,
Центральный дом ученых)

Ответственный редактор
доктор юридических наук, профессор
В.В. Лазарев

НОРМА
ИНФРА-М
Москва, 2024

УДК 341.215.4(082)
ББК 67.412.1я431
Ц57

Одобрено секцией публичного права ученого совета Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации

Рецензенты:

Л.Т. Бакулина — декан юридического факультета Казанского (Приволжского) федерального университета, доктор юридических наук, профессор Российской академии наук;

А.И. Ковлер — заведующий Центром международного права и сравнительно-правовых исследований Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации.

Цивилизационные аспекты проблемы прав человека (к 75-летию принятия Всеобщей декларации прав человека) : сборник статей X Общероссийского годового собрания теоретиков права (г. Москва, 22 февраля 2023 г., Центральный дом ученых) / [Т.Я. Хабриева, В.В. Лазарев, А.И. Ковлер и др. ; редкол. В.В. Лазарев (отв. ред.), Ю.Г. Арзамасов, М.В. Залоилю, Д.А. Пашенцев, А.И. Сидоренко]. — Москва : Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации : Норма : ИНФРА-М, 2024. — 208 с. — DOI 10.12737/2138189.

ISBN 978-5-00156-367-9 (Норма)

ISBN 978-5-16-019813-2 (ИНФРА-М, print)

ISBN 978-5-16-112347-8 (ИНФРА-М, online)

X Общероссийское годовое собрание теоретиков права открыло цикл научных мероприятий, посвященных 100-летию Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. В сборник вошли доклады, представленные на этом собрании.

Доктринальный анализ проблемы прав человека и гражданина проводится с цивилизационных позиций, которые сохраняют свою актуальность на протяжении столетий и приобрели особый смысл для международного сообщества с принятием Всеобщей декларации прав человека в 1948 г.

Научные статьи распределены по двум разделам. В первом — «Общетеоретические основы признания и официального закрепления прав человека и гражданина» — рассматриваются современные вызовы теории прав и свобод, особенности реакции на них в различных правовых системах, имплементация Всеобщей декларации на национальном и международном уровнях, во втором — «Отраслевые вопросы закрепления и защиты прав человека в российском законодательстве» — делается акцент на защите прав личности в условиях цифровизации различных сфер общественных отношений и использования новейших правовых технологий.

Для правоведов — ученых и практиков, преподавателей, студентов и аспирантов высших учебных заведений, а также для широкого круга читателей, интересующихся вопросами обеспечения прав человека и гражданина.

УДК 341.215.4(082)

ББК 67.412.1я431

ISBN 978-5-00156-367-9 (Норма)

ISBN 978-5-16-019813-2 (ИНФРА-М, print)

ISBN 978-5-16-112347-8 (ИНФРА-М, online)

© Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2023

OF THE INSTITUTE OF LEGISLATION
AND COMPARATIVE LAW UNDER THE GOVERNMENT
OF THE RUSSIAN FEDERATION

CIVILIZATIONAL ASPECTS OF THE HUMAN RIGHTS PROBLEM

To the 75th anniversary
of Universal Declaration of Human Rights

Collection of articles of the X All-Russian Annual Meeting
legal theorists (Moscow, February 22, 2023,
Central House of Scientists)

Executive Editor
Doctor of Law, Professor
V.V. Lazarev

NORMA
INFRA-M
Moscow, 2024

Approved by the Section of Public law of the Scientific Council of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation

Reviewers:

L.T. Bakulina — Dean of the Faculty of Law of the Kazan (Volga Region) Federal University, Doctor of Law, Professor of the Russian Academy of Sciences;

A.I. Kovler — Head of the Center for International Law and Comparative Legal Research at the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation.

Civilizational Aspects of the Human Rights Problem (to the 75th anniversary of Universal Declaration of Human Rights) : based on materials from the X All-Russian Annual Meeting legal theorists February 22, 2023 (Moscow, Central House of Scientists) / [T.Y. Khabrieva, V.V. Lazarev, A.I. Kovler et al. ; editorial team V.V. Lazarev (executive editor), Yu.G. Arzamasov, M.V. Zaloilo, D.A. Pashentsev, A.I. Sidorenko]. — Moscow : The Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation : Norma : INFRA-M, 2024. — 208 p. — DOI 10.12737/2138189.

ISBN 978-5-00156-367-9 (Norma)

ISBN 978-5-16-019813-2 (INFRA-M, print)

ISBN 978-5-16-112347-8 (INFRA-M, online)

The X All-Russian annual meeting of legal theorists opened a series of scientific events dedicated to the 100th anniversary of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation. The collection includes papers presented at this meeting.

The doctrinal analysis of the problem of human and civil rights is carried out from a civilizational perspective, which has remained relevant for centuries and has acquired a special meaning for the international community with the adoption of the UN Universal Declaration of Human Rights in 1948.

Scientific articles are divided into two sections. The first – “General theoretical foundations for the recognition and official consolidation of human and civil rights” – examines modern challenges to the theory of rights and freedoms, the peculiarities of the response to them in various legal systems, the implementation of the Universal Declaration at the national and international levels, the second – “Sectoral issues of consolidation and protection of human rights in Russian legislation” – the emphasis is on the protection of individual rights in the context of digitalization of various spheres of public relations and the use of the latest legal technologies.

For legal scholars – scientists and practitioners, teachers, students and graduate students of higher educational institutions, as well as for a wide range of readers interested in ensuring human and civil rights.

ISBN 978-5-00156-367-9 (Norma)

ISBN 978-5-16-019813-2 (INFRA-M, print)

ISBN 978-5-16-112347-8 (INFRA-M, online)

© The Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, 2023

АВТОРСКИЙ КОЛЛЕКТИВ

Хабриева Т.Я. — директор Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, заместитель президента Российской академии наук, академик-секретарь Отделения общественных наук Российской академии наук, академик Российской академии наук, действительный член Международной академии сравнительного права, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, заслуженный юрист Российской Федерации, заслуженный юрист Республики Татарстан

Лазарев В.В. — главный научный сотрудник Центра фундаментальных исследований Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации

Ковлер А.И. — заведующий Центром международного права и сравнительно-правовых исследований Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации

Авдеева Е.В. — доцент кафедры правового обеспечения рыночной экономики Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, член Генерального совета, руководитель Экспертного центра по уголовно-правовой политике и исполнению судебных актов Общероссийской общественной организации «Деловая Россия», кандидат юридических наук, доцент

Алимова Д.Р. — старший научный сотрудник отдела теории права и междисциплинарных исследований законодательства Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, кандидат юридических наук

Грачева С.А. — старший научный сотрудник Центра судебного права Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, кандидат юридических наук

Давыдова М.Л. — заведующий кафедрой конституционного и муниципального права Волгоградского государственного университета, доктор юридических наук, профессор

Дробышевский С.А. — заведующий кафедрой теории и истории государства и права Сибирского федерального университета, доктор юридических наук, профессор

Жигитов А.А. — аспирант Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации

Журавлева О.О. — ведущий научный сотрудник отдела финансового, налогового и бюджетного законодательства Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, кандидат юридических наук

Захарцев С.И. — заведующий кафедрой адвокатуры и правоохранительной деятельности Российского государственного социального университета, доктор юридических наук, доцент

Ибрагимова Ю.Э. — старший преподаватель кафедры теории государства и права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина; старший научный сотрудник центра судебного права Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, кандидат юридических наук

Капустин А.Я. — руководитель кафедры международного права Учебно-образовательного центра Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации

Латынцев А.В. — докторант Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, кандидат юридических наук

Макарова О.В. — ведущий научный сотрудник Центра уголовного, уголовно-процессуального законодательства Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, кандидат юридических наук

Макаров Д.А. — заведующий кафедрой административного права и процесса Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики, кандидат юридических наук, доцент

Маюров Н.П. — профессор кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского университета Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий, доктор юридических наук, профессор

Петрова Е.А. — заведующий кафедрой сравнительного правоведения и правотворчества Ивановского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент

Прохорова Е.Н. — доцент кафедры уголовного процесса Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета Министерства внутренних дел Российской Федерации, кандидат юридических наук

Савченко Е.А. — научный сотрудник отдела социального законодательства Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, кандидат юридических наук

Саидов А.Х. — директор Национального центра Республики Узбекистан по правам человека, действительный член Академии наук Узбекистана, депутат Законодательной палаты Олий Мажлиса Республики Узбекистан трех созывов, доктор юридических наук, профессор

Сальников В.П. — главный редактор журнала «Юридическая наука: история и современность», доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации

Синюков В.Н. — проректор по научно-исследовательской деятельности Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации

Советов Д.И. — преподаватель-исследователь кафедры экономических и финансовых расследований Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

Степанов О.А. — главный научный сотрудник Центра судебного права Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор

COLLECTIVE OF AUTHORS

Khabrieva T.Y. — Director of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Deputy President of the Russian Academy of Sciences, Academician-Secretary of the Division of Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Academician of the Russian Academy of Sciences, full member of the International Academy of Comparative Law, Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Honored Lawyer of the Russian Federation, Honored Lawyer of the Republic of Tatarstan

Lazarev V.V. — Chief Researcher at the Center of Fundamental Research of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation

Kovler A.I. — Head of the Department of Comparative Legal Research at the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation

Avdeeva E.V. — Associate Professor of the Department of Legal Support of the Market Economy of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Member of the General Council, Head of the Expert Center on Criminal Legal Policy and the Execution of Judicial Acts of the All-Russian Public Organization «Business Russia», Candidate of Legal Sciences, Associate Professor

Alimova D.R. — Senior Researcher, Department of Theory of Law and Interdisciplinary Research of Legislation, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Candidate of Legal Sciences

Gracheva S.A. — Senior Researcher at the Center for Judicial Law of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Candidate of Legal Sciences

Davydova M.L. — Head of the Department of Constitutional and Municipal Law, Volgograd State University, Doctor of Law, Professor

Drobyshevsky S.A. — Head of the Department of Theory and History of State and Law, Siberian Federal University, Doctor of Law, Professor

Zhigitov A.A. — postgraduate student at the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation

Zhuravleva O.O. — Leading Researcher of the Department of Financial, Tax and Budget Legislation of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Candidate of Legal Sciences

Zakhartsev S.I. — Head of the Department of Advocacy and Law Enforcement, Russian State Social University, Doctor of Law, Associate Professor

Ibragimova Yu.E. — Senior Lecturer, Department of Theory of State and Law, Moscow State Law University named after O.E. Kutafina; Senior Researcher at the Center for Judicial Law of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Candidate of Legal Sciences

Kapustin A.Ya. — Head of the Department of International Law of the Training and Educational Center of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation

Latyntsev A.V. — doctoral student at the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, candidate of legal sciences

Makarova O.V. — Leading Researcher at the Center for Criminal, Criminal Procedure Legislation and Judicial Practice of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Candidate of Legal Sciences

Makarov D.A. — Head of the Department of Administrative Law and Process, St. Petersburg University of Management Technologies and Economics, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor

Mayurov N.P. — Professor of the Department of Theory and History of State and Law of St. Petersburg University of the Ministry of the Russian Federation for Civil Defense, Emergency Situations and Disaster Relief, Doctor of Law, Professor

Petrova E.A. — Head of the Department of Comparative Law and Lawmaking at Ivanovo State University, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor

Prokhorova E.N. — Associate Professor of the Department of Criminal Procedure of the Kaliningrad Branch of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Candidate of Legal Sciences

Savchenko E.A. — specialist of the 1st category of the department of social legislation of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Candidate of Legal Sciences

Saidov A.Kh. — Director of the National Center of the Republic of Uzbekistan for Human Rights, full member of the Academy of Sciences of Uzbekistan, deputy of the Legislative Chamber of the Oliy Majlis of the Republic of Uzbekistan of three convocations, Doctor of Law, Professor

Salnikov V.P. — editor-in-chief of the journal “Legal Science: History and Modernity”, Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federa-

tion Federation, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation

Sinyukov V.N. — Vice-Rector for Research Activities of Moscow State Law University named after O.E. Kutafina, Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Honored Scientist of the Russian Federation,

Sovetov D.I. — Lecturer-researcher at the Department of Economic and Financial Investigations, Moscow State University named after M.V. Lomonosov

Stepanov O.A. — Chief Researcher at the Center for Judicial Law of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor

СОДЕРЖАНИЕ

Т.Я. Хабриева

Проблема прав человека в трудах ученых
Института законодательства и сравнительного
правоведения при Правительстве Российской Федерации 17

РАЗДЕЛ I

**ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ
ПРИЗНАНИЯ И ОФИЦИАЛЬНОГО ЗАКРЕПЛЕНИЯ
ПРАВ ЧЕЛОВЕКА**

А.Х. Саидов

Теория прав человека: современные проблемы и вызовы 29

В.В. Лазарев

Права человека и гражданина в российской
правовой системе 50

А.И. Ковлер

Всеобщая декларация прав человека:
имплементация на национальном уровне 65

А.Я. Капустин

Имплементация Всеобщей декларации
прав человека в международном праве 71

В.Н. Синюков

Правовое положение личности
в российской правовой системе. 78

М.Л. Давыдова

Права человека в контексте теории умного регулирования 91

С.А. Дробышевский

О ценностях, интересах и правах человека 99

Н.П. Маюров, Д.А. Макаров

Особенности правового статуса личности
в странах современного мира 103

С.И. Захарцев, В.П. Сальников

Гипотеза катаклизмов и круговорота жизни
на земле в контексте прав человека 110

С.А. Грачева Права человека в механизме права в сочетании его объективных и субъективных начал	120
Д.Р. Алимова, Ю.Э. Ибрагимова Интересы государства и личности в сфере регулирования прав и свобод	129

РАЗДЕЛ II
ОТРАСЛЕВЫЕ ВОПРОСЫ ЗАКРЕПЛЕНИЯ
И ЗАЩИТЫ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА
В РОССИЙСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

Е.А. Петрова Социальные права в системе прав человека: сравнительно-правовой аспект	139
А.В. Латынцев Учет приоритетности права человека на охрану здоровья при осуществлении интеллектуальных прав	148
Е.А. Савченко Права человека в сфере культуры в условиях цифровизации	157
О.А. Степанов О защите цифровых прав личности, связанных криптосферой	166
О.О. Журавлева Права и свободы граждан в условиях цифровой трансформации налоговой сферы	172
Е.Н. Прохорова Правовая защита личности от информационных угроз в киберпространстве	179
Е.В. Авдеева Роль защиты прав предпринимателей для обеспечения прав человека	185
О.В. Макарова Защита прав человека в уголовном судопроизводстве.	195
Д.И. Советов Преодоление правовых ошибок в юридической деятельности: от теории к практике.	200
А.А. Жигитов Современное толкование прав человека: онтологический аспект	204

CONTENTS

T.Y. Khabrieva

The Problem of Human Rights in the Works of Scientists
Institute of Legislation and Comparative
Law under the Government of the Russian Federation 17

CHAPTER I

**GENERAL THEORETICAL FOUNDATIONS
RECOGNITION AND FORMALIZATION
HUMAN RIGHTS**

A.Kh. Saidov

Human Rights Theory: Contemporary Issues
and Challenges 29

V.V. Lazarev

Human and Civil Rights in Russian Legal System 50

A.I. Kovler

Universal Declaration of Human Rights:
implementation at the national level 65

A.Ya. Kapustin

Implementation of the Universal Declaration
Human Rights in International Law 71

V.N. Sinyukov

Legal Status of the Individual in the Russian Legal System 78

M.L. Davydova

Human Rights in the Context of Theory
Smart Regulation 91

S.A. Drobyshevsky

About Values, Interests and Human Rights 99

N.P. Mayurov, D.A. Makarov

Features of the Legal Status of the Individual
in the Countries of the Modern World 103

S.I. Zakhartsev, V.P. Salnikov

The Hypothesis of Cataclysms and the Cycle of Life
on Earth in the Context of Human Rights 110

S.A. Gracheva
Human Rights in the Mechanism of Law in Combination
its Objective and Subjective Principles 120

D.R. Alimova, Yu.E. Ibragimova
Interests of the State and the Individual in the Sphere
Regulation of Rights and Freedoms 129

CHAPTER II
INDUSTRY ISSUES OF CONSOLIDATION
AND PROTECTION OF HUMAN RIGHTS
IN RUSSIAN LEGISLATION

E.A. Petrova
Social Rights in the Human Rights System:
Comparative Legal Aspect 139

A.V. Latyntsev
Considering the Priority of Human Rights
on Health Protection During Implementation
Intellectual Rights. 148

E.A. Savchenko
Human Rights in the Field of Culture
in the Context of Digitalization. 157

O.A. Stepanov
On the Protection of Digital Personal Rights,
Connected by the Cryptosphere 166

O.O. Zhuravleva
Rights and Freedoms of Citizens in Conditions
Digital Transformation of the Tax Sphere 172

E.N. Prokhorova
Legal Protection of the Individual from Information
Threats in Cyberspace. 179

Avdeeva E.V.
The Role of Protecting the Rights of Entrepreneurs
to Ensure Human Rights 185

D.A. Makarov
Protection of Human Rights in Criminal Matters
Legal Proceedings. 195

D.I. Sovetov
Overcoming Legal Errors in Legal Activities:
from Theory to Practice. 200

Zhigitov A.A.
Modern Interpretation of Human Rights:
Ontological Aspect. 204

ПРОБЛЕМА ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В ТРУДАХ УЧЕНЫХ ИНСТИТУТА ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И СРАВНИТЕЛЬНОГО ПРАВОВЕДЕНИЯ ПРИ ПРАВИТЕЛЬСТВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Т.Я. Хабриева

21 марта 2023 г. в рамках цикла научных мероприятий, приуроченных к 100-летию Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации (далее — Институт), состоялось X Общероссийское годовое собрание теоретиков права (далее — Собрание). Этот форум по праву считается одной из самых авторитетных дискуссионных площадок, ежегодно собирающей в стенах Института сотни правоведов из России, а также ближнего и дальнего зарубежья. На этот раз Собрание проходило в Центральном доме ученых. Именно здесь весной 1923 г. прошло первое организационное собрание научных работников, образовавших Кабинет по изучению личности преступника и преступности (далее — Кабинет).

Деятельность Кабинета положила начало масштабным исследованиям, для осуществления которых юристы привлекли представителей других наук (социологов, психологов, медиков и др.). В скором времени Кабинет был преобразован в научно-исследовательский Институт — новую форму организации научной деятельности, кото-

рая стала распространяться не только в СССР, но и за рубежом¹. Сейчас специализированные научные организации в области права продолжают подтверждать свой статус генератора научных идей наряду с юридическими факультетами классических университетов.

Стоит напомнить, что научные конференции, посвященные 100-летию Института, открыло VIII Общероссийское годовое собрание теоретиков права², состоявшееся 25–26 февраля 2021 г., и они были продолжены серией научных форумов, объединенных общим юбилейным замыслом. Этому есть свое объяснение.

В условиях грандиозных общественных трансформаций, обострения конкуренции стратегий глобального развития, соперничества моделей мирового правового порядка, а также новой волны конституционных реформ в странах мира³ именно теоретики права оказались в авангарде ученых-юристов, к трудам которых апеллирует практика государственного и правового строительства.

Теоретики права востребованы при проектировании важнейших государственно-правовых решений. Свидетельством тому является достойное представительство членов этого юридического сообщества в рабочей группе по подготовке предложений о внесении поправок в Конституцию РФ⁴. В нее вошли ведущие теоретики страны: профессора В.В. Лазарев, Ю.А. Тихомиров, М.Н. Марченко. Ученые возглавили упомянутую рабочую группу в качестве сопредседателей и были назначены представителями Президента РФ в палатах Федерального Собрания при рассмотрении законопроектов, внесенных с целью реализации конституционных поправок⁵.

Можно констатировать, что теория права сейчас переживает этап восстановления собственного авторитета и высокого положения в системе не только юридического знания, но и источников государственно-правовой практики. Видное место занимает научная школа

¹ Подробнее об этом см.: Летопись российской юридической науки: в 5 т. / отв. ред. Т.Я. Хабриева. М., 2023.

² Подробнее об этом см.: Правотворчество в XXI веке: эволюция доктрины и практики (к 90-летию со дня рождения А.С. Пиголкина): сб. науч. ст. / отв. ред. В.В. Лазарев. М., 2022.

³ См.: Хабриева Т.Я. Конституционная реформа в России: в поисках национальной идентичности // Вестник РАН. 2020. Т. 90. № 5. С. 403–414.

⁴ См.: Распоряжение Президента РФ от 15 января 2020 г. № 5-рп «О рабочей группе по подготовке предложений о внесении поправок в Конституцию Российской Федерации». URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/62589>

⁵ См.: Распоряжение Президента РФ от 20 января 2020 г. № 6-рп «О назначении официальных представителей Президента Российской Федерации при рассмотрении палатами Федерального Собрания Российской Федерации проекта закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации публичной власти». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202001200021>

теории права Института, которая богата собственными концепциями, идеями, фундаментальными решениями и представлена такими знаменитыми учеными, как А.Б. Венгеров, С.А. Голунский, А.И. Денисов, С.Ф. Кечекьян, О.Э. Лейст, А.В. Мицкевич, И.С. Перетерский, А.С. Пиголкин, И.С. Самошенко, М.С. Строгович, А.А. Тилле, В.А. Туманов и др.¹ Примечательно, что на ниве теоретико-правовой проблематики трудились известные многим представители отраслевой юридической науки: О.С. Иоффе, В.В. Залесский, В.И. Никитинский, А.А. Пионтовский, И.С. Перетерский, С.А. Голунский, Е.А. Флейшиц, А.И. Пергамент, В.В. Глазырин, В.Н. Зенков, А.И. Денисов, И.Б. Новицкий, Н.Н. Полянский, Е.А. Павлодский, С.Н. Братусь, М.Н. Гернет, Н.Г. Александров и др. Поэтому обращение к наследию Института в области теории юридической науки позволяет увидеть в единстве многообразие его научных школ, отраслевых исследовательских направлений, коллектива научных сотрудников, создававших имя этого учреждения.

Усилиями Института с советских времен были заложены научные традиции теоретико-правовых исследований, которые современная плеяда ученых продолжает чтить и развивать. Очень важно, что получилось сохранить преемственность идей, в том числе благодаря тому, что в Институте трудятся известные теоретики права В.В. Лазарев, Ю.А. Тихомиров, С.А. Боголюбов, А.И. Ковлер, Н.Н. Черногор, а также новое поколение ученых, интересующихся теоретико-правовыми исследованиями. Среди них — представители отраслевых юридических наук — С.А. Сеницын, Н.В. Путило и др. Таким образом, у Института есть все основания и возможности для того, чтобы на самом высоком уровне ставить и обсуждать доктринальные проблемы.

Тема, которая стала центром дискуссии на Собрании в 2023 году, посвящена правам человека — вечно актуальной проблеме для теории права. Существенный вклад в ее разработку внесли ученые, стоявшие у истоков формирования научных школ Института.

В настоящее время, когда под действием разных факторов меняются оценки идей и концепций, а в информационном, в том числе научном, пространстве продвигаются разного рода сомнительные идеологемы, обращение к научному наследию Института позволяет найти ответы на многие острые вопросы, волнующие научное и профессиональное юридическое сообщество.

По сложившейся традиции на Собрании обсуждаются фундаментальные проблемы правоведения в контексте осмысления ретроспек-

¹ См.: Хабриева Т.Я. Доктрина правотворчества как квинтэссенция пути в науке: к 100-летию Института законодательства и сравнительного правоведения // Журнал российского права. 2023. С. 5–38.

тивы значимых для России событий или творчества выдающихся мыслителей, чьи идеи оказали существенное влияние на юридическое знание. В 2023 году исполняется 75 лет Всеобщей декларации прав человека, которая, безусловно, сыграла важную роль в развитии национальных правовых систем, послужила основанием для создания системы защиты прав человека на универсальном и региональном уровнях. Отдавая должное этому источнику права и высоко оценивая его принятие, необходимо напомнить о вкладе российских и советских ученых в теоретическое обоснование идей, как нашедших отражение в этом документе, так и не получивших реализации, несмотря на имевшиеся инициативы. Например, Советский Союз настаивал на включении в проект Декларации статьи, которая закрепляла бы право народов на самоопределение, а также положений, в соответствии с которыми борьба против фашизма провозглашалась бы неотъемлемым правом человека¹. Сегодня пришло понимание того, сколь дальновидны были авторы данных предложений.

На протяжении всей истории существования Института его ученые придавали особое значение построению отечественной доктрины прав человека и ее практическому применению. Институт изначально был в большей мере востребован как криминологический центр², однако впоследствии он стал в полном смысле Всесоюзным институтом юридических наук (ВИЮН), проводившим исследования по самому широкому спектру правовых проблем³. Немало сделал для разработки механизмов защиты прав человека в социалистическом обществе Всесоюзный научно-исследовательский институт советского законодательства (преемник ВИЮНа)⁴.

Ученые Института заметно расширили проблематику прав человека — от вопросов гуманизации уголовной политики государства, доктринального обоснования прав заключенных и механизмов их

¹ См.: Мовчан А.П. Права человека и международные отношения. М., 1982. С. 42, 43.

² См.: Уголовный кодекс. Комментарий / под общ. ред. Е.Г. Ширвиндта. М.: Изд-во НКВД, 1927; Ширвиндт Е.Г., Утевский Б.С. Что нужно знать заключенному: права и обязанности. М., 1927; Е.Г. Ширвиндт. SchirwindtE. Gefängnisseinder Sowjetunion. Книга (Правила социальной защиты в СССР). Wien, Vgl. für Literatur und Politik, 1927.

³ См.: Денисов А.И. Права и обязанности граждан СССР. Саратов, 1945; Смоленск, 1946; Денисов А.И. Теория государства и права. М., 1948; Флейшиц Е.А. Проблема личности и государства в Манифесте коммунистической партии // Ученые записки. Материалы научных сессий, посвященных столетию Манифеста коммунистической партии. 1948, ВИЮН, ВЮА, 1949; Александров Н.Г. Право и законность в период развернутого строительства коммунизма. М., 1961; Мицкевич А.В. Субъекты советского права. М., 1962; и др.

⁴ См.: Кириченко М.Г. Свобода совести в СССР. М., 1985; Права человека. История, теория и практика / орг. авт. кол. Б. Назаров. М., 1995; и др.

охраны до теоретических обобщений относительно правовой природы прав человека, правосубъектности граждан, отраслевого регулирования осуществления конкретных прав и свобод. К отличительным чертам научного поиска в данной области можно отнести:

- преемственность гуманистических идей дореволюционных российских ученых;
- сочетание междисциплинарных и сугубо юридических исследований;
- взаимосвязь прав человека с гарантиями их полноценной реализации в контексте диалектического единства прав и обязанностей;
- применение теоретических изысканий в области прав человека к отраслевым концепциям;
- коллаборацию науки и практики, непосредственную включенность Института в правотворческий процесс и научное сопровождение государственных и правовых реформ¹;
- опору на собственные разработки в области методологии правовой науки, социологические, сравнительно-правовые и историко-правовые исследования;
- востребованность научных концептов ученых Института в отечественной теории и практике, их признание в зарубежной доктрине, деятельности международных организаций (Европейской комиссии за демократию через право (Венецианской комиссии Совета Европы), ЕСПЧ и др.²

Современные дискуссии по поводу прав и обязанностей граждан в правовом государстве, о праве силы и силе в праве, о способах защиты нарушенных прав, о верховенстве закона и справедливости зачастую повторяют известные аргументы ученых Института применительно к новым условиям³.

¹ Подробнее об этом см.: Хабриева Т.Я. Доктрина правотворчества как квинтэссенция пути в науке: к 100-летию Института законодательства и сравнительного правоведения // Журнал российского права. 2023. С. 5–38.

² Речь идет в том числе о членстве ученых Института в Венецианской комиссии, ЕСПЧ, в которые избираются только деятели науки с мировым именем. Например, в составе Венецианской комиссии, ее руководящих органах, научном и методологическом совете ученые Института работали на протяжении девяти лет. А.И. Ковлер был в статусе судьи ЕСПЧ в течение 13 лет. Еще более длительное время (13 лет и 8 месяцев) в этом качестве трудился Х.И. Гаджиев.

³ См., например: Флейшиц Е.А. Личные права в гражданском праве Союза ССР и капиталистических стран. М., 1941; Судебная защита прав и свобод граждан / отв. ред. В.П. Кашепов. М., 1999; Гражданин, закон и публичная власть / редкол. А.Ф. Ноздрачев, А.Е. Постников, Ю.А. Тихомиров. М., 2005 и др.; Ярошенко К.Б. Гражданин в гражданском праве. М., 2010; Правовой статус человека и гражданина в меняющемся мире / отв. ред. А.Е. Постников. М., 2023.

Исследования Института всегда отвечали вызовам времени и важнейшим задачам, стоящим перед государством. Например, в годы Великой Отечественной войны разрабатывались проблемы статуса военнослужащих и смежные вопросы¹. Научный потенциал Института был использован при подготовке всех советских конституций. Строительство правового государства в параметрах Конституции РФ вызвало отклик ученых Института и генерацию новых научных идей², а наработки в области трудовых и иных социальных прав человека оказались востребованы в ходе конституционной реформы 2020 г.³ Вопросы обеспечения и защиты прав человека в условиях пандемии COVID-19 также находились в центре внимания Института, а соответствующие результаты докладывались на Общем собрании РАН в 2021 г.⁴

Изыскания по теме прав человека продолжаются⁵. В современных условиях глобальная система защиты прав человека пережива-

¹ См.: Астрахан Е.И. Пенсионное обеспечение инвалидов войны и семей военнослужащих, погибших в войне: дис. ... канд. юрид. наук (1942); Юдельсон К.С. Институт прогресса в советском гражданском праве: дис. ... канд. юрид. наук (1942); Астрахан Е.И., Попова В.И. Справочник по государственному обеспечению и бытовому устройству семей военнослужащих (правительственные акты и ведомственные материалы, изданные до 10 октября 1943 г.). М., 1943; и др.

² Например, ученые Института являются соавторами концепции и текста Федерального закона от 6 декабря 1994 г. № 56-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав граждан Российской Федерации». См. также: Васильев В.И. Законодательная основа муниципальной реформы. М., 2005; Институты конституционного права / отв. ред. Л.В. Андриченко, А.Е. Постников. М., 2011; Развитие демократических принципов и институтов на муниципальном уровне: правовые основы: монография / В.И. Васильев, А.Е. Постников, А.Е. Помазанский. М., 2017 и др.

³ См.: Хабриева Т.Я., Клишас А.А. Тематический комментарий к Закону Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти». М., 2020; Комментарий к Конституции Российской Федерации (постатейный): с учетом изменений, одобренных в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г. / под ред. Т.Я. Хабриевой; обращение к читателям В.В. Путина. М., 2021.

⁴ См.: Хабриева Т.Я., Черногор Н.Н. Право и пандемия: уроки кризиса // Вестник Российской академии наук. 2022. Т. 92. № 8. С. 803–808.

⁵ См., например: Право и социальное развитие: новая гуманистическая иерархия ценностей. М., 2015; Социальное обеспечение: настоящее и будущее / отв. ред. М.Л. Захаров, Ю.В. Воронин. М., 2017; Путило Н.В. Социальные права в постиндустриальном обществе. М., 2021; Права пенсионеров: российское законодательство и зарубежный опыт: науч.-практ. пособие / отв. ред. Н.В. Путило. М., 2020; Волкова Н.С. Паллиативная помощь: вопросы права и практики. М., 2020; Право и биомедицина / отв. ред. Ф.В. Цомартова. М., 2021; Правовое регулирование межнациональных отношений в Российской Федерации: проблемы теории и практики: науч.-практ. пособие / отв. ред. Л.В. Андриченко, А.Е. Постников. М., 2021; Социальные выплаты в Российской Федерации: межотраслевой подход к правовому регулированию: науч.-практ. пособие / отв. ред. Н.В. Антонова. М., 2021; Правовая политика государства в сфере общественного здо-

ет сложные времена. Нарастание противоречий в международных отношениях, во многом определенных экономическим неравенством, вновь обострило споры о содержании естественных прав. В юридической доктрине и практике произошел раскол по поводу естественного происхождения отдельных прав человека. Разрешение подобных противоречий предполагает поиск всеобщего консенсуса, учитывающего интересы отдельных государств и регионов мира. Таким образом, текущий кризис возвращает юристов к важным, фундаментальным теоретическим вопросам, судьбоносным для дальнейшего развития права. Проблематика прав человека приобретает актуальные контексты и в условиях глобальных общественных трансформаций при переходе к новому технологическому укладу¹.

Уже очевидно, что потенциальным источником угрозы этим правам является не только государство, как традиционно считалось, но и современные технологии — конвергентные, природоподобные и др. В связи с этим заметным трендом в доктрине стали массовые попытки обоснования новых самостоятельных прав человека, их групп, предложения о закреплении этих прав в национальных конституциях и даже в Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод². Речь идет о так называемых цифровых, соматических правах, нейроправах и проч. Такого рода предложения выглядят интересно, особенно для молодых ученых, например право на физическое существование, на инсоляцию, на собственную личность и неприкосновенность сознания. Ученые Института относятся сдержанно к такого рода инициативам, полагая, что большинство из них есть не что иное, как конкретизация уже закрепленных прав человека, результат их толкования. Мы не можем разделить энтузиазм адептов этих идей в части немедленного юридического оформления подобных предложений. В то же время в коллективе Института есть понимание необходимости осмысления реалий, послуживших предпосылкой к появлению соответствующих научных идей. Поиск в этом направлении ведется. Имеются соответствующие наблюдения

рочья: науч.-практ. пособие / отв. ред. Н.В. Путило. М., 2022; Уголовный закон и нравственность: сб. матер. Междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 29 сентября 2021 г.) / отв. ред. Т.Я. Хабриева. М., 2022; Правовое регулирование статуса участников геномных исследований (российский и зарубежный опыты) / отв. ред. Н.М. Колосова. М., 2022; Правовой статус человека и гражданина в меняющемся мире / отв. ред. А.Е. Постников. М., 2023 и др.

¹ См.: Хабриева Т.Я., Черногор Н.Н. Будущее права. Наследие академика В.С. Степина и юридическая наука. М., 2020.

² См.: Хабриева Т.Я. Идентификация права в современной социальной регуляции // Вопросы философии. 2021. № 12. С. 5–17.

и обобщения¹. И все же следует фокусировать внимание на механизмах защиты и гарантиях признанных прав, на создании условий для их полноценной реализации разными категориями лиц, особенно теми, кто ограничен в возможностях (дети, инвалиды и др.). На это нацеливают обновленная Конституция РФ, укрепившая основы социального государства и социальной политики, а также документы государственного стратегического планирования².

Теоретикам права предстоит обратить особое внимание на следующие проблемы:

1) эволюция содержания конкретных прав человека, структура так называемых сложносоставных прав, их место в системе прав человека;

2) новые параметры порядка в системе прав человека, в том числе изменение значения некоторых фундаментальных прав, придание абсолютного значения правам, которые прежде в этом качестве не были позиционированы (например, отсутствие права уязвимых групп (тяжело больные, находящиеся в исключительно трудных условиях, пожилые, лишенные свободы лица, мигранты) на надлежащую медицинскую помощь во время острой фазы пандемии приравнивали к «бесчеловечному и унижающему достоинство обращению»)³;

3) механизмы преодоления обострившихся во время глобальных кризисов противоречий:

— между частным и публичным в праве — между фундаментальными ценностями общества, например индивидуальной свободой и общественным (общим) благом (таким, как «жизнь нации»), и базовыми подсистемами правопорядка (обеспечение безопасности общества и защита прав человека);

— отдельными основными правами и свободами (например, правом на жизнь и здоровье — с одной стороны, свободой передвижения и автономией личной жизни — с другой);

— субъективным правом и свободой его реализации;

¹ См. подробнее: Хабриева Т.Я. Право, искусственный интеллект, цифровизация // Человек и системы искусственного интеллекта / под ред. В.А. Лекторского. СПб., 2022.

² См., например: Указ Президента РФ от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года»; Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года, утвержденная Указом Президента РФ от 19 декабря 2012 г. № 1666; Указ Президента РФ от 9 октября 2007 г. № 1351 «Об утверждении Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года».

³ См.: Хабриева Т.Я. «Юриспруденция пандемии»: территория чрезвычайного // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2022. Т. 18. № 1. С. 5–9.

4) полифункциональность некоторых правовых средств обеспечения прав человека, совпадение в ряде случаев юридических ограничений и правовых гарантий¹;

5) соотношение прав человека и прав народов².

В целом перед юридической наукой, теорией права сейчас стоят вопросы, от ответа на которые может зависеть дальнейший путь развития человечества как в политическом, так и в биосоциальном плане. В контексте рассматриваемой темы сборника хотелось бы особо отметить фундаментальные статьи партнеров и давних друзей Института академика А.Х. Саидова и профессора В.Н. Синюкова, неизменно поддерживающих Собрание, которое благодаря непрерываемому авторитету профессора В.В. Лазарева превратилось в крупнейший современный теоретико-правовой форум.

¹ См.: Хабриева Т.Я. «Юриспруденция пандемии»: территория чрезвычайного // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2022. Т. 18. № 1. С. 5–9.

² Подробнее об этом см.: Хабриева Т.Я. Современные проблемы самоопределения этносов: сравнительно-правовое исследование: монография. М., 2010.

РАЗДЕЛ I

ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКИЕ
ОСНОВЫ ПРИЗНАНИЯ
И ОФИЦИАЛЬНОГО
ЗАКРЕПЛЕНИЯ
ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

ТЕОРИЯ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА: СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ВЫЗОВЫ

А.Х. Саидов

Проблемам прав человека, с одной стороны, на национальном и региональном, а также международном уровне, а с другой, — на общетеоретическом, отраслевом и международно-правовом — посвящено огромное количество научно-теоретических, практико-прикладных, учебных и информационно-просветительских работ, диссертаций, поскольку права человека давно стали междисциплинарной темой. Подобная неограниченность и всеохватность данной темы проистекает от ее обращения к глубинным человеческим ментальным установкам, лежащим в основе существования всего человеческого сообщества. Именно в этом заключается огромный и всевозрастающий интерес к проблемам прав человека со стороны представителей различных общественных наук, которые, будучи разносоориентированными в своих исследованиях, все-таки ставят во главу угла его потребность¹.

Права человека — это явление цивилизации. Каждая цивилизация вносит свой вклад в утверждение прав человека. У каждой цивилизации свои представления о правах человека. Поэтому в настоящее время особое значение приобретает цивилизационный подход к их изучению. Исследование прав человека в контексте культуры и цивилизации позволяет понять новые процессы современного мира, в котором наряду с глобализацией происходит «самоутверждение взаимодействия» цивилизаций².

¹ См.: Права человека и вызовы XXI века / под ред. А.Х. Абашидзе. М., 2016.

² См.: Лукашева Е.А. Права человека: конфликт культур // Российское правосудие. 2006. № 6. С. 15.

Как справедливо отмечает авторитетный специалист по правам человека Е.А. Лукашева, *цивилизационный подход к исследованию прав человека позволит ответить на вопросы*:

- 1) почему процесс «приживания» прав человека протекает так сложно;
- 2) что порождает конфликты или «рассогласование культур»;
- 3) возможно ли, заимствуя частично чужую культуру, не быть поглощенным ею;
- 4) каковы универсальные права человека на нынешнем этапе развития мирового сообщества¹.

Различные цивилизации создают многообразную плюралистическую правовую картину мира. В них действуют самобытные, выработанные историческим и национальным опытом народов, социокультурные системы регуляции: право, политика, религия, мораль, наука, искусство, обычаи, традиции. Эти исторически сложившиеся стандарты подчас отторгают «ценности» западного мира, когда их пытаются (иногда насильственно) насаждать на другой почве. Примером служат неоднократные заявления президентов США о «внедрении демократии во все страны мира». В частности, каждый из них выступает с новыми инициативами, направленными на усиление поддержки неправительственных и правозащитных организаций².

В последнее время все больше государств резко критикуют ежегодные доклады Государственного департамента США о соблюдении прав человека в мире, в которых это государство обвиняет десятки стран и территорий мира в нарушении прав человека. При этом отмечается, что:

- 1) нет никакого международного решения, которое бы наделяло США определенными полномочиями на подготовку таких докладов;
- 2) нет никакого морального и политического права у США на подготовку подобных докладов и критику других суверенных государств;
- 3) государства не признают права США судить о соблюдении прав человека в других странах и законность подобных докладов, составленных в одностороннем порядке в соответствии с «домашними» критериями, нередко из политических соображений;
- 4) одностороннее отношение к оценке положения, касающегося прав человека в других странах, неприемлемо, поскольку оно противоречит универсальности принципов прав человека, которые не могут применяться избирательно;

¹ См.: Лукашева Е.А. Права человека: конфликт культур // Наш трудный путь к праву: материалы философско-правовых чтений памяти академика В.С. Нерсисянца / сост. В.Г. Графский. М., 2006. С. 241–255.

² URL: <http://www.prima-news.nl/news/2006/12/16/37309.html>

5) доклады носят политизированный, необъективный и во многом конфронтационный характер; они составлены с таким расчетом, чтобы у мировой общественности сформировались представления, предлагаемые их авторами, в основном негативные.

Международно-правовые стандарты прав человека, выражающие западную концепцию прав человека, приходят в столкновение с ценностями других цивилизаций. Например, возмущение мусульман по поводу запрета ношения девочками традиционного головного убора во Франции, грандиозный правовой скандал в связи с оскорбительными для мусульман изображениями Пророка Мухаммада с «карикатурной» историей или с весьма некорректными высказываниями Папы Римского в отношении народа России. В любом случае необходимо при осуществлении права на свободу мнения и его свободное выражение соблюдать ограничения, предусмотренные ст. 19 Международного пакта о гражданских и политических правах, поскольку, на наш взгляд, реализация прав одними субъектами не должна наносить прямой ущерб правам других¹.

Когда в XXI в. цивилизации «не слышат друг друга», весьма важен диалог цивилизаций, который должен охватывать самые широкие сферы — не только экономическую и научно-техническую, но и гуманитарную (права человека), конфессиональную, искусство, стиль и образ жизни. В основе такого взаимодействия цивилизаций должны лежать важнейшие принципы: равенство, справедливость, гуманность, уважение к миру иных ценностей и норм. В процессе цивилизационного диалога можно достичь соглашения о важности постепенного усвоения международно-правовых стандартов, которые являются необходимыми условиями жизни и деятельности человека, его взаимоотношений с обществом, государством, другими людьми².

Среди основополагающих современных прав человека — **право быть самим собой**. С одной стороны, права человека как универсальные стандарты нивелируют различия между различными группами, а с другой стороны, существуют как инструмент, который позволяет человеку быть самим собой, в том числе выбирать собственную идентичность. То есть, если довести мысль до абсурда, попытка реализовать права человека в идеале приведет к полному исчезновению

¹ Подробнее об этом см.: Ликвидация всех форм религиозной нетерпимости: записка Генерального секретаря ООН // Док. ООН: А/61/340; Борьба против диффамации религий: доклад Генерального секретаря ООН // Док. ООН: А/61/325; Доклад, представленный Специальным докладчиком г-ном Дуду Дьеном по вопросу о современных формах расизма, расовой дискриминации, ксенофобии и связанной с ними нетерпимости // Док. ООН: А/HRС/4/19.

² URL: <http://www.ras.ru/shownews.aspx?id.>

идентичности, все люди должны будут стать одинаковыми, чего, естественно, никогда не случится.

В начале XXI в. в мире утвердилась *вариативная геометрия прав человека*. Ситуация в этой области в современном мире весьма неоднозначна. Наблюдается неодинаковый уровень защиты прав, которыми пользуются люди во всем мире в зависимости от их гражданства или места проживания. В определенных сферах и для определенных стран реально существует набор инструментов защиты прав человека, что обеспечивает de facto наличие выбора в этой области из нескольких возможностей.

Возникает вопрос: являемся ли мы свидетелями трансформации отношений между государством, гражданским обществом и каждым отдельным индивидом (личности, гражданина, потребителя или члена человеческой общности)?¹

Вопросы о границах, необходимых для прав человека, являются весьма дискуссионными. Где и как зафиксировать пределы свободы, если не там, где начинается свобода других? Имеются внутренние противоречия при осуществлении некоторых прав. Например, право на жизнь при абортах или эвтаназии, право женщин свободно распоряжаться своим телом и др.

Трудности при осуществлении прав человека в разных странах связаны с тремя проблемами в подходах к пониманию прав человека:

1) относительность прав человека по своему содержанию. Не все права человека имеют одинаковую ценность. Их ядро составляет физическая и моральная целостность личности. Это обуславливает существование различных иерархий и приоритета одних прав над другими;

2) права человека и реализация государственного суверенитета. Насколько возможно осуществление международного мониторинга в области прав человека вопреки воле государства и его суверенитета? Статья 21 Всеобщей декларации прав человека дает на это частичный ответ. Она гласит, что «воля народа должна быть основой власти правительства». Тем не менее принципы невмешательства во внутренние дела государства и суверенного равенства государств закреплены в Уставе ООН и других международных документах. Отсюда

¹ Подробнее об этом см.: Трансформации прав человека в современном мире / отв. ред. А.Н. Савенков. М., 2020. В этой фундаментальной книге рассматриваются различные аспекты трансформационных процессов, происходящих в сфере прав человека, выявляются новые тенденции, складывающиеся под воздействием глобализации, изменений в соотношении национального, международного и наднационального уровней правового регулирования, а также политических, экономических и социальных преобразований в стране и мире. Особое внимание уделяется влиянию культурологического и социально-политического контекста на развитие теоретических подходов и практики регулирования, осуществления и защиты прав человека.

вытекает парадокс осуществления мониторинга на международном уровне. Наглядный пример — деятельность бывшей Комиссии ООН по правам человека. За годы 60-летней работы репутация Комиссии была подорвана атмосферой политизации, конфронтации, селективности, двойных стандартов, отсутствием конструктивных механизмов сотрудничества, очевидными случаями использования правозащитной тематики для оказания политического давления на отдельные суверенные государства — полноправные члены ООН¹. Поэтому вместо дискредитировавшей себя Комиссии по правам человека Генеральная Ассамблея ООН (ГАООН) 3 апреля 2006 г. приняла Резолюцию об учреждении *Совета по правам человека* в качестве вспомогательного органа ГАООН²;

3) универсализация прав человека и различное правопонимание. В статье 1 Заключительного документа Венской всемирной конференции ООН (1993 г.)³ провозглашается многогранный характер прав человека и основных свобод. Вместе с тем признание универсальности прав человека не положило конец конфронтации между западным и незападным пониманием прав человека. Разночтение в приоритетах является результатом различий в философском понимании правомерности и взаимопроникновения прав человека, в частности в области приоритетов и иерархии⁴. Деятельность главного правозащитного органа ООН — Совета по правам человека — показывает значительные и существенные разногласия между западными и развивающимися странами по множеству вопросов правозащитной деятельности как концептуального, так и организационно-практического характера. Некоторые африканские страны открыто констатировали, что дискуссии по реформированию правозащитной системы ООН проводятся в контексте жесткого противостояния между странами «Севера» и «Юга» по чувствительным вопросам повестки дня Совета по правам человека. С сожалением приходится признать, что последнему не удалось и вряд ли удастся избавиться от политизации в своей работе. Это не только наследие Комиссии по правам человека, а фактор, сопутствующий деятельности любого органа ООН.

¹ См.: Карташкин В.А. Реформирование Организации Объединенных Наций и международная защита прав человека в глобализирующемся мире // Право и права человека в условиях глобализации. М., 2006. С. 176; Его же. Права человека: соотношение и взаимодействие международного и внутригосударственного права // Труды Института государства и права. 2016. № 4. С. 14–34.

² Док. ООН: F/RES/60/251.

³ См.: Всемирная конференция по правам человека: Венская декларация и Программа действий (Нью-Йорк, 1995, июль 1993 г.).

⁴ См.: Национальное и универсальное в праве: от традиций к постмодернизму. М., 2018.

В европейской правовой культуре утверждено, что человек должен иметь права и быть включен в сообщество по собственному желанию. Процесс глобализации основан на том, что идея западной культуры провозглашается в качестве высшей ценности. Но в традиционной культуре права народов стоят выше прав человека. Концепция прав человека Запада следует из индивидуализма, Японии и Африки — из прав, Китая и Центральной Азии из коллективного плана «большой семьи». Следовательно, иерархия прав человека в различных обществах и цивилизациях разная. Отсюда можно утверждать: **концепция прав человека квазиуниверсальна.**

У разных государств отношение к правам человека различное, государства отличаются друг от друга, разнятся у них и приоритеты по защите прав человека: где-то важнее свобода слова (США), а где-то право на частную, личную жизнь (Германия, Дания). Наказание, рассматриваемое в Европе как уничижительное для человеческого достоинства, считается нормальным, например в Сингапуре. В ряде европейских государств разрешены однополые браки, что, к примеру, в Узбекистане, невозможно.

Разумеется, при этом есть общепризнанные права человека, признаваемые всеми государствами, нациями, религиями, расами¹. Речь идет праве на жизнь, личную свободу, справедливый суд, о недопустимости пыток, расовой и этнической дискриминации.

В настоящее время весьма условно существуют три группы стран, в которых практикуются различные подходы к обеспечению прав человека.

Первая группа в основном включает в себя развивающиеся, прежде всего африканские страны, где положение с правами человека связано в основном с глубокими экономическими и социальными преобразованиями. В силу слабого экономического развития, эпидемий, СПИДа, малярий и других болезней, внутренних и внешних конфликтов права человека для этой группы стран — социально-экономическая проблема.

Вторая группа объединяет государства с переходной экономикой. В эту группу стран входят и постсоветские государства. Проблемы прав человека здесь во многом связаны с переходом от социализма к капитализму, от тоталитаризма к демократии, от одного конституционного строя к другому. В первую очередь права человека для этих государств — политико-юридическая проблема. Прогресс в данной области во многом зависит от политической воли руководства страны, зрелости институтов гражданского общества, эффективности деятельности национальных институтов по правам человека.

¹ См.: Саидов А.Х. Общепризнанные права человека / отв. ред. И. Лукашук. М., 2003.

Третья группа объединяет большинство стран Западной Европы. Права человека в этих государствах являются преимущественно юридической проблемой. Такая ситуация сложилась благодаря тому, что многие экономические, социальные и политические проблемы в основном уже решены. Поэтому защита прав человека обеспечивается преимущественно с помощью юридических средств и механизмов, таких как национальные и международные судебные органы (например, Европейский суд по правам человека). В этих странах проблем прав человека тоже много, но необходимо понимать, что они другого уровня и другого порядка. Поэтому нельзя применять одни и те же подходы к правам человека европейских стран, таких, например, как Сан-Марино, Монако, и стран Африки, в частности Чада или Судана. У этих государств разные экономические и социальные, политические и юридические проблемы.

В основе важнейших документов по правам человека, таких как Всеобщая декларация прав человека 1948 г., международные пакты о гражданских и политических правах, экономических, социальных и культурных правах 1966 г., а также ряда других универсальных и региональных международно-правовых актов лежит западноевропейское понимание прав человека.

Во II половине XX в. более 110 стран включили положения Всеобщей декларации прав человека в свои конституции. Вместе с тем следует отметить, что некоторые положения этого документа трудно включаются в социально-культурную систему иных цивилизаций. В частности, тех, в основе которых лежат непреложные религиозные доктрины (исламский мир) или древних цивилизаций, основанных на философско-нравственных ценностях, которые за многие столетия своего существования выработали свои принципы взаимодействия человека как с мирским, так и с потусторонним миром. Эти принципы носили не столько правовой, сколько нравственный, традиционный характер, передающийся из поколения в поколение¹.

Защита прав человека тесно связана почти со всеми проблемами международных отношений. Проблемы защиты прав человека не могут рассматриваться изолированно. Возникает вопрос о международных, скорее всего, западных стандартах, применяемых к различным, в частности развивающимся, странам: права человека — это роскошь или возможное препятствие для экономического развития? Глобализация порождает соблазн для некоторых развитых государств использовать социальное неустройство общества как преимущество

¹ См.: Лукашева Е.А. Права человека: конфликт культур // Российское правосудие. 2006. № 6. С. 18; Её же. Права человека и культура // Трансформации прав человека в современном мире / отв. ред. А.Н. Савенков. М., 2020. С. 13–38.

в экономической конкуренции. Но подобная практика противоречит Международному пакту об экономических, социальных и культурных правах. Существует необходимость защищать: *во-первых*, экономические и социальные права работников развитых стран от снижения стандартов; *во-вторых*, права работников развивающихся стран от чрезмерной эксплуатации, ставящей вообще под вопрос их права (профсоюзные права, и все это касается условий труда). Конференция Организации Объединенных Наций по торговле и развитию (ЮНКТАД) заявила, что «глобализация (как проявление политики либерализации) часто оказывала негативное влияние на общую стабильность и рост экономики? в странах и, как правило, приводила к поляризации распределения доходов как на национальном, так и на международном уровнях. ...Глобализация может оказывать негативное воздействие на осуществление в полном объеме Всеобщей декларации прав человека»¹.

Таким образом, многие современные кризисы напряженности связаны со столкновением двух тенденций: с одной стороны, направленность на какие-то универсальные вещи, международные стандарты прав человека, на глобализацию, а с другой — курс на самостоятельность, самобытность, идентичность. В связи с этим необходима научная разработка концепции культурного релятивизма.

Права человека и культурный релятивизм. Принципу универсальности прав человека противостоит тезис о культурном релятивизме. Уважение национальных традиций и культурных особенностей противопоставляется «западному культурному империализму». В какой степени сегодня западная концепция прав человека и ее принципы могут действительно стать универсальными?

Складывается весьма **парадоксальная ситуация**: если в одних странах, например на Западе, права человека и борьба за них сегодня совершенно естественны и даже гипертрофированы, то в других странах намного более важно идентифицировать себя с определенной религиозной или этнической группой. Трудно и невозможно насильственно распространять западные идеи о правах человека во всех странах мира под предлогом соответствия международным стандартам. **Генеральная Ассамблея ООН отмечает необходимость «иметь в виду значение национальной и региональной специфики и различных исторических, культурных и религиозных особенностей»**².

¹ Глобализация и ее воздействие на осуществление в полном объеме всех прав человека: доклад Генерального секретаря ООН // Док. ООН: А/61/281. См. также: Карташкин В.А. Организация Объединенных Наций и международная защита прав человека в XXI веке. М., 2015.

² Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей ООН: 61/166. Поощрение равноправного и взаимоуважительного диалога по правам человека // Док. ООН: А/RES/61/166.

«О культурном релятивизме в том, что касается прав человека, по моему мнению, следует забыть навсегда. В сущности, любую попытку оправдать нарушение прав человека на основе культурной принадлежности следует рассматривать как преступление против человечности»¹, — говорила *Уоле Шойинка*, лауреат Нобелевской премии в области литературы. На Западе широко укоренено мнение о том, что культурный релятивизм — это методологическая установка, отрицающая универсальные, общечеловеческие ценности и принципы на основании очевидных различий, присущих отдельным локальным культурам. Культурный релятивизм в трактовке прав человека проявляется в утверждении, что они являются продуктом западной культуры и поэтому не могут считаться универсальными. Отсюда борьба за культурную самобытность народов, их стремление развиваться своим цивилизационным путем. Среди сторонников культурного релятивизма в понимании прав человека преобладают юристы и политики развивающихся стран. Как правило, данная методологическая установка используется ими как контраргумент в ответ на критику со стороны западных стран и ряда международных организаций в нарушении прав человека в их странах².

Наиболее определенно эта идея была высказана на Всемирной конференции ООН по правам человека (Вена, 1993 г.): «Страны, находящиеся на различных этапах развития или имеющие разные исторические традиции, по-разному понимают и претворяют в жизнь права человека. Таким образом, не стоит полагать, что стандарты и модели прав человека некоторых стран являются единственно приемлемыми, и требовать от других стран действовать в соответствии с ними»³.

Нельзя согласиться с теми, кто отрицает различные способы интерпретации прав человека в зависимости от национальной психологии и местных особенностей. До тех пор, пока такие интерпретации не начинают служить оправданием нарушений прав человека, они не только возможны, но и необходимы. Иначе возникает опасность впасть от культурного релятивизма в другую крайность — в *правовой идеализм*⁴, сторонники которого не в состоянии трезво

¹ Цит. по: Всеобщая декларация прав человека: 1948–1998. М., 1998. С. 6.

² См.: Глухарева Л.И. Универсальность и социокультурный релятивизм прав человека // Право и права человека: сб. науч. тр. Кн. 5. М., 2002. С. 5–20.

³ Symonides J. New Human Rights Dimensions, Obstacles and Challenges: Introductory Remarks // Human Rights: New Dimensions and Challenges. Paris, 1998. P. 26.

⁴ Правовой нигилизм (юридический фетишизм) — гипертрофированное отношение к юридическим средствам переоценки роли права и его возможностей, убежденность, что с помощью законов можно решить все социальные проблемы. См.: Матузов Н.И. Правовой нигилизм и правовой идеализм как две стороны одной медали // Правоведение. 1994. № 2. С. 3–16.

оценить те специфические социокультурные условия, в которых универсальные принципы прав человека должны найти свое воплощение.

Что же означает универсальность прав человека в мире, которому присущи разнообразные культуры и традиции? Выступает ли признаваемый перечень так называемых основных прав и свобод человека общемировой ценностью, общечеловеческим достоянием и основой для единого общемирового развития в русле всеобщего блага и общецивилизационного процветания? Культурно-исторические и цивилизационные различия в мире еще столь значительны, что придание и признание универсального характера западной концепции прав человека в обозримом будущем представляется невозможным.

Во-первых, нормотворчество в области прав человека как на международном, так и на национальном уровне — динамичный и незавершенный процесс. Какими права человека будут завтра — зависит от самих государств, поэтому универсальность прав человека не есть некая изначально заданная величина. Эта идея была выражена в Бангладешской декларации азиатских государств (1993 г.), где, в частности, подчеркивается: «Хотя права человека универсальны по природе, они должны рассматриваться в контексте динамического и эволюционирующего процесса международного нормотворчества, с учетом значимости национальных и региональных особенностей и различных исторических, культурных и религиозных контекстов»¹.

Во-вторых, права человека не являются принадлежностью какой-то одной эпохи или ступени политико-правового развития. М. Палумбо отмечает, «То, что мы обязаны иудеохристианской традиции, равно как и греко-римской цивилизации, не подтверждает этноцентрической точки зрения, что права человека являются чисто западным явлением. Другие культуры, традиции и религии вырабатывали идеи, которые содержали положения о правах человека»².

В-третьих, понятие прав человека не исчерпывается одной культурой — западной. «Если вы провозглашаете особое отличие Запада в этом отношении или отстаиваете некое изначально отсутствие идей прав человека у азиатов, то вы, вероятно, дадите настолько узкое определение прав человека, что делаете их невозможными для признания другими. Если же, однако, вы рассматриваете права человека как эволюционирующее понятие, выражающее, хоть и несовершенно, чаяния многих народов, и Востока, и Запада, то, возможно, изу-

¹ Doc. A/CONF.157/ASRM/7.

² Palumbo M. Human Rights: Meaning and History. Malabar, 1982. P. 18–19.

чая опыт других народов, можно прийти к более глубокому пониманию проблем прав человека в различных культурных средах»¹.

Для представителей других регионов весьма важно самоутверждение своих цивилизаций. Как справедливо пишет Е.А. Лукашева, «их культура — это не варварство и хлам, это великие исторические ценности, который каждый народ нарабатывал в течение тысячелетий»². Поэтому многие ученые отрицают наличие универсальной концепции прав человека. Так, С.В. Черниченко считает, что такой концепции нет и быть не может³. С ним солидарен и Р.Г. Абдулатипов⁴. Действительно, совпадение единых человеческих ценностей не есть совпадение концепций прав человека⁵.

Права человека и диалог цивилизаций. В XXI веке преобладающей тенденцией стало осознание необходимости укрепления коллективных начал в мировой политике, безальтернативности решения имеющихся проблем на путях многосторонней дипломатии. Эта тенденция объективна, ибо отражает реалии формирующейся многополярной архитектуры современных международных отношений. Она логична, поскольку ответ на глобальные вызовы и угрозы может быть только коллективным и цивилизованным.

В настоящее время ООН с ее уникальной международно признанной легитимностью как никогда востребована. Опираясь на общепринятые принципы и нормы современного международного права, она в состоянии обеспечить устойчивость мирового развития в условиях глобализации. И это предполагает укрепление центральной роли ООН во всех сферах международной жизни⁶.

Продолжается процесс адаптации механизмов и методов работы ООН к современным условиям, будущее которой должно основываться на равных опорах — развитие, мир, безопасность и права человека, которые связаны друг с другом и дополняют друг друга.

¹ De Bary Th. W. Neo-Confucianism and Human Rights // Human Rights and the World's Religions. Notre Dame, 1998. P. 184.

² Россия и Совет Европы: 5 лет вместе. Международная конференция. М., 2001. С. 132.

³ Там же. С. 242.

⁴ Там же. С. 243.

⁵ Ф.М. Рудинский, обобщая существующие концепции прав человека, предлагает свести их к «универсальной концепции прав человека», в которой воплотились бы различные доктрины, философские воззрения, политические, экономические, этические и правовые учение многих веков и народов в виде всеобщей декларации прав человека. См.: Рудинский Ф.М. Универсальная- концепция права человека и современная Россия // Рудинский Ф.М. Наука прав человека и проблемы конституционного права. М., 2006. С. 101–105. Mullerson R. Human Rights are neither Universal nor Natural // Азиатский форум по правам человека «Итоги 70-летия Всеобщей декларации прав человека: вызовы времени и реальность». Ташкент, 2019. С. 116–139.

⁶ См.: Карташкин В.А. 75-летие Всеобщей декларации прав человека и развитие международного права // Современное право. 2023. № 2. С. 93–100.

Члены ООН солидарны в желании обеспечить соблюдение прав человека во всем мире, для чего необходимы совместные усилия всех без исключения государств¹. Что же препятствует консолидации стран мира в обеспечении общепризнанных прав и свобод человека? Мешает различие подходов к пониманию (концепциям) прав человека и к методам, применяемым международным сообществом в целях поощрения и защиты прав человека в конкретных странах. Эти методы в упрощенном варианте сводятся к кнуту или прянику. Первый себя дискредитировал в результате злоупотреблений и ассоциируется с отрицанием принципа равенства государств, диктатом, неуважением территориальной целостности и суверенитета, игнорированием исторических, культурных, социально-экономических и других условий, двойными стандартами². Избирательные односторонние меры в деятельности бывшей Комиссии по правам человека принесли больше вреда, чем пользы, так как на поверку выходило, что применялись они по политическим соображениям в стремлении подогнуть общества с иной культурой и традициями под узкие каноны субъективно понимаемых западных «универсальных ценностей». Более того, делается это государствами, чьи собственные нарушения прав человека, примеры которых хорошо известны, еще раз подчеркивают неуместность деления государств на учеников и наставников, на отличников и неуспевающих с точки зрения соблюдения правозащитных стандартов и введения на этой основе дополнительных критериев членства или даже участия в работе правозащитных органов и механизмов системы ООН. Такой подход подрывает доверие к ценностям Всеобщей декларации и превращает права человека из идеала в жупел. При этом речь не идет о категорическом отрицании жестких мер, которые могут применяться в исключительных случаях, когда исчерпаны все другие возможности. Однако они должны быть результатом коллективного решения государств-членов в соответствии с Уставом ООН.

Стремление наказать «провинившихся», чье поведение не укладывается в некие субъективно заданные рамки, неизбежно отбросит

¹ См.: Нарочницкая Н. Права человека и мировая политика: концепции и реальность // Аналитические записки. Права человека и права народа. О положении меньшинств в странах — членах Совета Европы. М., 2006. С. 5–24.

² Подробный анализ двойных стандартов в деятельности Комиссии по правам человека дан в работе швейцарского профессора Р. Рида. См.: Reed R. Uncommon values. The United States and Europe at the United Nation Commission on Human Rights. Geneva, 2003; также: Карташкин В.А. Защита прав человека в однополярном мире и преодоление «двойных стандартов» в этой области // Права человека: итоги века, тенденции, перспективы. М., 2002. С. 199–211.

международные отношения в правозащитной сфере в прошлое. Надо отказаться от односторонних подходов и укреплять сотрудничество между государствами в процессе выработки и принятия коллективных решений в сфере прав человека, решить гуманитарные проблемы на основе общепризнанных международных правозащитных стандартов и при должном учете социально-экономической, исторической, культурной и религиозной специфики и традиций. Проблемы в налаживании эффективного функционирования правозащитных институтов и механизмов ООН будут, на наш взгляд, сохраняться до тех пор, пока имеют место попытки использовать их, да и саму тему прав человека, в политических и конъюнктурных интересах. Поэтому необходимо избавить правозащитное направление деятельности ООН от политизации, конфронтации и двойных стандартов. Международное сообщество должно подходить к правам человека справедливо, с одних и тех же позиций и с равным вниманием.

Такая неприглядная правозащитная картина дала основание бывшему Верховному комиссару ООН по правам человека Л. Арбур в своем предисловии к ежегодному докладу писать, что «права человека находятся в кризисе, который усилился во второй половине 2006 года». Она отмечает, что «кризис ответственности» и нормотворчества в Совете по правам человека, а также усиление борьбы на международной арене и внутренние ситуации с правами человека обуславливают необходимость выработать всеобъемлющую стратегию защиты прав человека¹.

В правозащитной системе ООН следует исходить из цивилизационного подхода к правам человека². Это означает, что следует:

во-первых, усиливать международное сотрудничество в поощрении и развитии уважения прав человека в делах укрепления диалога и углубления взаимопонимания между цивилизациями, культурами и религиями;

во-вторых, руководствоваться принципами универсальности, неизбирательности, беспристрастности и объективности и не использовать права человека в политических целях;

¹ См.: Introduction by the United Nations High Commissioner for Human Rights // Annual Report 2006. Geneva, 2007. P. 5.

² О реформировании правозащитной системы ООН см.: Карташкин В.А. Реформирование Организации Объединенных Наций и международная защита прав человека в глобализирующемся мире // Право и права человека в условиях глобализации: материалы научной конференции: посвящается 80-летию ИГП РАН / отв. ред. Е.А. Лукашева, Н.В. Колотова. М., 2006. С. 167–176; Автономов А.С. Реформа правозащитных договорных органов в контексте глобализации // Право и права человека в условиях глобализации. С. 190–201; Абашидзе А.С., Панов Е.В. Роль договорных органов в международной защите прав человека // Право и права человека в условиях глобализации. С. 201–212.

в-третьих, избегать политически мотивированных и предвзятых резолюций о положении в области прав человека в отдельных странах, конфронтационных подходов, использования прав человека в политических целях, избирательного выбора отдельных стран на основе не относящихся к делу соображений и применения двойных стандартов в работе ООН в области прав человека;

в-четвертых, уважать политическое, экономическое и культурное разнообразие и развивать стабильное и дружеское отношение между странами, равноправный и взаимоуважительный международный диалог по правам человека;

в-пятых, содействовать учебно-просветительской деятельности в области прав человека, формировать культуру прав человека на основе равноправного диалога цивилизаций и развивать международное право прав человека¹.

На наш взгляд, глубинные причины кризисных явлений и своего рода новой холодной войны в области прав человека возможно устранить лишь цивилизационным подходом к правам человека как к феномену мировой культуры и человеческой цивилизации.

Цивилизационная теория прав человека — интегральное направление юридических исследований. Современная мировая наука уделяет значительное внимание развитию направления исследований, которое получило название «теория прав человека». И хотя споры о статусе этого направления в системе общественных наук, о круге относящихся к его ведению проблем (очевидно, такие споры на первых этапах неизбежны) продолжаются, общепризнано, что проблематика прав человека безусловно важна для дальнейшего развития всех отраслей юридической науки².

В настоящее время проблемы прав человека в юридической науке изучаются в следующих направлениях:

- 1) в рамках общей теории права и государства, а также других историко-теоретических правовых наук;
- 2) на уровне отраслевых юридических дисциплин (конституционного, административного, гражданского, уголовного права);
- 3) в науке международного права;
- 4) в рамках общей теории прав человека.

¹ См.: Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей ООН: 60/251. Совет по правам человека // Док. ООН: A/RES/60/251; Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей ООН: 61/166. Поощрение равноправного и взаимоуважительного диалога по правам человека // Док. ООН: A/RES/61/166.

² См.: Лапаева В.В. Формирование доктрины защиты прав личности как актуальная задача теории права // Российское правосудие. 2006. № 4. С. 14–30; Ее же. Проблемы генезиса права // Трансформации прав человека в современном мире / отв. ред. А.Н. Савенков. М., 2020. С. 54–74; Глухарева Л.И. Современные проблемы теории прав человека. М., 2002.

Развитие теории прав человека в мировой юридической науке не может не сопровождаться вопросом: «как влияет глобализация на развитие прав человека? Поскольку она не с какой-либо одной, а почти со всеми сферами современной государственно-правовой жизни. Глобализация оказывает существенное влияние на все стороны социально-политической и политико-правовой жизни. Эта многоплановость и многоаспектность превращает ее в сложный социальный комплекс и означает, что большинство глобальных проблем современности имеет юридический аспект и выступает в значительной мере как проблемы прав человека.

Что представляет собой сегодня «теория прав человека»? Для юридической науки, базирующейся прежде всего на изучении своего национального права, особенно важно исследование всевозрастающего влияния цивилизационных и культурных факторов, а также процессов глобализации на права человека. ***Настало время разработки цивилизационной теории прав человека.***

Цивилизационная теория прав человека:

во-первых, позволит обратиться к изучению таких аспектов прав человека, которые ранее не охватывались проблематикой ни юриспруденции, ни других гуманитарных наук;

во-вторых, поможет взглянуть под особым углом зрения на ряд традиционных проблем прав человека с позиции как общетеоретических дисциплин, так и отраслевых юридических наук;

в-третьих, требует разработки новой гуманитарной методологии изучения теории прав человека.

Современные сравнительно-правовые исследования подтверждают, что ни одна концепция прав человека не может претендовать на универсальность. Даже наиболее распространенная западная концепция прав человека не является всеобщей (универсальной). Каждая правовая цивилизация содержит понятия, при помощи которых она выражает свои нормы, при этом норма права данной системой может пониматься по-своему. Опыт правового развития стран Азии и Африки свидетельствует о том, что западное понимание прав человека не является в глобальном масштабе единственно возможной юридической моделью.

Сравнительно-правовые исследования будут способствовать широкому признанию альтернативных моделей понимания прав человека и позволят юристам (и политикам тоже) избавиться от узконормативных представлений европоцентризма в области теории прав человека.

Все национальные правовые системы и модели прав человека следует признать паритетными. Сравнительное правоведение сегодня

отказывается от поисков «универсальных путей правового развития», «оптимальных правовых моделей», пригодных везде и всегда. В последнее время освобождение юридических исследований от европоцентристских подходов происходит также благодаря специалистам по теории прав человека, социологии права и юридической антропологии. Исследования Е.А. Лукашевой, А.И. Ковлера, Л.Р. Сюкияйнена, М.А. Супатаева, Н.А. Крашенинниковой, Н. Рулана¹ и других позволили ученым-юристам по-новому взглянуть на права человека и представить современные правовые цивилизации в глобальном мире: каждая концепция прав человека стала рассматриваться как уникальная ценность.

Цивилизационная теория прав человека — одно из самых интегральных направлений современной юридической науки, стремящееся найти нетрадиционные ответы на вызовы современности: правовые, политические, экономические, экологические, религиозные, социокультурные, информационные, нравственные и международные. При этом она выступает результатом взаимодействия различных правоотношений и диалога мировых цивилизаций.

Основная цель цивилизационной теории прав человека — формирование современного глобального юридического консенсуса в понимании прав человека.

Перед теорией прав человека встала необходимость разработки новой гуманитарной парадигмы глобального понимания прав человека с позиции цивилизационного подхода. Назревшая смена парадигмы в теории прав человека носит глубокий культурно-цивилизационный смысл: она должна показать методологическую несостоятельность «рационального» европоцентристского подхода, чрезмерно уповающего на объективные механизмы и недооценивающего их зависимость от человека как свободного творческого интерпретатора политико-правовых ролей и правил, которые он может и возвысить,

¹ См.: Права человека: итоги века, тенденции, перспективы / отв. ред. Е.А. Лукашева. М., 2002; Ковлер А.И. Антропология права: учебник. М., 2002; Рулан Н. Юридическая антропология: учебник / отв. ред. В.С. Нерсисянц. М., 1999; Сюкияйнен Л.Р. Исламский подход к правам человека: основные принципы и перспективы сближения с международными стандартами // Аналитические записки. Права человека и права народа. О положении меньшинств в странах — членах Совета Европы 2006. С. 199–216; Его же. Ислам и права человека в диалоге культур и религий. М., 2014; Его же. Исламское право и диалог культур в современном мире. М., 2021; Его же. Ислам и права человека в современном государстве // Трансформации прав человека в современном мире / отв. ред. А.Н. Савенков. М., 2020. С. 45–53; Супатаев М.А. Культурология и право. М., 1998; Крашенинникова Н.А. Права человека в Индии: традиционализм и современность // Права человека: итоги века, тенденции, перспективы. М.: Норма, 2009. С. 321–355; Его же. К проблематике цивилизационного подхода к праву: очерки общей теории и практики. М., 2012.

и перечеркнуть. *Перед цивилизационной теорией прав человека стоит задача: вернуть «юридическому» человеку воодушевление духовно-правовых истин, вдохнуть в него утерянную веру в единство Справедливости, закона и правосудия.* Новая методология теории прав человека призвана отстаивать высокие духовно-правовые ценности и идеалы различных цивилизаций. На этом пути цивилизационная теория прав человека призвана использовать достижения современной антропологии и культурологии, которые уже добились определенных успехов на пути соединения синтеза ценностной аутентичности с правовой эффективностью. Необходимо отвергнуть методологический «европоцентризм», уничижительно относящийся к не западным правовым системам как нецивилизованным, окончательно отказаться от установки на выстраивание одномерной «лестницы правовых систем», где западным правовым системам, безусловно, принадлежит лидирующее место, а также от противопоставления правовых цивилизаций Востока и Запада.

Цивилизационной теории прав человека предстоит по-новому раскрыть исторический и национальный опыт социокультурной уверенности, который составляет одну из отличительных черт не западных правовых культур. Известно, что все восточные правовые традиции неразрывно связаны с конкретной средой обитания, которая символизирует самобытное правовое восприятие, образ юридического мышления и форму правовой самоорганизации. В результате укорененности в конкретном правовом пространстве восточные народы обладают более интимным и детальным знанием своей окружающей среды, что формирует глубокое внутреннее осознание необходимой и желательной взаимности между юридическим миром и космосом в целом.

Цивилизационная теория прав человека призвана обратить особое внимание и на другую, не менее значимую черту правовых культур не западных цивилизаций, которая также способна сыграть важную роль в формировании новой парадигмы современного правового сознания. Речь идет о этико-центричной, коллективистской доминанте при организации правового гражданского общества. Коллективистские отношения, интенсивность неформального межличностного общения, влияние общественного мнения, детализированное и тонкое почитание культурных и правовых традиций, идущих из глубины веков, — все это способно утвердить новые формы юридического мышления, ориентированного на высокие духовно-правовые идеалы, в противовес рациональности западного юридического мировоззрения.

На место деления «современность — традиционность», Восток и Запад как двух несовместимых форм правовой жизни теория прав человека должна поставить новое, более широкое представление о непрерывном взаимодействии различных концепций прав человека и юридических традиций, не являющихся в современном глобальном мире пассивным осадком, который необходимо поскорее искоренить. Напротив, именно юридический плюрализм и различные правовые традиции могут стать в процессе глобализации мобилизующей преобразовательной силой, способной создавать новые формы во взаимодействии различных моделей прав человека.

Развитие цивилизационной теории прав человека и утверждение новой гуманитарной методологии в юридической науке сделают реальностью проекты ООН по разработке глобального понимания прав человека. Впрочем, западная теория прав человека построена в основном на общеметодологических исходных данных и в меньшей степени на эмпирических познаниях, на основе обобщения опыта различных цивилизаций. В этом смысле методология теории прав человека на сегодня носит скорее дедуктивный, чем индуктивный характер. С этим связано, видимо, и отсутствие внимания к методикам и процедурам правовых исследований, в частности на уровне и в рамках отраслевых юридических наук по вопросам прав человека.

Сегодня, как никогда, мировому правовому сообществу необходим новый глобальный социокультурный и цивилизационный импульс, способный сделать человечество по-настоящему единым целым перед лицом глобальных вызовов современности. Теория прав человека весьма значима для взаимопонимания народов и создания лучших правовых форм отношений, складывающихся в международном общении.

Цивилизационная теория прав человека должна исходить не из презумпции возможной всемирной унификации понимания прав человека (как было прежде и сейчас на Западе), а из презумпции адекватного осознания и согласования правовых ценностей различных юридических культур. Каждая концепция прав человека уникальна и неповторима и представляет собой закономерный итог политико-правового развития общества. При этом очень важно не умалять значения особенностей различных концепций прав человека и признать их исключительное равноправие.

Цивилизационная теория прав человека (как и юриспруденция в целом) призвана и способна давать как собственно научные (теоретико-познавательные), так и практико-прикладные результаты.

Использование материалов и итогов правовых исследований, как национальных, так и международных (включая общие части отраслевых юридических наук), позволяет теории прав человека подняться на более широкий уровень обобщений, своевременно объяснить с общегуманистических позиций новые явления и тенденции в развитии прав человека в современном мире, оперировать новейшим юридическим материалом.

В практико-прикладном плане цивилизационная теория прав человека значима как для правотворческих работ, так и для правоприменительной деятельности. Но ее самый важный практико-прикладной аспект — это использование данных теории прав человека в законотворческой деятельности, т.е. в формировании системы законодательства о правах человека. Неоспоримо, значение теории прав человека для юридического образования, в формировании культуры прав человека¹. Наконец, теория прав человека играет весьма важную роль при изучении международно-правовых проблем, связанных с развитием новой отрасли современного международного публичного права — международного права прав человека².

Цивилизационная теория прав человека нуждается в количественном и качественном сдвигах. Речь идет, в частности, об организации одного (или нескольких) правовых исследований, в том числе с участием зарубежных ученых, о научных разработках, на основе которых может быть создан обобщающий труд под названием *«Права человека — явление цивилизации»*.

Вместо заключения: предмет и задачи теории прав человека. Свой, не дублируемый другими науками предмет имеет теория прав человека. Достоинство и права человека, их историческая эволюция, политико-правовое обоснование и юридическая природа, глобальные угрозы их существованию и средства их преодоления, сравнительный анализ уровня их обеспечения, способы их имплементации в различных государствах, механизм их гарантий — таков неполный перечень вопросов, составляющих предмет цивилизационной теории прав человека.

Теория прав человека сосредоточивает свое внимание на основополагающих вопросах развития прав человека в международном и национальном законодательстве, на юридической практике разных стран мира, при этом исторический переход идет параллельно с из-

¹ См.: Права человека: учебник для вузов / отв. ред. Е.А. Лукашева. 3-е изд., перераб. М., 2015.

² См.: Саидов А.Х. Международное право прав человека. М., 2002.

учением генезиса политико-правовых учений о правах человека и гражданина.

Теория прав человека, будучи новым учебным академическим курсом, опирается на достижения и данные многих общественных наук для создания единой концепции прав человека. Теория прав человека является комплексной философско-этической и политико-правовой дисциплиной.

Предмет теории права прав человека составляет изучение проблем прав человека в контексте мировой культуры, поскольку права человека — это общепризнанная ценность мировой цивилизации.

Центральным объектом изучения цивилизационной теории прав человека являются права человека во всех их многообразных аспектах: во-первых, как возможность его свободного развития в обществе и государстве; во-вторых, как неотъемлемое свойство его личности; в-третьих, как мера возможного поведения, обеспеченная правовыми и другими социальными нормами; в-четвертых, как средство достижения наиболее существенных личных, материальных и духовных благ и развития способностей и талантов; в-пятых, как средство преодоления угроз, создающих опасность существованию человечества.

Теория прав человека изучает также международно-правовые внутригосударственные правовые нормы, закрепляющие права человека и устанавливающие механизмы их реализации. Основная цель изучения теории прав человека — укрепление общегуманистических и цивилизационных начал в формировании культуры прав человека. Построение правового государства и процесс демократизации общества органически связаны с развитием прав и свобод граждан и усилением их гарантий.

Основные задачи теории прав человека:

- 1) овладение знаниями о правах человека и гражданина, реализации и гарантировании прав;
- 2) формирование чувства уважения к человеку, его правам, чести и достоинству;
- 3) укрепление правозащитной ориентации на защиту гражданина от любого беззакония и произвола;
- 4) формирование навыков правильного применения правовых норм, связанного с реализацией и защитой субъективных прав и свобод;
- 5) формирование культуры прав человека и демократического мышления у людей.

Таким образом, ***предметом теории прав человека*** являются основные закономерности возникновения и развития категории достоин-

ства человека и его прав, юридические нормы, закрепляющие эти права, а также исторические, экономические, социальные политические, культурные, традиционные и иные цивилизационные факторы и условия существования указанных общественных явлений. Действительно, теория прав человека в своем политическом аспекте насчитывает много веков; учения о правах человека занимают особое место в истории цивилизации вообще, а политико-правовой мысли в духовной культуре человечества в частности¹.

¹ См.: Титенков Д.И. Права человека как правовое явление в развитии цивилизации (вопросы теории, истории, практики): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. С. 11.

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА В РОССИЙСКОЙ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЕ

В.В. Лазарев

Нет необходимости доказывать актуальность проблемы прав человека и гражданина: во-первых, многие убедительные аргументы уже приведены, а, во-вторых, сама жизнь исторически и многоаспектно подтвердила позитивные результаты ее решения. Однако всякий раз приходится осмысливать новые теоретические грани применительно к новым обстоятельствам. При этом методологически значимыми остаются основополагающие вопросы понятия прав, их соотношения с обязанностями, возможности ограничения. Для каждого правопорядка существенное значение имеет материализация прав, способы ее обеспечения, включая технико-юридические аспекты воплощения идей в соответствующих элементах национальной правовой системы.

В связи с празднованием 75-летия Всеобщей декларации прав человека (принята резолюцией 217А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 г.) актуализируется исторический подход в исследовании всего комплекса теоретических и практических вопросов в непосредственной связи с трансформацией мироустройства и новыми политическими реалиями. СССР, как известно, в 1948 г. воздержался от голосования в поддержку Декларации. На этот счет приводились весьма серьезные аргументы. Полагаем, было бы актуально проанализировать их и все обстоятельства в свете того, как менялось конвенциональное развитие прав и к какому результату мир пришел сегодня. Содержание прав и свобод не исчерпывается их текстуальным выражением. Серьезное значение имеет то, что стоит

за текстами, каковы они в интерпретации сильных мира сего, какова их идеология. Возрождение сегодня идеи холодной войны, отрицание прав в России или Китае, постановка вопросов об исключении России из Совета ООН по правам человека, из Совета безопасности и другие подобные акции коллективного Запада дают основание говорить об инфляции основополагающих международно-правовых документов. Можно предположить, что у России и в наше время были бы основания возражать против безоговорочного голосования за Всеобщую декларацию о правах¹.

Генеральная Ассамблея ООН, провозглашая Всеобщую декларацию прав человека, обозначила перечень условий, которые она приняла во внимание. Они не утратили своей ценности. Соответственно, не утратили ценности и сами права, вошедшие в перечень. Но все эти права и свободы покоятся на том, что *все государства-члены обязались содействовать сотрудничеству с Организацией Объединенных Наций*, всеобщему уважению и соблюдению прав человека и основных свобод. Не будь этой обязанности, не будь признания ее государствами, Декларацию прав можно было бы уподобить декларации о намерениях. К сожалению, приходится констатировать, что в деятельности некоторых государств, в том числе и тогда, когда они представляют свои позиции в органах ООН, прослеживается пренебрежение названной обязанностью.

В основе прав лежат признание и реализация обязанностей тех, кому эти права предоставляются, и тех, кто обеспечивает действие этих прав. Такова диалектика обязанностей и прав. Поэтому мы можем констатировать полное соответствие целям Всеобщей декларации прав человека главенствующей статьи Конституции РФ, которая звучит так: «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина — обязанность государства» (ст. 2). При этом данная норма национальной Конституции не игнорирует и поддержку прав в международно-правовом аспекте. Российская правовая система содержит механизм разрешения возможных конфликтов на основе

¹ Постановка вопроса о правах человека не всегда отвечала строгому подходу с позиций юридической науки. Она служила удовлетворению определенных политических целей, вписывалась в такую «правозащитную» психологию, которая не согласовывалась не только с научными, но и с моральными принципами. Доказательство тому — весьма откровенное признание известной правозащитницы «Я лично правами человека накушалась досыта. Некогда и мы, и ЦРУ, и США использовали эту идею как таран для уничтожения коммунистического режима и развала СССР. Эта идея отслужила свое, и хватит врать про права человека и про правозащитников. А то как бы не срубить сук, на котором мы все сидим» // Молодежь Эстонии. URL: <http://www.enet.ru/~baltia/bi000726.html>; 1994 г. № 80, 9 апреля. <https://zavtra.ru/events/ispoved-novodvorskoj>; <https://zhenja0.livejournal.com/31893.html>).

нормы ч. 4 ст. 15 Конституции РФ, получившей развитие в ходе конституционной реформы 2020 г. Глобалистские подходы и ориентация на однополярные позиции породили конфликтные решения. Поэтому каждая ситуация, подпадающая под действие какого-либо требования из трех поколений прав человека, зафиксированных как во внутреннем, так и в международном праве, подвергается конституционной экспертизе в рамках национальной правовой системы. Проходя через фильтр конституционного правосудия и национальных процессуальных процедур, она еще более усиливается в случае, если по каким-либо причинам приостанавливается или прекращается действие международно-правовых актов о защите прав и свобод гражданина¹. Конституция РФ имеет высшую юридическую силу, прямое действие и, соответственно, верховенство в рамках единого правового пространства России, в которое могут входить и международно-правовые акты.

Мы обратили внимание на обязанности тех, кто предоставляет права и свободы. Но не менее важно указать на обязанности тех, кому предоставляются эти права и свободы. Как-то уходит из поля зрения то обстоятельство, что не все права неотъемлемо принадлежат гражданам с момента рождения. Многие права имеют своими предпосылками непременно выполнение их носителями тех или других обязанностей.

О правах человека и гражданина можно вести речь в как аспекте объективного права, что обусловит поиск закрепления в нем соответствующих норм и принципов, так и в аспекте субъективного права, что заставит нас обратиться к конкретным носителям определенных прав и смотреть на обеспеченность каждой из трех возможностей, которые составляют содержание любого субъективного права.

Отсюда просматривается разница между правами как категории должного и правами в качестве сущего, как конкретной реалии в предметных правоотношениях. То и другое получают отражение в правосознании, то и другое следует учитывать в наших оценках правовых систем, памятуя о том, что записи в документах, даже таких, как конституции и тем более декларации, еще не могут свидетельствовать о полноте прав.

Современные интерпретации концепции прав человека, как представляется, весьма формалистичны, и потому часто поверхност-

¹ Так, удовлетворение законодательной инициативы Президента РФ о денонсации Конвенции о защите прав человека и основных свобод, о прекращении действия в отношении России международных договоров Совета Европы (СЕ) требует усиления гарантий прав в целях предотвращения возможных негативных последствий как результата образовавшегося в праве пробела.

ны¹. Они, как известно, покоятся на индивидуалистическом восприятии мира, отвержении коллективистских позиций, превознесении исключительно либеральных ценностей.

Принято считать, что права человека (во всяком случае, некоторые из них) проистекают из непреложного факта его существования на Земле. Это сугубо естественно-моральная позиция, не имеющая обоснования за пределами естественного права. Для юриста она имеет смысл только в плане текстуального закрепления правовых принципов и нормативов. Если дело доходит до их реализации, всякий раз уместна постановка вопроса о реальных основаниях применения соответствующих норм. Юристы не могут игнорировать юридические факты. В основании реализации того или другого права конкретного человека лежат сложные юридические составы. Мы можем видеть это, например, в тех процессах и инициативах, которые проявились в отношении лиц, покинувших Россию, отказавшихся тем самым и от ценностей ее правовой системы. Разумеется, следует размышлять, использовать состязательные судебные процедуры, учитывать все элементы фактического состава, но в случае установленного судом правонарушения, как представляется, должны утрачиваться те или иные гарантии прав.

Статья 28 Всеобщей декларации прав человека гласит, что каждый человек «имеет право на социальный и международный порядок, при котором права и свободы, изложенные в настоящей Декларации, могут быть полностью осуществлены». Это то же право на право и только на то, которое осуществимо; право на то право, которое имеет под собой состав позитивных юридических фактов. Без учета этого обстоятельства многие государства рискуют быть обвиненными в отсутствии или в нарушении прав.

Если право на право рассматривать как ценность, возникает вопрос о соизмерении и градации прав на право. Какое, например, место отвести праву частной собственности? Оно, как представляется, «замылено» до предела. И государство, похоже, более всех готово к посягательству на это право. Право на частную собственность объявляли священным и неприкосновенным. И не только потому, что оно дает возможность эксплуатировать тех, кто этой собственности не имеет, но и потому, что оно обеспечивает право на жизнь, являясь в этом смысле вторым по своему значению. В настоящее

¹ Отсутствие погруженности «в юридическую проблематику протекающих процессов естественности правовой действительности», масштабные упущения «в восприятии и отображении действительности», отстраненность от непростых вопросов правовой политики одним из авторитетных российских практиков отмечаются как общее качество всей юридической науки (см.: Серков П.П. Правоотношение. Теория и практика современной правовой политики: монография: в 2 ч. Ч. 2. М.: Норма, 2023. С. 6, 14, 15).

время ни одна страна и ни один банк (даже швейцарский!) не дает полной гарантии собственности. Под этим углом зрения нуждается в толковании как несущая позитивное начало ч. 2 ст. 8 Конституции РФ, устанавливающая равенство всех форм собственности.

В современной юридической литературе, в международных и внутригосударственных актах такие понятия, как «права человека», «права личности» и «права гражданина», рассматриваются в качестве однопорядковых. А между тем каждое из них несет свою нагрузку, и при всех пересечениях они содержательно могут различаться, что имеет значение при их охране и фактической реализации¹.

Интернет позволяет ознакомиться с множеством подходов к определению прав и свобод человека². Можно убедиться, что в каждой характеристике отдельных аспектов есть нечто от истины, но редко общее определение рождается из осмысления разных правовых систем. Как и во многих других случаях, мы отдаем предпочтение интегративному подходу: *права человека — это присущие ему от рождения притязания, фиксируемые общественным сознанием в форме определенных постулатов (общих требований, принципов и норм) свободного социального общения, имеющие цель утвердить достоинство личности, обеспечить мир и безопасность, высокий уровень жизни и благополучия*. Это объективно сложившаяся система моральных императивов должного порядка, обращенных к неопределенному множеству лиц, обязанных уважать адресованные им требования. Действие этих принципов обеспечивается общественным мнением. Отдельные люди могут знать или не знать эти постулаты, предъявлять или не предъявлять какие-нибудь из них кому-либо — они просто есть. Наиболее важные получают фиксацию, но и это не является обязательным признаком прав человека.

Поскольку в современном мире подавляющее число людей состоит в гражданстве того или другого государства, создается видимость совпадения прав человека и прав гражданина. Разумеется, каждый гражданин является носителем прав человека, но последние далеко не все и не во всем становятся правами гражданина. Права гражданам даруются государством. Оно может посредством закона признать какое-то право человека правом своего гражданина, но может и не признать или признать в определенной части. Поэтому права граждан в разных государствах разные. Причем речь идет не просто о провозглашении, а о *фактическом признании всеми властными структурами государственно-правовой системы*.

¹ См., например: Мюллерсон Р.А. Права человека: идеи, нормы, реальность. М., 2011.

² См., например: URL: <https://rosuchebnik.ru/material/prava-i-svobody-cheloveka-i-grazhdanina/>, https://zakon.ru/blog/2019/11/1/prava_cheloveka_soderzhanie_ponyatiya

Применительно к России в качестве таковых следует указать на народ как единственный источник власти в Российской Федерации, на органы государственной власти (парламент, правительство, суд) и органы местного самоуправления. Их власть проявляется в нормативных и индивидуальных правовых актах; она объективируется в поведении всех лиц (физических и юридических), которым правовые акты адресуются. Полное представление о правах и свободах граждан дает системный анализ нормативного материала, проведенный на социологической основе. Национальная правовая система должна рассматриваться во всей полноте проявления ее составных частей и элементов. Недостаточно ограничиться перечнем прав и свобод и их гарантиями, прописанными в Конституции и конституционных законах. Наличие прав и свобод или их отсутствие, полнота прав и свобод просматриваются только вживую, в действии соответствующих норм, в анализе деятельности определенных органов. Особое значение здесь приобретают акты конституционного правосудия.

Права человека и гражданина на уровне реальных правоотношений — это легитимно закрепленные возможности вести себя свободно и ответственно; требовать адекватного поведения по отношению к себе от всех других; беспрепятственно обращаться за защитой своих правовых интересов в судебные и иные предусмотренные законом органы.

Исторически внимание к правам человека усилилось в контексте развития концепции правового государства. Как следствие, было обоснование обязанности государства (государств) обеспечивать права, закрепление обязанности государственных органов следовать праву, где на первом месте стоят именно права человека и гражданина. С политической точки зрения было большим прорывом делать акцент на правах граждан и на обязанности государства, но при этом часто не учитывались юридические ценности, согласно которым существует взаимная связь прав и обязанностей. Это происходило по причине неоправданного отрыва тех и других от конкретных правоотношений¹. По этой причине правовое государство представлялось большей частью как симулякр, не имеющий прямого отношения к юридической реальности.

¹ Об органической связи (взаимообусловленности) прав и обязанностей см.: Серков П.П. Правоотношение (теория и практика современного правового регулирования): монография: в 3 ч. Ч. 1 «Грани правового неведомого». М.: Норма, 2018. Автор подчеркивает взаимность прав и обязанностей и обоюдное влияние их в правоотношениях (с. 232); необходимость проникновения в закономерности их взаимодействия (с. 238), протестуя против игнорирования субъективных обязанностей (с. 240–241). Как представляется, анализ системы прав и свобод в отрыве от системы реальных правоотношений не имеет практического значения, плодит вредные миражи (опасные?).

Многоаспектный подход к правам предполагает их рассмотрение на уровне философии и теории, должного и сущего, в свете права (национального и международного), сквозь призму законодательства, раздельно по отношению к человеку и к гражданину.

Человек рождается с бесспорно неотъемлемым естественным правом на позитивное восприятие данного факта, надлежащую его фиксацию и создание необходимых условий для продления жизни. Этому праву соответствуют естественные обязанности родителей, членов рода. На самом ребенке никакие обязанности не фиксируются — человек рождается без каких-либо обязанностей¹. Обязанности заявляют о себе по мере взросления человека, а твердое закрепление они получают только в нормах позитивного права. Напротив, гражданин «рождается» (становится) с определенной суммой прав и обязанностей. Он изначально субъект правовых отношений. Разумеется, на основе позитивного права.

Позитивное право всегда подкрепляется принудительными механизмами, которых не знает естественное право². Поэтому как реакция на принудительный характер позитивного права утвердилось такое понимание естественного права (естественно-правового), которое исключило не только принуждение, но и обязанности и вместе с тем какое-либо ограничение свободы выражения и самовыражения. С позиции крайнего приверженца прав человека нельзя ограничить человека (это высокодуховное и высоконравственное существо) в его праве самовыразиться. Это все равно что ограничить его естественное право дышать. Джон Финнис, оценивающий естественное право и естественные права с позиций требований практической разумности, констатирует, что многие люди (как во времена Фомы Аквинского, так и в наши дни) думают, будто мораль затрагивает только межличностные отношения и каждый «свободен в том, что касается его самого», а некоторые не понимают, что у них есть какие-то обязательства перед другими людьми. «Предшествуют ли обязанности правам? — задается автор вопросом и, не принимая альтернативу «или — или», пишет: «...Есть основание считать понятие долга, обязанности или требования

¹ Эти обязанности возникают по мере вступления в социальный мир и сферу естественного права. «Естественное право требует, чтобы внешняя свобода была предоставлена лицу именно в тех границах, которые оправдываются и требуются целями добра. ... Как синоним нравственно должного в праве ... оно олицетворяет собой особую специфическую задачу, особую совокупность конкретных обязанностей» (Трубецкой Е.Н. Лекции по энциклопедии права. М., 1913. С. 61, 67).

² Естественное-правовое начало свойственно и Всеобщей декларации прав человека. Статья 1 гласит: «Все люди рождаются свободными и равными в своем достоинстве и правах. Они наделены разумом и совестью и должны поступать в отношении друг друга в духе братства».

играющими стратегически более важную объяснительную роль, чем понятие прав»¹.

Однако естественное право, как и право позитивное, органично предполагает взаимную нерасторжимую связь права и обязанности. Одно немыслимо без другого. Разумеется, если речь идет именно о праве, которое, позитивное или естественное, мыслится только в социуме, в коммуникации и прежде всего в отношениях человека с человеком. Причем гуманистическая позиция непременно выдвинет на первое место именно обязанность: будь личностью и уважай других как личностей. Уже является общим местом, что естественные обязанности соответствуют основным естественным правам человека (право на жизнь — обязанность «не убей», право собственности — обязанность «не укради») и они, как и права, только в первую очередь по мере развития общества, постепенно конкретизируются и закрепляются в виде юридических обязанностей в законодательстве.

В естественном состоянии соотношение и место прав и обязанностей утверждаются объективно естественным ходом вещей. Но, когда начинается конструирование норм позитивного права, возникает необходимость решать эти вопросы в зависимости от сложившихся социальных условий, расстановки политических сил и т.д.

В принципе только по отношению к гражданину уместно вводить конструкцию первенства прав или обязанностей, особенно если обязанности, подобно тому, как это делал, в частности, Дюги, изначально поставить во главу угла. В разных правовых системах вопросы решаются по-разному. Правовое положение лица связывается здесь с действием закона. Отечественная историческая практика знала время, когда, например, детей могли с рождения приписывать к определенному полку.

Таким образом, человек и его «права» не из закона вытекают. Они обусловлены природой. Естественной и социальной. Права человека выражают степень его свободы. Ошибется тот, кто будет утверждать, что человек рождается свободным. Нет, он связан природными условиями. Соответственно, и социальными. Свободу обыкновенно связывают с правами, и лишь немногие понимают ее в духе Спинозы как некую (познанную) необходимость, что, в свою очередь, влечет признание обязанности в качестве естественно-правовой ценности. Во всех смыслах определяющую роль играет норма ст. 29 Всеобщей декларации о правах: «Каждый человек имеет обя-

¹ См.: Финнис Дж. Естественное право и естественные права М.: ИРИСЭН; Мысль, 2012. С. 52, 260, 265.

занности перед обществом, в котором только и возможно свободное и полное развитие его личности». Однако *nemo jure suo uti cogitur* — никто не обязан пользоваться своим правом. Если согласно ст. 3 этого документа «каждый человек имеет право на жизнь, на свободу и на личную неприкосновенность», то это означает только то, что он имеет право потребовать соответствующего (адекватного) поведения от других.

Наличие прав органично предполагает наличие и обязанности их признания и охраны государством и уважения со стороны всех других субъектов правового общения. Речь идет о субъективных правах и юридических обязанностях в реальных правоотношениях, основанных на нормах позитивного права. Но проблема прав и свобод человека обозначилась и получила дальнейшее развитие вне связи с дарованием их позитивным правом или, более того, ввиду критики позитивного права в свете философии права и представлений (норм) о естественном праве. В качестве таковой она получала закрепление в национальных конституциях, преимущественно в виде общих принципов и норм. Конституционализация статуса человека и гражданина положила начало формированию гуманистического и демократического национального правопорядка.

Всеобщая декларация прав человека провозгласила, что осуществление прав и свобод гражданином требует «должного признания и уважения прав и свобод других, удовлетворения справедливых требований морали, общего порядка и благосостояния в демократическом обществе». В Международном пакте о гражданских и политических правах также установлено, что «отдельный человек имеет обязанности в отношении других людей и того коллектива, к которому он принадлежит»¹. Можно ли сделать вывод, что права, закрепленные этими общепризнанными правовыми документами, перешли из естественного права, а содержащиеся в них же обязанности есть не более чем плод позитивного права? Мы бы видели здесь иной аспект: на определенном этапе исторического развития потребовалось бы в специальном документе сделать акцент на правах человека, но уже в наших условиях есть настоятельная потребность — те-

¹ Не лишне вспомнить, что цитируемый пакт появился в русле той особой позиции СССР, которая была заявлена при принятии Всеобщей декларации о правах. Социалистическим государствам изначально было свойственно отстаивать норму, согласно которой «идеал свободной человеческой личности, пользующейся гражданской и политической свободой и свободой от страха и нужды, может быть осуществлен только, если будут созданы такие условия, при которых каждый может пользоваться своими экономическими, социальными и культурными правами, так же как и своими гражданскими и политическими правами...». URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml

оретическая (неразрывная связь прав и обязанностей) — и социальная (нарастающая опасность пренебрежения обязанностями) в подготовке Всеобщей декларации обязанностей человека и гражданина¹.

Права и свободы человека являются незабываемыми. Права и свободы человека могут быть ограничены только в соответствии с законом и лишь в той мере, в какой это необходимо в целях защиты конституционного строя, здоровья населения, общественной нравственности, прав и свобод других лиц, обеспечения общественной безопасности и общественного порядка. *Осуществление* прав и свобод человеком не должно нарушать прав, свобод и законных интересов других лиц, общества и государства. Права гражданина закрепляет в Конституции и законах государство, и только суд может лишить или ограничить их при наступлении обстоятельств, предусмотренных законодательством. Честь и достоинство человека неприкосновенны. Ничто не может быть основанием для их умаления. В некоторых законодательствах устанавливается некое соответствие прав и обязанностей, например: «налоги и сборы должны быть справедливыми и не должны препятствовать реализации гражданами своих конституционных прав». Однако такой должна быть общая норма, привязанная не только к налоговым обязанностям.

Создается впечатление, что с ценностями гуманизма и демократии меньше всего связывают обязанности коммуникационного общения. И потому общим хором звучит панегирик только правам². Но правовая система должна уравнивать права и обязанности.

¹ «По логике естественного права как целостной системы давно пора сделать вывод о реальности не только естественных прав, но и столь же естественных обязанностей как обязательных элементов естественного статуса и столь же естественной ответственности каждого субъекта права» (Беляев В.Г. Естественное право — истинно, следовательно — реально // Новая правовая мысль. 2006. № 5. С. 22). С позиций духа, сущности и принципов естественного права автор не без оснований обосновывает смертную казнь, полагая, что само право на жизнь «отнодь не абсолютно, не безгранично и не безусловно» (с. 20–21).

² Односторонняя идеология нашла конституционную основу. В Конституции РФ нет вообще специальной главы об обязанностях, есть отдельные нормы, но никакие общие положения не сформулированы на этот счет. Интересная позиция представлена в новой редакции Конституции Узбекистана. В Разделе втором «Основные права, свободы и обязанности человека и гражданина», есть главы «Общие положения», «Гражданство» (с указанием на права и обязанности, обусловленные данным институтом), главы, устанавливающие личные права и свободы; политические, экономические, социальные, культурные и экологические права. Специальная глава определяет гарантии прав и свобод человека и гражданина. И, наконец, глава «Обязанности граждан», в которой только шесть статей, в то время как права человека и гражданина занимают 33 статьи. Нормы о правах человека и гражданина фиксируются и в других разделах Конституции.

В российской правовой системе это делается средствами юридической техники. Одним из средств соотнесения прав и обязанностей в интересах общества является государственный запрет. Запрещением соответствующих действий государство полностью лишает прав на их совершение. Более того, всякий запрет косвенно заключает в себе обязанность совершения определенных действий. В этом смысле наша правовая система имеет много обязывающих норм. Обязывания имплицитно содержатся и в Конституции, хотя вопрос о необходимости здесь специальной главы не снимается. Пока непосредственно обозначены лишь такие обязанности: платить законно установленные налоги и сборы; сохранять природу и окружающую среду, бережно относиться к природным богатствам; заботиться о сохранении исторического и культурного наследия, беречь памятники истории и культуры; защищать Отечество. В качестве права и одновременно обязанности установлена забота о детях, об их воспитании.

Представляется, что в обеспечение норм ст. 3 Конституции РФ следовало бы закрепить обязательное участие каждого гражданина в осуществлении властной функции народа. Предусмотренные ст. 32 права граждан на участие в управлении делами государства проблему народовластия не решают. К тому же они не значатся в числе тех, которые нельзя ограничить. Следует оговориться: при всей взаимосвязи прав и обязанностей, некорректно именовать правами обязанности и тем более ставить вопрос о возможности или невозможности ограничения таких обязанностей. В статье 24 Конституции РФ обозначены запрет и обязанность, но, исходя из содержания ст. 56, они мыслятся как права. С нашей точки зрения, неправильно именовать правами гарантии осуществления соответствующего права (например, ч. 3 ст. 37 Конституции РФ).

Разграничение прав и свобод *гражданина и человека* необходимо не столько в теоретическом, сколько в практическом плане, поскольку свободы неотчуждаемы и принадлежат каждому с рождения (ст. 17 Конституции РФ). В каждом конкретном случае приходится задаваться вопросом, к какой категории принадлежит то или другое право, та или другая свобода. Так, например, свобода на объединение и свобода деятельности (ст. 30 Конституции) не возникают с рождения и ни по какому параметру не могут быть отнесены к правам человека. Поэтому не случайно, запрещается создание и деятельность общественных объединений, направленные на неконституционные цели (ч. 5 ст. 13 Конституции). Государство наделяет своего гражданина правами, и государство при определенных усло-

виях отчуждает их. Полагаю, российские власти не могли, например, не прореагировать на один из призывов в поддержку в Интернете команды волонтеров, помогающей армии и гражданскому населению в Украине¹.

Обращаясь к правовой системе России, мы находим подтверждение в ст. 2 Конституции РФ нашему выводу о прямой зависимости прав и свобод как высшей ценности от обязанности государства их соблюдать и защищать. Это определяющая позиция для всей российской правовой системы. Но в формировании общеметодологической, общетеоретической позиции будет некое насилие над фактами, над логикой и прежде всего над историческими реалиями возникновения и развития права, если в основу положены права человека, а не его обязанности (или в иной конструкции — права государства, а не его обязанности). С.С. Алексеев указывает, что стержень правовой материи образуют позитивные обязывания, запреты и дозволения и что, строго говоря, «характерная черта мира права — долженствование... напрямую относится к двум составляющим этой «троицы» — к позитивным обязываниям и запретам...»². Но надо иметь в виду, что долженствование у автора охватывает и ему противоположное — дозволение. И авторитетнейший отечественный теоретик права видит великую «тайну права» в том, что «вопреки фактическим реалиям, очевидным фактам, свидетельствующим о превалировании в материи права юридических обязанностей, запретов, ответственности, правовая материя так «построена», что само ее существование и функционирование связаны именно с субъективными правами участников общественной жизни — правами отдельных субъектов, мерой их «собственного», свободного поведения»³.

Общий посыл идеологии и законодательства в отношении прав позитивный. Однако при ближайшем рассмотрении оказывается не такой безоговорочной. В статье 19 Конституции РФ дается перечень признаков фактических обстоятельств, по которым допускается ограничение прав граждан (!). Формулировка позволяет нам прийти к логическому выводу о принципиальной допустимости ограничений и по другим основаниям (мыслить *contra* прав). Статья 56 Конституции дает перечень прав и свобод, которые не подлежат ограничению даже в условиях чрезвычайного положения. Но следует поставить здесь вопрос иначе — *о принципиальной необходимости ограничений!* Такая необходимость проявилась с широким использованием средств

¹ URL: <https://altezza.travel/articles/supporting-ukraine-together>

² Алексеев С.С. Избранное. М.: Статут, 2003. С. 217.

³ Цит. соч. С. 219.

Интернета. Не случайно в период проведения специальной военной операции встали вопросы реализации норм ст. 27 Конституции о свободе передвижения, выборе места пребывания и жительства, о выезде из России и о возвращении в нее. Пока эти нормы неприкасаемы. В группу неприкосновенных попали и некоторые права гражданина, например право на суд присяжных, на получение квалифицированной юридической помощи и т.д. Таким образом, критерии, которые российский законодатель положил в основу деления прав на те, которые могут быть ограничены, и те, которые ограничению не подлежат, — иные. Выяснить соответствующие основания — одна из актуальных задач.

В свое время дискутировали, почему в статье Конституции РФ о равенстве мужчин и женщин на первом месте стоят мужчины? Не есть ли это дискриминация женщины? Устранить такую «дискриминацию» можно путем доведения ситуации до абсурда. Например, родитель номер 1 и родитель номер 2. Возможно, что при таком раскладе женщина вообще не будет иметься в виду. В такого рода цифровых транскрипциях равенство в правах доводится до такой степени, что вообще теряет свою ценность.

В числе не только исследовательских, но и практических задач следует назвать и необходимость официального толкования ст. 55 Конституции РФ. Какие, например, основные права и свободы, помимо перечисленных в Конституции, могут являться в судах общепризнанными и на каком основании, в чем проявляется «умаление» прав, в какой форме выражается «отрицание» прав, как соотносится то и другое с их «отменой». В какой степени положения данной статьи распространяются на законы субъектов Федерации, акты местного самоуправления, на акты высших судебных инстанций?

Часть 3 ст. 55 содержит разрешительную норму на предмет ограничений прав, но дается перечень случаев, когда ограничения необходимы¹. Важно подчеркнуть, что норма адресована законодателю и только он может толковать ее. Однако принятый законодателем акт неизбежно будет разясняться в ходе его применения. Поэтому желательно ограничить круг субъектов официального толкования и их права. Ограничение прав не предполагает обязательного посягатель-

¹ «Права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства» (см.: Лазарев В.В. Ограничение прав и свобод как теоретическая и практическая проблема // Журнал российского права. 2009. № 9).

ства на конкретное право. Напротив, право гражданина как воплощаемая в праве свобода только усиливается ограничением этой свободы, если в конкретном случае оно ограничено во имя свободы других. Ограничения права не обязательно связаны с неблагоприятными последствиями для собственных интересов субъектов и, следовательно, могут иметь положительную правовую мотивацию. Можно видеть таковую в запрете злоупотребления собственностью, ограничении пользования и распоряжения собственностью во вред другим. Более того, такие ограничения могут вылиться в установление обязанности собственника использовать свою вещь в социально полезном направлении.

В период демократизации российской политической системы сложились весьма твердые правовые установки. Для граждан — что не запрещено, то дозволено. Для должностных лиц — все запрещено, что прямо не дозволено. Для законодателей — ограничено все, что за пределами позитивного права противоречит природе вещей.

Система прав и свобод обусловлена социально-экономическими отношениями и политическим строем. Там закономерно и естественно формируются интересы людей и правовые притязания. Нормативные преграды могут и должны ставиться не столько содержанию заявленных требований (они оспоримы в суде), сколько способу их осуществления. Любое право подлежит ограничению там, где оно посягает на противостоящее ему естественное притязание другого. О «противоестественности» притязаний в социальной сфере можно заключить лишь из синкретического освоения общей и правовой культуры. Только так можно оценивать законодательство, не признающее однополые браки, ограничивающее курение, запрещающие потребление наркотиков и т.п. Здесь уместно вовлечение в исследовательский процесс категорий «сфера сущего» и «сфера должного», что имеет практический смысл в законодательном опосредовании прав человека и гражданина. Осуществление некоторых прав и свобод человека по необходимости сопряжено с нарушением прав и свобод другого человека, что, как известно, не допускается конституционной нормой (ч. 3 ст. 17 Конституции РФ). Но конституционная норма переводит конфликт в сферу должного — «не должно нарушать», а от сущего не уйти, и его противоречие правовая система решает через достижение компромисса в суде.

В цивилизованном обществе реальность прав и свобод достигается мирно, через посредство должного самообязывания и самоограничения носителей прав. Материальные и процессуальные основы

такого режима нуждаются в установлении прав и обязанностей в позитивном праве. Реализация этой задачи приобретает некоторые особенности в современных условиях цифровизации общественных отношений, рассмотрение которых потребовало бы подготовки специальной статьи¹.

¹ Не исключено, что нужно будет возвратиться к оценке справедливости принципа талиона, который в большой степени соответствовал цифровому подходу. Говорю о парадигмальных взглядах. Ситуация, в которой норвежский стрелок, апеллируя к правам человека, требует самых комфортных условий жизни и удовлетворения этих требований (установления соответствующих норм в законодательстве), противоречит здравому смыслу, естественному праву, полностью отвергает «цифровое правосудие».

ВСЕОБЩАЯ ДЕКЛАРАЦИЯ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА: ИМПЛЕМЕНТАЦИЯ НА НАЦИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ

А.И. Ковлер

Принятие после Второй мировой войны ряда правовых актов по правам человека — и Всеобщая декларация прав человека стала в этом ряду своеобразной путеводной звездой — без всякого преувеличения произвело подлинную революцию в правовом бытии человека, сделав его впервые в истории человеком универсальным. Достаточно напомнить ст. 6 Декларации: «Каждый человек, где бы он ни находился, имеет право на признание его правосубъектности». Это означало, что человек отныне не прикован невидимыми, но тяжелыми цепями гражданства к «своему» государству, а становится в определенном смысле *homo universalis*¹.

Вместе с тем всегда остается актуальной задача защиты универсальных прав человека на национальном уровне. Венская декларация Всемирной конференции по правам человека (принята 25 июня 1993 г.) фиксирует эту закономерность в четких формулировках:

«Все права человека универсальны, неделимы, взаимозависимы и взаимосвязаны. Международное сообщество должно относиться к правам человека глобально, на справедливой и равной основе, с одинаковым подходом и вниманием. Хотя значение национальной и региональной специфики и различных исторических, культурных и религиозных особенностей необходимо иметь в виду, государства независимо от их

¹ См.: Ковлер А.И. Антропология права. Глава 10 «Международные стандарты прав человека и проблема международной правосубъектности индивида». М., 2002.

политических, экономических и культурных систем, несут обязанность поощрять и защищать все права человека и основные свободы»¹.

В реальности не все так просто, как в Венской декларации, в плане имплементации универсальных стандартов, провозглашенных Всеобщей декларацией, на национальном уровне. В ходе Венской конференции отчетливо проявилось противостояние между западноевропейцами и делегатами из стран так называемого третьего мира по принципу *the West and the Rest*. Многие отвергали навязываемые ценности западного мира как угрозу национальной самобытности².

И тогда, и сейчас вопрос ставится ребром: как совместить универсальный характер прав человека (по меньшей мере их каталог, сформулированный Всеобщей декларацией) с правовым и культурным плюрализмом в современном мире? Как противостоять «европейскому культурному империализму»³, в то же время сохраняя должное уважение к роли «старой Европы» как неоспоримого источника идей прав человека?

Представляется, что было бы опасным и недалеким заблуждением подвергать сомнению универсальность основных стандартов прав человека⁴. Все региональные конвенции и декларации прав человека — европейская, межамериканская, африканская, исламская, арабская — воспроизводят основные положения Декларации, приспособлявая (точнее адаптируя) их к региональным условиям. Очевидно, что истина, как обычно, находится где-то посередине. Прекрасным примером соблюдения взвешенного подхода к проблеме универсального и национального в правах человека является фундаментальный труд ученых Казанского университета «Международная и внутригосударственная защита прав человека»⁵, лишенный как абсолютизации универсализма, так и навязчивой идеи о «правовом суверенитете». В этом труде проводится мысль о том, что права человека — это явление мировой культуры и цивилизации, анализируется всеобщность, универсальность прав человека и культурный релятивизм. Нельзя не согласиться с выводом авторов о том, что в

¹ Международные акты о правах человека: сб. док. М., 1997. С. 81.

² О перипетиях этой полемики см.: Ковлер А.И. «Империализм прав человека» или «европейская исключительность» // Ковлер А.И. Европейская конвенция в международной системе защиты прав человека. М., 2019. С. 48–71.

³ Выражение известного французского юриста Робера Бадинтера: *Badinter R. L'universalité des droits de l'homme dans un monde pluraliste // Revue universelle des droits de l'homme. 1989. Vol. 1. P. 2.*

⁴ Неким криком отчаяния звучат заклинания о «невозможной универсальности прав человека»: *Fellous G. Les droits de l'homme, une universalité menacé. Paris, 2010. P. 11; Pararas P. L'impossible universalité des droits de l'homme. 2011. № 5. P. 3–22.*

⁵ См.: Международная и внутригосударственная защита прав человека: учебник / под ред. Р.М. Валеева. М., 2011.

современном мире существуют различные культуры и цивилизации, что есть иерархия ценностей для каждого цивилизационного типа государства¹. Соответственно, интересы и ценности государств и обществ, принадлежащих к разным цивилизациям, могут значительно различаться. Например, неоднократно отмечалось, что для концепции прав человека в Азии или Африке характерно то, что обладание теми или иными правами часто имеет своим условием принадлежность к тому или иному роду, племени, этнической группе, клану (в Индии — касте). М.М. Ковалевский определил это как особенность «родового быта»².

И все же, несмотря на типологические цивилизационные особенности, специфику культур и менталитетов различных регионов и стран, значение Всеобщей декларации заключается прежде всего в том, что впервые в истории составной частью правового статуса личности становятся международно признанные права и свободы, ставшие составной частью национальных правовых систем. Академик В. С. Степин называл механизм передачи таких универсальных ценностей из поколения в поколение «культурным генетическим кодом» того или иного типа социальности³. По его мнению, исторически сложившимся типом социальности в России была и остается соборность: «С идеалом соборности тесно связано и особое понимание свободы, свойственное русскому духу. Он больше ориентирован на коллективные формы реализации свободы»⁴. Несмотря на эти особенности российского менталитета и социокультурных традиций, «идеалы демократии, прав человека, правового государства имеют общецивилизационный смысл»⁵.

Об «общецивилизационном смысле» положений Всеобщей декларации свидетельствует тот факт, что в более чем 100 современных конституций эти положения воспроизведены почти дословно, в других они сформулированы в обобщенном виде. Как отмечает Дж. Дон-

¹ Там же. С. 120. В обобщенном виде выделяются западный и восточный типы цивилизаций, которые имеют разные системы ценностей и задают также соответствующие системы интересов и менталитетов. Ценностной базой системы интересов государств западного цивилизационного типа является человек, а особенностями менталитета — индивидуализм, защита частного сектора и частной собственности. Ценностная база системы интересов восточного типа — общество, государство, а особенности менталитета — коллективизм, защита общего интереса.

² См.: Ковалевский М.М. Родовой быт в настоящем, недавнем и отдаленном прошлом. Опыт в области сравнительной этнографии и истории права. СПб., 1911.

³ См.: Степин В.С. Философия и цивилизация // Человек. Наука. Цивилизация. М., 2004. С. 76–77.

⁴ Степин В.С. Права человека в эпоху глобализации и диалога культур // Всеобщая декларация прав человека: универсализм и многообразие опытов. М., 2009. С. 21.

⁵ Там же. С. 28.

нели, в страны, в системе ценностей которых права человека не занимают достойного места, в последние десятилетия инкорпорировали права человека в их концепции национальной самоидентификации¹. Ярким примером такой эволюции является Южно-Африканская Республика, в которой преодоление последствий апартеида шло во многом благодаря утверждению идеологии прав человека и демократии как основы государственной политики.

Не менее интересна эволюция отечественной концепции прав человека в текстах Конституции. Как известно, в советской Конституции 1977 г. правам человека было уделено место в главе «Государство и личность» — обратим внимание на порядок слов. Концепция стала претерпевать изменения в середине 1980-х гг., следуя стратегии «нового мышления».

В это время была проведена серия научных конференций, участники которых ратовали за разработку новой концепции прав человека, приближенной к положениям Всеобщей декларации и адаптированной к реалиям. В ходе конференции, приуроченной к 40-й годовщине принятия Всеобщей декларации, было решено разработать советский аналог Декларации, который и был вскоре предложен политическому руководству страны ... и положен в стол до лучших времен. И вот 5 сентября 1991 г., в ходе последнего в истории Съезда народных депутатов СССР, М.С. Горбачев вспомнил о проекте, подготовленном учеными. И Декларация прав и свобод человека была принята². Сравнение с текстом Всеобщей декларации 1948 г. доказывает разительное сходство многих положений обоих документов. С этого момента подготовка соответствующих разделов новой конституции опиралась на уже принятый текст. За это время был также принят ряд законов, существенно расширявших личные, особенно гражданские, права: о реабилитации жертв политических репрессий; о языках народов РСФСР; о гражданстве; о беженцах и вынужденных переселенцах; о праве граждан на свободу передвижения, выбор места пребывания и места жительства и др. Эти законы высоко подняли планку правозащитного правотворчества и существенно повлияли на продвижение проектов новой конституции.

Анализируя положение Конституции 1993 г., следует отметить, что многие права, кажущиеся универсальными, сформулированы в ней как отрицание практики прошлого: гражданин Российской Фе-

¹ См.: Donnelly J. *Universal Human Rights in Theory and Practice*. Ithaca and London, 1998. P. 161.

² Известия. 1991. 7 сентября. 22 ноября 1991. постановлением Верховного Совета РСФСР был принят уже российский вариант — Декларация прав и свобод человека и гражданина // Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. 1991. № 52. Ст. 1865.

дерации не может быть лишен гражданства или права изменить его (ч. 3 ст. 6); право частной собственности охраняется законом (ч. 1 ст. 35); в Российской Федерации признается идеологическое разнообразие (ч. 1 ст. 13); провозглашается многопартийность (ч. 3 ст. 13) и т.д. Отголоском доктрины естественного права, которым пронизана Декларация 1948 г., является положение российской Конституции: «Основные права и свободы человека неотчуждаемы и принадлежат каждому от рождения» (ч. 2 ст. 17). Таким образом, гл. II Конституции «Права и свободы человека и гражданина», как и упомянутые законы, является имплементацией положений Всеобщей декларации.

Разумеется, в Конституцию РФ заложен своеобразный правозащитный код, понятный советскому человеку: «Никто не может быть принужден к определению и указанию своей национальной принадлежности» (ч. 1 ст. 26) или «Каждый может свободно выезжать за пределы Российской Федерации. Гражданин Российской Федерации имеет право беспрепятственно возвращаться в Российскую Федерацию» (ч. 2 ст. 27). Это сейчас эти права кажутся естественными, а в 1993 г. они были для многих революционными новшествами.

В тексте Конституции РФ 1993 г. можно при желании найти и радикальные формулировки, отражающие настроения того времени. Например — ст. 2 «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина — обязанность государства». Относительно радикальности (по сравнению с советской Конституцией) некоторых формулировок Конституции 1993 г. профессор Л.С. Мамут высказал несколько скептических замечаний. По его мнению, «новаторский и эмансипаторский порыв» разработчиков проекта Конституции (к коим, заметим, он также принадлежал) иногда подводил их. Так, провозглашение в тексте ст. 2 положения о том, что «человек, его права и свободы являются высшей ценностью» вызывает у него вопрос: «Как тут быть с «порядком», «законностью», «безопасностью и целостностью государства», «общественной моралью», как тут быть с «общим благосостоянием» и т.п.? Выходит (коль скоро человек, его права и свободы — высшая ценность), все они — ценности второсортные»¹. Будучи убежденным «государственником» и противником возведенного в абсолют антропоцентризма, Л.С. Мамут сурово осуждает проявление такой абсолютизации, как «пустые красоты,

¹ Мамут Л.С. Всеобщая декларация прав 1948 г. и Конституция Российской Федерации 1993 г.: доклад на научной конференции «Всеобщая декларация прав человека: универсализм и многообразие опытов» (ИГП РАН, 2 декабря 2008 г.) // Труды ИГП РАН. 2008. № 6. С. 227.

затасканные штампы обывательской и пропагандистской речи»¹. К тому же такой жесткой формулировки, как в ст. 2 Конституции РФ, нет ни в Декларации 1948 г., ни в Пактах 1966 г., заключает он. Добавим: нет ее ни в хартии Европейского союза об основных правах, ни в конституциях европейских государств. Что ж, у России и в этой области свой особый путь...

Несколько абстрагируясь от отмеченной полемики (вполне естественной в академической среде), отметим, что в ней проявилось давнее противостояние идей «всеобщего права»² и идей «исторической школы», делающих акцент на веками сложившихся правовых традициях. Не надо быть мудрым провидцем, чтобы констатировать: дискуссия об универсальных и национальных ценностях в сфере прав человека будет продолжаться. Она ведется в академической среде³ и на площадках международных форумов. Главное, чтобы эти дискуссии не ушли в песок, когда свое слово скажет всепроникающая Цифра, нивелирующая многие традиции и ценности⁴.

¹ Там же. С. 228.

² «Если естественное право едино, вечно и неизменно, а задача законодателя состоит в приспособлении положительного права к естественному, то не может быть или не должно быть права французского, английского, немецкого. Право только одно — человеческое». Цит. по: Шершневич Г.Ф. Общая теория права. М., 1995. С. 2.

³ См.: Правовой статус человека и гражданина в меняющемся мире / отв. ред. А.Е. Постников. М., 2023.

⁴ См.: Ковлер А.И. Антропология прав человека в цифровую эпоху // Журнал российского права. 2022. № 12.

ИМПЛЕМЕНТАЦИЯ ВСЕОБЩЕЙ ДЕКЛАРАЦИИ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ

А.Я. Капустин

Устав Организации Объединенных Наций (далее — ООН) — международный договор особого рода. Это учредительный акт межгосударственного объединения, вначале включившего в себя победившие во Второй мировой войне страны, а затем превратившегося в международное сообщество большинства государств¹. С формально-юридической точки зрения Устав ООН относится к международным многосторонним договорам, содержащим как институциональные положения (членство в организации, главные и вспомогательные органы, их компетенция и полномочия), так и важнейшие для современного мира нормы о поддержании международной безопасности, включая мирное разрешение споров, сотрудничество в экономической и социальной области, а также обязательные процедурные правила. Важнейшее значение имеет кодификация в Уставе ООН фундаментальных международно-правовых идей и ценностей, определивших развитие международного права на многие десятилетия вперед.

К числу основополагающих правовых ценностей относится основная цель ООН, касающаяся международного сотрудничества, — поощрение и развитие уважения к правам человека и основным

¹ Наименование лишь подчеркивает институциональный характер Устава ООН, не лишая его значения международного многостороннего договора. Венская конвенция о праве международных договоров 1969 г. в ст. 5 распространяет свое действие на любой договор, являющийся учредительным актом международной организации без ущерба для ее соответствующих правил.

свободам для всех. Этот идеал положил начало становлению новой отрасли — международного права прав человека. Жестокие уроки Второй мировой войны обозначили острый дефицит сотрудничества по гуманитарным вопросам. Человечество осознало необходимость создания специальных международно-правовых норм и механизмов, содействующих уважению и соблюдению основных прав и свобод человеческой личности. Не умаляя исторической и международно-правовой значимости проявившегося интереса международного союза государств к теме прав и свобод человека, отметим некоторые противоречия юридизации достижения провозглашенной гуманной цели.

Еще во времена создания ООН было очевидным, что международно-правовое регулирование прав человека в условиях, когда отдельный человек, не будучи субъектом международного права, находится под юрисдикцией какого-либо государства и полностью от него зависит, выглядит некой юридической фикцией, красивым лозунгом или в лучшем случае программным положением. Действительно, стержневые принципы Устава ООН — суверенное равенство государств, неприменение силы и угрозы силой против территориальной неприкосновенности или политической независимости любого государства, невмешательство во внутренние дела государств — установили пределы международного сотрудничества. Вследствие суверенитета государства во всех сферах взаимодействия в рамках ООН реализация целей, принципов Устава ООН и других норм международного права во внутреннем законодательстве возлагалась на сами государственные органы. Однако практика показала, что скромные уставные формулировки о поощрении прав человека содержали значительный правотворческий потенциал ООН в этом вопросе, который реализуется до настоящего времени.

Надо заметить, что еще в ходе работы над проектом Устава ООН на конференции в Сан-Франциско в 1945 г. предлагалось включить в него подробный перечень прав и свобод человека, однако по прагматическим соображениям это предложение не было поддержано ведущими державами. В 1946 году Экономический и Социальный Совет (ЭКОСОС) — главный орган ООН, на который была возложена задача сотрудничества по гуманитарным вопросам, учредил вспомогательный орган — Комиссию по правам человека (КПЧ). Этой комиссии было поручено представить соображения о разработке Международного билля о правах человека — полноценного международного договора, с помощью которого предполагалось обобщить конституционную практику государств и договорный опыт межгосударственного сотрудничества и систематизировать перечень прав человека в едином международно-правовом акте. В ходе обсуждения

этого вопроса в КПЧ возникли острые разногласия между государствами, которые в результате привели к затруднениям в определении юридического характера Международного билля о перечне прав, подлежащих международно-правовой защите. Это сделало невозможным выработку единого документа, и было принято решение проводить работу поэтапно: вначале разработать Всеобщую декларацию прав человека (далее — ВДПЧ) в форме резолюции Генеральной Ассамблеи ООН (ГА ООН) — главного совещательного органа организации, которая будет иметь рекомендательный характер, затем приступить к разработке проекта международного договора¹.

ВДПЧ была принята 10 декабря 1948 г. ГА ООН. Она состоит из преамбулы и 30 статей, в ней закреплены согласованные государствами принципы международно-правовой защиты прав человека, а также провозглашены права и свободы в качестве задачи², к выполнению которой должны стремиться все народы и государства. В преамбуле ВДПЧ заложен фундамент международно-правовой концепции прав человека. Международное право утверждает, что достоинство каждого человека, равенство и неотъемлемый характер его прав служат общечеловеческим идеалам (свободе и справедливости), а также достижению двух основных целей ООН — глобального мира и содействия развитию дружественных отношений между народами. Отдельно подчеркивается обязательство государств-членов согласно Уставу ООН содействовать всеобщему уважению и соблюдению прав человека и основных свобод, в том числе полному пониманию характера этих прав и свобод. Обеспечить последнее представляется крайне сложным в условиях существовавших и сохраняющихся различных политических и идеологических подходов к осознанию прав человека. Тем не менее можно утверждать, что к основным

¹ В дальнейшем обострение политических и идеологических противоречий между западным блоком государств и социалистическими странами привело к фрагментации механизма договорного регулирования. Вместо одного договора решили разработать проекты двух: пакта о гражданских и политических правах и пакта об экономических, социальных и культурных правах, которые были приняты ГА ООН в 1966 г. Таким образом, общий идеал прав человека был разделен между двумя международными договорами, а идея универсальности и единства прав человека в ООН с самого начала международной правотворческой деятельности оказалась способной к дроблению и избирательности по причине политических и идеологических предпочтений государств.

² В русском тексте Всеобщей декларации прав человека 1948 г. использован термин «задача», в английском варианте — *standart*, поэтому в последнее время в отечественной литературе также стал популярен термин «стандарт». См.: Карташкин В.А. Права человека: международная защита в условиях глобализации. М.: 2009. С. 32. В научной литературе под термином «стандарты прав человека» понимаются «правила, выраженные в виде общепризнанных принципов и норм международного права в сфере прав человека». См.: Тиунов О.И. Международное гуманитарное право. М.: 199. С. 175; Ковалев А.А. Международная защита прав человека. М., 2013. С. 330–386.

началам международного сотрудничества в области прав человека, да и в целом международного права прав человека как самостоятельной отрасли, относятся принципы: уважения прав и свобод человека; недискриминации, выступающий правовой гарантией соблюдения равенства и неотъемлемости прав человека; универсальности (всеобщности) прав человека, все еще сохраняющий качества идеала, к которому нужно стремиться; неделимости и единства основных прав и свобод человека. Несмотря на общий характер содержания перечисленных начал, в настоящее время еще рано прогнозировать их трансформацию, поскольку содержание этих принципов обусловлено фундаментальными противоречиями самой системы международных отношений (противоречия между различными группами государств, обусловленными уровнем их экономического и технологического развития и его неравномерностью; между сложившимися мировыми культурами и др.).

Даже краткий обзор основных юридических особенностей ВДПЧ позволяет заключить, что ее невозможно воспринимать как ординарную резолюцию ГА ООН. Совершенно очевидно, что это программный документ, нацеленный не только на будущее совершенствование международного сотрудничества, его форм и методов, но и на эволюцию самого содержания и перечня прав и свобод человека, представления о которых не статичны, а развиваются в русле прогресса цивилизации в целом.

Исторически сложилось так, что принятие ВДПЧ рассматривалось как дипломатический прием, потому что первоначально в работе над проектом Международного билля о правах человека ей отводилась роль преамбулы будущего единого свода прав и свобод человека. Однако лишь в 1966 г. после длительных дискуссий ГА ООН были приняты два международных пакта (Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах и Международный пакт о гражданских и политических правах), которые вступили в силу в 1976 г. Соответственно, только через 28 лет после принятия ВДПЧ было завершено формирование Международного билля о правах человека, который, несмотря на свое наименование, порождающее ассоциацию с исторической традицией европейских и других западных стран придавать биллям значение конституционных актов, занимает важное, но не конституирующее значение в системе международного права. Тем не менее нельзя отрицать очевидного: ВДПЧ и международные пакты о правах человека дали толчок развитию новой отрасли международного права — международному праву прав человека.

Сам факт, что на протяжении 28 лет ВДПЧ была единственным универсальным актом, провозгласившим защиту прав человека и

свобод в качестве обязательства государств, не будучи юридически обязательным документом, сыграл катализирующую роль в утверждении особого правового значения рекомендаций ООН в важнейших сферах ее деятельности. Популярность и авторитет ВДПЧ позволяли призывать к соблюдению прав человека в государствах, которые либо не участвовали ни в одном из пактов, либо ратифицировали один из них. В этих целях достаточно было сделать ссылку на принцип неделимости и единства основных прав и свобод человека. Иными словами, в силу этого принципа было невозможно подходить избирательно к основным правам человека, провозглашенным в ВДПЧ, признавать и соблюдать одни из них или отклонять другие, которые по различным причинам могли не устраивать государство. Кроме того, в различных международных конвенциях по правам человека, универсальных и региональных, можно встретить ссылки на ВДПЧ, положения которой были источником вдохновения для их выработки. Ее положения стали правовой основой многих важных решений, принятых органами ООН, они воодушевили разработчиков ряда международных документов в области прав человека как в рамках системы ООН, так и вне ее, оказали значительное влияние на ряд многосторонних и двусторонних договоров. Так, только в ООН за истекший период было принято 40 конвенций, включая протоколы к некоторым из них, а также 26 рекомендаций, приравненных к конвенционным актам. В преамбулах к ним имеются ссылки на ВДПЧ и международные пакты о правах человека. Например, в преамбуле Конвенции о правах ребенка приводятся положения ВДПЧ и международных пактов о правах человека, касающиеся недискриминации и прав детей на особую заботу и помощь.

Существует мнение о том, что ВДПЧ «в настоящее время является одним из основных источников права, служит моделью, которая широко используется многими странами для разработки отдельных положений конституций, различных законов и документов, относящихся к правам человека»¹. Вместе с тем в международно-правовой доктрине по вопросу особой правовой природы ВДПЧ высказано несколько точек зрения. Так, британо-пакистанский юрист Джаваид Рехман отмечает три научных подхода к пониманию юридической природы этого документа, несмотря на первоначальное стремление разработчиков придать последнему характер юридически обязательного руководства. Первый подход заключается в том, что ВДПЧ рассматривается как авторитетное толкование Устава ООН. Дж. Рехман считает, что после вступления в силу Устава ООН было выражено пожелание, чтобы подробный билль о правах предусмотрел

¹ Карташкин В.А. Указ. соч. С. 32.

разъяснение определения прав человека. Этот аргумент обосновывается как подготовительными работами ВДПЧ, так и самим ее текстом. В преамбуле документа дается ссылка на ст. 55 и 56 Устава ООН. В процессе подготовки проекта ВДПЧ представители ряда государств рассматривали ее в качестве толкователя толкование положений, касающихся прав человека, Устава ООН.

Второй подход предлагает воспринимать ВДПЧ как часть международного обычного права. По мнению профессора В.А. Карташкина, «большинство государств рассматривают Декларацию как документ, содержащий обычные нормы международного права, подавляющее большинство которых стали *jus cogens*»¹. Однако в доктрине международного права установлено, что для признания правила обычной нормой международного права необходимо два элемента — длительная практика государств и признание ее в качестве правовой нормы, т.е. юридически обязательного правила независимо от наличия или отсутствия международных договоров.

Третий подход состоит в том, что некоторые права, содержащиеся в ВДПЧ, настолько прочно утвердились в международном праве, что в настоящее время рассматриваются как имеющие характер *jus cogens*, и таким образом, обязывающие все государства². В условиях перехода к многополярной модели мироустройства обозначились новые стратегические ориентиры парадигмы мирового конституционного развития, утверждающей приоритет национальных ценностей. Как справедливо отмечает академик Т.Я. Хабриева, «...сегодня в России формирование современной национальной модели правового государства, действенных отечественных гражданских институтов невозможно не только без учета ценностей «универсального» характера, но и без осознания традиций и идеалов, формирующих национальную конституционную идентичность»³. Проведение конституционной реформы в России в 2020 г. сопровождалось научными дискуссиями, изучением зарубежного опыта, при этом никто не выдвигал задачи вытеснения или замены универсальных ценностей национальными. Речь шла о процессе поиска соразмерности национальной конституционной идентичности и универсальных ценностей, что должно было стать гарантией защиты от попыток извне навязать России псевдоценности или узко понимаемые всеобщие ценности.

¹ Карташкин В.А. Указ. соч. С. 32.

² См.: McDougal M.S. Lasswell H.D., Chen L.-C. Human rights and World Public Order: the basic policies of International law of Human Dignity. New Haven, L. Yale university press. 1980. P. 64.

³ Хабриева Т.Я. Конституционная реформа в России: в поисках национальной идентичности // Вестник РАН. 2020. Т. 90. № 5. С. 406.

В дискуссиях о роли ВДПЧ в современном праве, вызванных ее 75-летним юбилеем, высказываются различные радикальные идеи о ее устарелости, несоответствии новым реалиям перехода к многополярному миру, необходимости ее отмены или замены и т.д. Не ставя задачи анализа соответствующей аргументации, отметим, что с точки зрения международно-правовой доктрины в сохранении целостности системы международного права и преодолении кризисных явлений в ее развитии, вызванных гегемонистской политикой западных держав, открытым утверждением ими двойных стандартов в оценке прав человека в конкретных ситуациях и в использовании существующих международно-правовых и институционных средств их защиты, ВДПЧ способна сыграть роль международно-правового ориентира при разрешении идейных и политических противоречий по правам человека и при разработке международно-правовых путей обеспечения национальных интересов России в международном сообществе.

ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ЛИЧНОСТИ В РОССИЙСКОЙ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЕ

В.Н. Синюков

Несколько совершенно неполитических революций, исключительно благодаря человеческому творчеству, перевернули отрасли экономики и социальной сферы, да и правопорядки. Эта ситуация диктует России и юридическому сообществу видеть приоритет в таких характеристиках правообразования, правореализации, юрисдикционной деятельности, которые создают авангардный статус человека, формируют перспективные стратегические направления его прав и обязанностей.

Модели правового статуса личности. Каждая эпоха вырабатывает свою модель правового статуса. XVIII–XIX столетия произвели на свет либеральную модель в соотношении общества, государства и человека. XX век сумел внести в этот общепринятый образ значительную новизну, которая была связана с беспрецедентной социальной открытостью, открытой Октябрьской революцией 1917 г. В конце XX — начале XXI в., когда вопрос о соотношении принципа универсальности с культурным релятивизмом в представлениях о правах человека политически значительно обострился, стали постепенно институционализироваться либо активно обсуждаться межамериканская, африканская, азиатская, арабская, евразийская модели прав человека и системы их обеспечения¹.

Какова модель правового статуса личности, актуальная для России в современную эпоху? Имеем ли мы на этот счет собственные стратегические представления? К каким правовым статусам челове-

¹ См.: Клеандров М.И. Будущий международный суд по правам человека с участием России: варианты возможностей // Государство и право. 2023. № 1. С. 19–20.

ка мы должны стремиться в технологическую эру? Имеются ли у нас четкие общественная и государственная позиции по отношению к постмодернистским проектам трансформации человека? Исповедуем ли мы какие-то определенные этические и правовые критерии благосостояния?

Ответы на эти вопросы невозможны без понимания ценностей, которые Россия исповедует в области прав человека? человеческой жизнедеятельности?, и их соотношения с ценностями, накопленными мировой правовой культурой. Эти вопросы составляют повестку актуальной юридической доктрины и практики.

Политика в области прав человека. В современном мире политика в области прав человека стала важнейшим фактором проведения как национального, так и (особенно!) внешнеполитического курса западного мира. Правовая политика как ведущий элемент государственного влияния на право зародилась в конце XIX в. (Кельзен) и постепенно стала основной формой его инновационного развития. Традиционные трактовки технико-юридической и религиозно-идеологической идентификации права постепенно теряют свое значение. Правовая политика продвижения принципов верховенства права и прав человека разворачивается через глобальный процесс экономического развития. Принцип верховенства права становится связующим по отношению к политике в области прав человека и выступает способом преодоления традиционных правовых ценностей, основанных на национальных суверенитетах; наполняет их новым смыслом, выходящим далеко за пределы первоначального либерального содержания эпохи буржуазных революций.

Какова реальность в России? В настоящее время политика в области прав человека практически перестала восприниматься у нас как самостоятельный и системообразующий фактор правового регулирования. Государство реализует различные меры и проекты в политической, экономической, социальной областях, которые касаются человека и которые отслеживаются главным образом в режиме основных экономических показателей.

Однако, в отличие от СССР, Россия утратила инициативу в главном направлении основного вклада Советского Союза в мировую правовую культуру — системном представлении, гармоничном и сбалансированном взгляде на человека, в его соотношении с государством и обществом. СССР не был лидером в экономическом отношении, но у нас было четкое представление, к чему стремиться и как жить в человеческом измерении. Сейчас мы восприняли в сфере прав человека во многом вчерашнюю модель либерализма, от которой западный мир уходит все более быстрыми темпами, и фактически руководствуемся ею.

Нельзя не вспомнить и не признать, что социалистическая революция в России свершилась под лозунгами свободы для трудящихся, преодоления формализма и декларативности буржуазного права. В то время РСФСР при всех сложностях и противоречиях советского периода выступила действительным новатором в области политических и экономических подходов к прогрессу человека, внесла уникальные с точки зрения развития правовой цивилизации положения в мировую правовую культуру.

СССР сумел занять в мире лидирующие в своей альтернативности позиции в области прав человека, фактически перехватил на совершенно нетрадиционной для западной демократии основе инициативу в этой ключевой области социальных отношений. Даже в неоднозначной политической сфере в первые годы республика Советов была международно признанным убежищем для людей, подвергавшихся преследованиям за инакомыслие.

Это политико-правовой стандарт поведения для страны, претендующей на полноценный государственный суверенитет и адекватное человеческому потенциалу экономическое развитие.

Доктринальная недостаточность. Уже более 30 лет мы находимся в рамках подходов, которые лишили нас инициативы и самостоятельности не только в правовой, но и социально-идеологической сфере. Создавшаяся пауза в развитии национальной доктрины правового статуса личности не может не влиять на темпы прогресса общества. Положение постоянно оправдывающегося партнера в политических, конституционно-правовых и социальных дискуссиях имеет далеко идущие негативные последствия для стабильности правопорядка России, снижает духовно-интеллектуальную насыщенность нашего развития. Общественное сознание, лишившись доктринального человеческого системообразующего начала, стало весьма уязвимым для проникновения чуждых нашей культуре жизненных смыслов.

Преобразование института прав личности в России в настоящее время становится ключевым вопросом стратегической повестки. Главная проблема здесь заключается в теоретической неопределенности: какая концепция прав человека адекватна российской правовой культуре? Предвидится ответ: в чем проблема? У нас есть Конституция, в ней закреплен билль о правах, который является фундаментом развития нашего законодательства. И действительно, за десятилетия после принятия Конституции много сделано, особенно в сфере гражданских и политических прав российских граждан.

Но возникает вопрос: способен ли концепт, заложенный в российской Декларации прав человека и гражданина 1991 г., составившей основу гл. 2 действующей Конституции России, выразить при-

роду нашего общества, служить вектором возрождения национальной экономики, культуры, создавать ориентирующие смыслы для наших друзей за рубежом?

Рецепция естественно-правовой доктрины, на которой основана современная российская теория прав человека¹, надо признать, не стала познавательным шагом вперед. Эта доктрина не в состоянии в XXI в. выразить чаяния людей и ответить на вопросы, диктуемые научно-техническим прогрессом. За рубежом давно синтезируются новые концепты.

Деформации доктрины правового статуса личности. Из деформаций огосударствления человека в советский период в пореформенное время мы впали в другую идеологическую крайность, где человек стал как бы самоцелью социального развития, где утверждается приоритет человека во всем: экономике, политике, духовной сфере и где его права, как пишется в наших учебниках, — универсальная ценность, «позволяющая измерять все важнейшие явления и события, происходящие в обществе и мире»².

Главный недостаток методологии суверенизации личности, на мой взгляд, состоит в том, что эта методология ведет к устранению *смыслов* человеческого существования, устраняет все то, что делает человека личностью, что выделяет его не только из стада биологических особей, но и из среды бездуховных, аморальных, преступных людей, забывших долг, совесть, право.

Западная постклассическая правовая традиция наряду с уже исторически завершенной секуляризацией движется в направлении от персонализма к предельному антропоцентризму — абсолютизации человека как биологического существа, его физиологических, половых, возрастных и гендерных состояний, где гипериндивидуалистические интенции человека-индивида выступают условием и критерием формирования правовых отношений, антропологические особенности становятся непосредственным источником правового регулирования (однополые браки, «культ молодости (тинейджеры)», ювенальная юстиция, манипуляции с половой принадлежностью, вовлечение в эти процессы западных религиозных исповеданий). «Естественные» права человека низводятся даже до так называемых соматических прав.

¹ См.: Права человека: учебник для вузов / отв. ред. Е.А. Лукашева. М., 1999. С. 13, 125.

² Там же. С. 137. «Человек есть основание и центр российской правовой системы... В обновленной теории государства и права личность, субъект права выдвигаются на центральное место во всей правовой действительности» (См.: Теория государства и права: учебник для юридических вузов и факультетов / под ред. В.М. Корельского, В.Д. Первалова. М., 1997. С. 484).

В правовом регулировании крайний антропоцентризм вызвал к жизни формирование, по сути, новой трактовки субъекта права. «Субъект права понимается не в традиционном смысле — в качестве формального участника правоотношений, а субъекта — творца права, лица, создающего позитивное право, определяющего во взаимоотношениях с другими лицами «естественные» и «неестественные» права, реализующего идеал справедливого правопорядка»¹. Право становится формой произвола его субъектов, отношения которых переходят в особое состояние коммуникации, где оно выступает способом коммуникации субъектов при посредничестве законодателя. Право превращается в произвол его субъектов, расширяя сферу злоупотребления правом и использования его для преодоления правовой традиции.

Навязываемый таким образом человекоцентристский гуманизм — один из вариантов ухода от живого человека, модификация (версия?) ультралиберального истолкования сущности права и правопорядка. Это традиция западного капитализма, его этической системы.

Смысл человека не может заключаться в нем самом. Подлинное раскрытие человеческого в человеке наступает именно с момента его самоотречения от узких интересов во имя общего блага. Западная традиция права в XX в. все более интегрировала в свои либеральные рамки социальный аспект, особенно в сфере частного предпринимательства и поведения участников рыночной экономики.

Сумели ли мы в пореформенный период, воспринимая актуальные для нас после государственного патернализма черты индивидуалистической модели, остаться на почве российской и зрелой советской правовой традиции? Безусловно, что в течение XIX и XX вв. такая традиция была сформирована. Она впитала в себя черты многих культур и стала от этого еще более самостоятельной. Ответ на этот вопрос, к сожалению, отрицательный.

Россия оказалась вовлеченной в идеологическую систему западного мира в период, когда в философии и методологии западного права происходят фундаментальные процессы, направленные на «очищение» человеческой личности от пережитков метафизического и религиозного сознания, влекущие расщепление классической западной правовой традиции и трансформацию идеологии прав человека.

Мы все более соскальзываем в ту же ситуацию расщепления духовной идентичности собственной правовой системы, не видя порой корней гуманизма отечественного права, которые имеют исторический характер. Правовой гуманизм как национальное достижение

¹ Архипов С.И. Субъект права: теоретическое исследование. СПб., 2004. С. 13.

страны все более утрачивает системное концептуальное выражение в современном правовом регулировании.

Личность в российской правовой культуре. Институт обеспечения и защиты прав человека — закономерный элемент российской правовой культуры — имеет глубокие этноментальные основания. Русское право не знало понятия индивидуального в западном значении индивидуализма, на что давно и подробно обращалось внимание в литературе¹. В современном же правоведении стало практически общепринятым в соответствии с европоцентристской установкой усматривать в невыраженности личностной автономии коренной недостаток нашей политико-правовой культуры².

Как замечает Д. Лал, «современное понятие прав даже в рамках западных космологий появилось довольно поздно, и, хотя оно связано с индивидуализмом, который привел к уникальной траектории развития Запада, в этом понятии нет ничего универсального»³. Ограниченность западного индивидуализма стала проблемой современного развития западного экономического уклада.

Полнота индивидуального достигается лишь в обретении его целостности с общественным, социальным. Российское право не может быть самоценно, самоцельно и индивидуалистично, оно традиционно органично в своих социальных принципах.

Российской правовой культуре присущ иной путь очеловечивания права. Этот путь не обязательно ведет к одностороннему коллективизму, но он никогда не ведет к диктатуре личности.

Специфика российского правового гуманизма состоит в гармонии архитектурных линий человеческого общества и человеческого облика, сочетании вселенского и индивидуального.

Правовое измерение индивидуальности человека. Строительство правового государства в России в пореформенный период шло в условиях глубокой деформации политического и социального решений фундаментального вопроса о новом соотношении общества и личности. В Конституции РФ отсутствует принцип взаимной ответственности личности и государства. Но дело даже не в этом. Не только в Конституции, но и в законодательстве вообще не проведена идея о том, что полноценное обеспечение прав человека возможно только в рамках определенного общества, конкретного культурного пространства, с которым эта личность идентифицируется.

¹ См., например: Алексеев Н.Н. Русский народ и государство. М., 2003.

² См., например: Семитко А.П. Российская правовая культура и особенности ее модернизации: к столетию Октябрьского государственного переворота в России // Вестник гуманитарного университета. 2017. № 4. С. 36–37, 68; Права человека / под ред. Е.А. Лукашевой. С. 6–7.

³ Лал Д. Непреднамеренные последствия. М., 2019. С. 207.

Индивидуальность человека возможна только через социальность. Защита индивидуальности, гражданских, политических прав — важнейший приоритет правовой системы, но эта защита не должна вести к разрушению общественного пространства.

Политика в области прав человека должна получить статус принципиально важного начала в разработке экономического, социального и международного курса России. Мы должны исходить из того, что личность не терпит абстрактно-самоценного подхода, что человек не запрограммирован на человеческое. Он может нести самые античеловеческие и антикультурные интенции, иметь самые убогие интересы и потребности, которые также по-своему человечны и способны стать весьма распространенными.

Либерально-демократическая трактовка прав человека не должна вытеснять конкретно-культурные, социальные, политические, национально-исторические характеристики человека. Важным направлением политики в сфере прав человека должно быть развитие юридического статуса личности в условиях научно-технического прогресса — своеобразный новый билль в этой сфере.

Институт прав человека смог бы получить практическое развитие в следующих направлениях:

- новая структурная политика;
- приоритет социальной защищенности, охрана наиболее уязвимых сфер жизнедеятельности;
- диверсификация традиционных прав человека в трудовых отношениях, образовании, имущественной сфере в русле новой экономической стратегии;
- создание современной концепции свободы слова и информационной правовой политики с учетом охраны чести, достоинства, защиты от манипулирования сознанием;
- модернизация института юридической ответственности с учетом новых геополитических, экологических и техногенных угроз;
- возрождение юридических форм социально-групповой защищенности тех или иных социальных слоев населения. Возможно возвращение к институтам гарантий социальным группам, в том числе к институтам профессии, национальности, региона;
- развитие комплексной доктрины прав человека и права народов на самоопределение;
- проведение новой международной политики по сотрудничеству, создание новых правозащитных международных коллабораций.

Важнейшая задача: поиск культурно-конкретного для России соотношения личности, государства и экономики на основе постепенного выправления крайностей либерализма и госкапитализма. Нашей стране необходимо воспроизводство человеческих отноше-

ний, связанных с отдельными культурными биоценозами, такими как малые города, научные центры, образование, село, сельская жизнь. Именно в них реализуется правовой статус личности и именно они должны стать предметом социально-правовой защиты.

Нуждается в дополнительных гарантиях комплекс прав человека как участника общественного производства с учетом новых условий труда, использования современных человекоберегающих технологий, в том числе право на профессиональную подготовку и переподготовку. Сейчас много говорится об укреплении статуса семьи. Необходимо вернуться к вопросу о статусе ее членов, защищенности женщины, положение которой в настоящее время не дотягивает до социальной целостности. Возможно, необходимо обновление института детства, молодежи, молодежной политики, где много либеральных деформаций, института прав ребенка с учетом факторов, разрушающих личность на ранних этапах ее развития.

В условиях бурного развития технологий необходимы правовая защищенность человеческой природы, сохранение генофонда. Возможно, речь идет о создании новых направлений субъективных прав и обязанностей.

Юридические гарантии. Новый этап правового регулирования вызывает необходимость выработки современных подходов к вопросам обеспечения прав граждан. Юридические гарантии — важнейший механизм правовой системы. Мы пока еще далеки до удовлетворительной правовой и тем более социальной защищенности человека. Ряд сфер элементарно надо подтягивать в организационно-правовом отношении, добиваясь соблюдения уже установленных правил.

Между тем правовая защита в широком смысле не терпит шаблонного подхода. В ряде областей социальных отношений правовая защищенность не должна превращаться в свою противоположность — тормозящий развитие человека фактор, в наращивание юридической и иной правозащитной, в том числе общественной, инфраструктуры. Тенденции такого рода, стимулирующие социальную инфантильность, уравнивательность, иждивенчество, а иногда политическую демагогию, имеют место в правовом регулировании. Потребуются, вероятно, новые взгляды на инфраструктуру обеспечения правовой защищенности человека, в том числе уточнение системы контрольных и надзорных функций в этой сфере.

Нынешняя система правозащиты характеризуется множеством субъектов. Вместе с государственно-централизованным обеспечением прав человека должны получить развитие новые общественные инициативы в этой сфере, ориентированные на целевые профессиональные, региональные и иные социальные группы и основанные на современных информационных технологиях.

Международные аспекты. Россия вовсе не отказывается от международного стандарта прав человека. Однако в большей мере, чем ранее, она могла бы выступать не только объектом международного правового регулирования в этой сфере, но и субъектом развития представлений о современных стандартах прав человека, вносить большой доктринальный вклад в современную идеологию прав человека, выдвигать позитивные идеи, противодействуя антигуманным тенденциям.

Важной проблемой становления отечественной доктрины прав человека является вопрос миграции цивилизационных элементов иных правовых культур, прежде всего англо-американской и современной европейской. В сфере прав человека мы столкнулись с использованием этого института в интересах доминирования на международной арене держав западного мира, их политической, право-идеологической и культурной экспансии.

В начале 1990-х гг. создавалось впечатление, что Конституция закрепляла новую для нашей страны идеологию прав человека на совершенно чистом и пустовавшем поле правовой культуры. Сейчас очевидно, что все намного сложнее, что у нас была и есть современная национальная правовая идеология, в том числе в ее личностном измерении. Эта идеология складывалась исторически, и она вовсе не марксистская, хотя и многое впитала от марксизма.

Широкая практика отношений с зарубежными правовыми порядками XIX–XX вв. не могла не оказать на Россию глубокого влияния, в чем-то даже определить юридическое мышление и структуру фундаментальных институтов права. Однако тип и характер национального правосознания, человеческий уклад, безусловно, сохранились.

На этом этапе развития необходимо еще раз ответить на вопрос о нашей идентичности в сфере прав человека. Этот ответ должен быть, наверное, следующим: российское право прав человека — право европейское. Но Европа — это не только Брюссель и Страсбург, она гораздо более сложно устроена. Культура Европы, в том числе правовая, не сводится к культуре Западной Европы и тем более к Атлантизму. Она уже давно содержит в себе более значительное число культурных потоков, в том числе восточное направление.

Принципиально новым явлением в развитии европейского права XX в. стало формирование евразийского измерения европейской правовой культуры, включившего в орбиту европейского права народы Центральной Азии, Дальнего Востока, Закавказья, Китая и Монголии. Этот ареал даже в условиях экономической глобализации сохраняет признаки самостоятельности в правовой культуре. Поэтому Россия никак не может отгородиться от своей идеологической роли в сфере прав человека. Ее образ мыслей в этой сфере должен

выступать важнейшей частью европейской и евразийской правовой идеологии, формируя современную ценностную альтернативу западной правозащитной политике.

Не следует смешивать задачи развития ценностных представлений в сфере правового статуса личности с вопросом участия России в международных судебных механизмах защиты прав и свобод человека. В литературе высказывается точка зрения, что национальная система такой защиты недостаточна и что «обеспечение прав и свобод гражданина силами и средствами государства — отнюдь не дело только этого государства»¹.

Полагаем, что такой взгляд неверен ни методологически, ни практически. Существующие механизмы универсальных (Комитет по правам человека ООН) и региональных соглашений о правозащите, как показывает международный опыт, не могут быть достаточно эффективными инструментами обеспечения прав человека. Международный контроль за исполнением законодательства в этой области страдает либо институциональной неэффективностью², либо чрезмерной политизацией в качестве средства культурной экспансии определенной группы стран (ЕСПЧ). Так, европейская инициатива создания регионального объединения в сфере прав человека на основе Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. сразу же воодружением «железного занавеса» во многом стала символом разделения и принудительной культурной ассимиляции части Европы. Создавать в Европе правовое новообразование — значит подчиниться навязанной логике разделений и политических противостояний.

Россия как европейская и одновременно евразийская страна вполне самодостаточна в правовом и институциональном отношении: она — участник международных соглашений в области прав человека, которые, как и основополагающие принципы международного права, являются составной частью ее правовой системы (ч. 4 ст. 15 Конституции РФ). Россия формирует собственную законодательную и правоприменительную практику в сфере прав человека, напрямую применяя международные документы, в которых она участвует, в отношении своих граждан в соответствии со своей Конституцией.

Исторические факты свидетельствуют, что Россия способна воспринимать правовой опыт любой юрисдикции и любой организованной правовой общности. Будучи многонациональным, поликон-

¹ Клеандров М.И. Указ. соч. С. 14.

² См.: Исполинов А.С. Сила и слабость универсальных договоров о защите прав человека // Российский юридический журнал. 2022. № 3. С. 27–40.

фессиональным, мультикультурным, трансматериковым государством, она представляет собой самобытную правовую цивилизацию, которая распространяет свое политическое и культурное влияние, не ограничивая и не связывая себя региональными соглашениями в области человеческих отношений. Выход России из Европейской конвенции был актом именно такой природы, а вовсе не стремлением перейти в другую правозащитную юрисдикцию.

Права человека и наука. Сейчас, если оценивать развитие правовой сферы, можно с удовлетворением видеть, что юристы научились находить общий язык с математиками, экологами, IT-специалистами, даже биологами и генетиками, но подлинные сложности, как ни странно, — в социогуманитарной области. Здесь границы правоповедения остаются труднопреодолимыми. Барьеры между правом и эпистемологией, правом и когнитивными науками, правом и культурой в аспектах религии, социальной психологии, гендера, демографии, даже истории, религиозной философии, социологии являют серьезный тормоз развития отечественной теории правового положения личности, в первую очередь — теории прав человека.

Говоря о некритическом восприятии отечественной правовой доктриной западной правовой идеологии прав человека, необходимо избежать другой крайности — игнорирования западного правового культурного опыта в этой сфере. Надо иметь в виду, что современные новации права на Западе — это элементы западной правовой традиции, которая, как отмечалось, переживает этап переоценки своих оснований.

Необходимо внимательно изучать западные эксперименты в области прав человека. Эти новации — попытка западной цивилизации выйти на некую дополнительную траекторию развития, отличаться от остального мира и одновременно навязать ему лидерство в самой чувствительной (человеческой!) — сфере. Вполне очевидно стремление западного общества обрести здесь новую мотивацию, выявить ресурсы активизации человеческого фактора. Это попытка в чем-то повторить эпоху Возрождения, тенденциозно селектируя культуру повседневности античных обществ.

Мы склонны относить все это к кризису Запада как цивилизации. Возможно и даже несомненно, что это кризис. Но за любым кризисом всегда просматривается экзистенция, некое новое состояние, включая элементы обновления дискурса. Все ведущие правовые порядки нуждаются в актуальной мотивации, в мире идет глобальное соревнование не только за технологии, но и за гуманитарные ответы, за нетрадиционную социальность, в том числе в аспекте прав человека. В России мало исследований, имеющих своим предметом углублен-

ный критический анализ современной зарубежной методологии прав человека.

Выводы. Либеральная трактовка гуманизма в ее индивидуалистической абсолютизации выступает препятствием творческому развитию отечественной правовой науки.

Более свободного общества, чем российское, по его внутренней имманентной природе, духовной сущности человека не существует в современном мире. Эта по-настоящему мегаправовая свобода заключается в укорененном социальном поведении, которое смогло сохраниться в условиях всех форм властных ограничений. Эта культура глубоко общественно-индивидуального, человеческого правосознания нуждается в государственно-правовом осмыслении и интеграции в действующий правопорядок. Следует задуматься о глобальном правовом представлении нашего правового мировоззрения, и такой ракурс необходим прежде всего в сфере правового статуса человека.

Исследовательская и законодательная парадигма «права человека», на которую Россия фактически перешла с конца 1980-х гг., нуждается в дополнении более широкой и культурно насыщенной парадигмой «правовое положение личности» в российском обществе в его соотношении с мировым правопорядком. Ведущие правовые нации не сводят человеческую проблематику к правам человека, они смотрят на человека прежде всего в контексте собственной истории и культуры, оставляя дискурс прав человека во многом наднациональным регуляторам.

В настоящее время Россия решает проблему строительства правовой системы, которой не было до сих пор в нашей отечественной истории. Смена политической системы страны в 1980-х — 1990-х гг. дала беспрецедентный шанс для переоценки не только советской государственности и правопорядка, но и всего зарубежного государственно-правового опыта XX в.; для развития не только современной, но и опережающей правовой культуры, способной обеспечить конкурентоспособность России в современном мире.

Перед юристами в содружестве с представителями иных наук стоит задача создания эффективной правовой модели развития отечественной промышленности, включая сферу высоких технологий, социальной сферы, имея в виду задачу ускоренного экономического роста в XXI в. Это невозможно вне концептуализации национально-контекста правового статуса человека.

Западный мир смог двинуться в сторону технологического развития, лишь осознав свои ценности в человеческой сфере. Россия будет верна себе только на основе своего культурного идеала в области прав личности. В пореформенный период мы не испытывали в должной

мере потребности в концептуализации собственного потенциала гуманизма. Настало время осознать свои человеческие ценности, вдохновляться ими и работать на них.

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА В КОНТЕКСТЕ ТЕОРИИ УМНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ¹

М.Л. Давыдова

Права человека связаны с проблемой человеческого достоинства, неотделимого от возможности делать в своих поступках самостоятельный выбор. Но для права ценностно регулирование поведения людей. Поэтому в политической практике многих современных государств приобретают актуальность соответствующие поведенческие идеи (Behavioural Insights), т.е. выводы поведенческих и социальных наук, включая теорию принятия решений, психологию, когнитивные науки, неврологию, теорию организационного и группового поведения, которые применяются правительствами с целью повышения эффективности государственной политики². В первую очередь эти исследования направлены на то, чтобы объяснить, почему люди делают нерациональный выбор, и подобрать средства, помогающие им совершать меньше ошибок.

Разработка данной проблематики началась в 1980-х гг.³ в рамках поведенческой экономики, которая активно исследует проблемы рационального экономического выбора и факторы, ему препятствующие (мотивацию и когнитивные способности индивида, устойчивые поведенческие реакции, влияние социальной группы, ограни-

¹ Исследование выполнено за счет средств гранта Российского научного фонда № 21-18-00484. URL: <https://rscf.ru/project/21-18-00484/>

² OECD (2017) Behavioural insights and public policy. Lessons from around the World. OECD Publishing, Paris. URL: <https://doi.org/10.1787/9789264270480-en>

³ См.: Khaneman D., Tversky A. Prospect Theory: An Analysis of Decision under Risk // *Econometrica*. 1979. Vol. 47. N.2. P. 91-263; Thaler R. Toward a Positive Theory of Consumer Choice // *Journal of Economic Behavior & Organization*, Elsevier. March 1980. Vol. 1. No. 1. P. 39-60.

ченность информации, типичные для человеческого мышления ошибки и т.п.).

Основная посылка поведенческой экономики заключается в различении homo economicus (человека рационального), который подразумевается во всех традиционных экономических моделях, и homo sapiens (человека разумного) — реального индивида, делающего свой выбор под влиянием множества факторов, часто снижающих его рациональность. Известный экономист Ричард Талер называет их рациональными и людьми¹, чтобы подчеркнуть отличие идеального рационально мыслящего человека от человека обычного с его эмоциями, привычками, ожиданиями и способностью делать вполне предсказуемые ошибки. Идеальный человек делает выбор, исходя из возможного оптимального результата. При этом он беспристрастен и никогда не переоценивает свои возможности. Для реального человека расчет оптимального соотношения выгод и затрат часто оказывается слишком сложной задачей. Кроме того, самонадеянность, предубеждения и множество незначительных (с рациональной точки зрения) факторов влияют на принимаемые им решения.

Изучив набор этих факторов и механизм их действия, можно объяснять, предсказывать поведение людей (для этого вместо абстрактных расчетов и предположений о рациональном поведении используются рандомизированные контролируемые испытания и естественно случающиеся эксперименты²), а также оказывать целенаправленное влияние на него, чтобы, например, побудить человека больше тратить либо, наоборот, уберечь его от ошибок и необдуманных решений.

В последнем случае необходимо выстроить архитектуру выбора таким образом, чтобы повысить вероятность принятия наиболее рациональных и выгодных для самого индивида решений. Концепция либертарианского патернализма (Р. Талер, К. Санстейн³) исходит из того, что обязанность обеспечить условия для такого выбора должна лежать на государстве. Роль последнего заключается в том, чтобы, не ограничивая свободу людей, не навязывая им те или иные варианты поведения, подтолкнуть их к правильному (наиболее полезному для них самих) выбору.

¹ См.: Талер Р. Новая поведенческая экономика: почему люди нарушают правила традиционной экономики и как на этом заработать / пер. с англ. А. Прохоровой. М., 2017. С. 18–19.

² Там же. С. 21–22.

³ Талер Р., Санстейн К. Nudge. Архитектура выбора. Как улучшить наши решения о здоровье, благосостоянии и счастье / пер. с англ. Е. Петровой; науч. ред. С. Щербаков. М.: 2017. С. (2008 Richard H. Thaler and Cass R. Sunstein. Originally published by Yale University Press).

На подобное подталкивание направлен комплекс средств умного регулирования как, собственно, юридического характера, так и иных: психологических, информационных и пр. Актуальны, например, современные исследования в области юридического дизайна¹, позволяющие по-новому взглянуть на способы подачи правовой информации, повысить наглядность, доступность юридических документов, задействовав механизмы психологического восприятия людьми правовых велений. Активно используются подталкивания коммуникативные и ситуационные², нацеленные на то, чтобы дать человеку дополнительное время и информацию для принятия решения (рассылка напоминаний, составление рейтинга качественных продуктов и пр.) либо просто подсказать правильный вариант (установление выбора по умолчанию, перестановка продуктов в магазине и т.п.). Данные методы широко применяются в регулятивной практике многих государств в сфере защиты прав потребителей, охраны окружающей среды, энергосбережения, финансов, налогообложения, здравоохранения и многих других³.

Итак, теория подталкивания и взявшая ее на вооружение концепция умного регулирования исходят из представления о «реальном» человеке, который не всегда умен, с трудом концентрирует внимание, избегает чтения больших текстов, подвержен эмоциям и склонен к спонтанным поступкам. Идея патернализма (пусть и либертарианского) строится на необходимости поддерживать, направлять человека, если не подсказывая ему, как лучше, то по крайней мере делая соответствующий вариант поведения более доступным.

Именно здесь возникает основной теоретический конфликт между подталкиванием и теорией прав человека, связанный с признанием человеческой автономии и проблемой свободного выбора.

В основе теории прав человека, как и в основе классической экономической теории, лежит образ «идеального» человека. Идея прав человека невозможна без представления о человеке, который «сам знает, как ему лучше», в состоянии сделать самостоятельный выбор и нести за него ответственность. Признание верховенства прав человека подразумевает и право на заблуждение, ошибку, поведение во

¹ См.: Козлова М.Ю. Юридический дизайн как средство умного регулирования // Юрислингвистика. 2023. № 27. С. 15–20; Янковский Р.М. Legal design: новые вызовы и новые возможности // Закон. 2019. № 5. С. 76–86.

² См.: Dowding K., Oprea A. (2021) Reconsidering Nudges and Manipulation. Unpublished manuscript (Version 1). Available from. URL: https://www.researchgate.net/publication/357227067_Reconsidering_Nudges_and_Manipulation.

³ OECD (2017) Behavioural insights and public policy. Lessons from around the World. OECD Publishing, Paris. URL: <https://doi.org/10.1787/9789264270480-en>

вред себе, право на негативные последствия своего рационального выбора.

Следует подчеркнуть, что далеко не все исследователи согласны с тем, что подталкивание противоречит идее прав человека.

Так, одним из возможных направлений исследования на стыке двух рассматриваемых теорий является «подталкивание к защите прав человека». К примеру, проект Европейского исследовательского центра (создан Европейской комиссией) Human Rights Nudge¹ изучает реакцию государств на решения ЕСПЧ, отслеживая влияние этих решений не только на ситуацию конкретного заявителя, но и на дальнейшую политику государства в отношении подобных дел. При такой постановке вопроса речь идет о подталкивании *государств* к соблюдению и обеспечению прав человека². Например, будет ли государства с большей вероятностью подчиниться судам по правам человека, когда им будет предложено заплатить штраф или изменить свои законы или скорее когда им будет предоставлена свобода действий для защиты прав в соответствии с их собственными местными ценностями³.

Если на национальном уровне основной выбор происходит между обязательными правилами, подталкиванием и бездействием, то на международной арене обычно доступны только два последних варианта. Таким образом, подталкивания в международной сфере менее уязвимы для критики за то, что они недостаточно настойчивы. Кроме того, опасения по поводу ущерба личной автономии менее актуальны, когда подталкивание используется для влияния на поведение стран и организаций, а не отдельных лиц⁴.

Помимо таких «межгосударственных» подталкиваний в литературе можно встретить примеры того, как поведенческие идеи исполь-

¹ ERC Human Rights Nudge / Redesigning the Architecture of Human Rights Remedies. URL: <https://jura.ku.dk/icourts/research/humanrightsnudge/>

² Fikfak V., Izvorova L. Language and Persuasion: Human Dignity at the European Court of Human Rights, *Human Rights Law Review*, Volume 22, Issue 3, September 2022, ngac018. URL: <https://doi.org/10.1093/hrlr/ngac018>; URL: <https://academic.oup.com/hrlr/article/22/3/ngac018/6653157?login=false>; Fikfak V. Against Settlement Before the European Court of Human Rights (May 17, 2021). *iCourts Working Paper Series*, No. 247, Forthcoming *International Journal of Constitutional Law* 2022. , Available at SSRN: <https://ssrn.com/abstract=3847608> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3847608> ; Veronika Fikfak, Changing State Behaviour: Damages before the European Court of Human Rights, *European Journal of International Law*, Volume 29, Issue 4, November 2018. P. 1091–1125; URL: <https://doi.org/10.1093/ejil/chy064>

³ URL: <https://cordis.europa.eu/project/id/803981>

⁴ См.: Teichman D., Zamir E. (2021). Normative Aspects of Nudging in the International Sphere. *AJIL Unbound*, 115, 263–267. doi:10.1017/aju.2021.35 <https://www.cambridge.org/core/journals/american-journal-of-international-law/article/normative-aspects-of-nudging-in-the-international-sphere/7C9AEDE053B65B4C1328FBC25DF8C409>

зуются для защиты прав человека, в том числе для поощрения позитивного поведения (тиражирование образцов для подражания), расширения доступа к услугам и укрепления институтов прав человека¹. Некоторые специалисты утверждают даже, что, сравнивая подталкивание с традиционным регулированием, следует отдавать предпочтение первому как основному инструменту².

Однако подобный комплементарный подход к использованию поведенческих методов в правовом регулировании многие исследователи не поддерживают. Скептическое отношение к подталкиванию связано с проблемой человеческого достоинства, неотделимого от возможности делать самостоятельный выбор. Сама ситуация морального выбора является значимой для людей. То, что решение об участии в программе трансплантации органов принято человеком сознательно, а не в силу действия правила по умолчанию (презумпции согласия), может иметь значительную ценность как для донора, так и для реципиента. Противники подталкивания доказывают необходимость отказаться от него в пользу классического регулирования, которое является прозрачнее, эффективнее, демократичнее и позволяет нам более открыто (уверенно?) действовать в качестве моральных агентов³.

Так, в отчете Специального комитета по науке и технологиям Палаты лордов в 2010 и 2011 гг. содержится вывод о том, что практика подталкивания подрывает концепцию человеческого достоинства по крайней мере двумя способами: во-первых, снимая с правительства ответственность за то, чтобы использовать другие, более эффективные инструменты регулирования, и, во-вторых, сокращая возможности для общественного обсуждения и демократического дискурса в пользу непрозрачной, технократической манипуляции⁴.

К тому же принятие подталкивания может вытеснить политическую мотивацию для создания более строгого регулирования. Доступность подталкивания в качестве средства воздействия не мотивирует лиц, определяющих политику, к поиску оптимального регу-

¹ См.: O'Neil S., Lace A., Foster L. (2020). Behavioral Insights, Public Policy, and Human Rights. In N. Rubin & R. Flores (Eds.), *The Cambridge Handbook of Psychology and Human Rights* (Cambridge Handbooks in Psychology, pp. 414-427). Cambridge: Cambridge University Press. doi:10.1017/9781108348607.029. URL: <https://www.cambridge.org/core/books/abs/cambridge-handbook-of-psychology-and-human-rights/behavioral-insights-public-policy-and-human-rights/87141221C86C1A52B76C0AB068A2D046>

² См.: Sunstein C. *Why Nudge?: The Politics of Libertarian Paternalism* // Yale University Press, 2014.

³ McCrudden, Christopher: *Nudging and human dignity*, VerfBlog, 2015/1/06. URL: <https://verfassungsblog.de/nudging-human-dignity-2/>, DOI: 10.17176/20181005-151150-0.

⁴ House of Lords, Science and Technology Select Committee, 2nd Report of Session 2010-12, Behaviour Change, Report, HL Paper 175, July 2011.

лирования, ограничивающего выбор людей (прямые обязанности, запреты, налоги). В итоге вместо эффективных мер выбирается самый легкий политический вариант¹. Избегая негативной реакции избирателей, политики могут голосовать за мягкие меры даже там, где решить проблему с помощью них невозможно.

Стоит согласиться с тем, что подталкивание и поощрение являются неотъемлемой частью (а не заменой) формальных правил современного общества, где свобода выбора и автономия должны поощряться одновременно в соответствии с общественными целями². К примеру, в решении проблемы утилизации отходов перед государством может встать вопрос о выборе приоритетов своей политики: сосредоточить ли внимание на создании удобной системы утилизации отходов, подталкивающей к соблюдению экологического законодательства, или на введении жестких санкций и других ограничительных мер для нарушителей. Очевидно, сама постановка вопроса о выборе в данном случае не позволит эффективно решить поставленную задачу. Удобная, но не поддерживаемая строгими императивными требованиями система утилизации вряд ли обеспечит изменение устоявшихся массовых моделей поведения. В то же время жесткие санкции в при отсутствии работающей системы утилизации, делающей законопослушное поведение удобным и естественным для людей, приведут лишь к росту коррупции и общественного недовольства. Эффективное решение проблемы возможно, таким образом, именно при совмещении подталкивания с традиционным регулированием.

Далеко не всегда подталкивания связаны с нарушением автономии личности. Если в приведенном выше примере подобный конфликт отсутствует (вряд ли большое количество мусорных урн стоит рассматривать как ограничение свободы человека мусорить), то существуют ситуации, когда он проявляется более явственно. Причем в ряде сфер отказ от автономии личности в пользу социально значимых целей открыто признается. К примеру, считается, что оправдано подталкивать человека к здоровью. При плохом самочувствии

¹ Teichman D., Zamir E. (2021). Normative Aspects of Nudging in the International Sphere. *AJIL Unbound*, 115, 263-267. doi:10.1017/aju.2021.35. URL: <https://www.cambridge.org/core/journals/american-journal-of-international-law/article/normative-aspects-of-nudging-in-the-international-sphere/7C9AEDE053B65B4C1328FBC25DF8C409>; Teichman Doron and Zamir Eyal, *Behavioral Analysis of International Law: On Lawmaking and Nudging* (January 26, 2018). Hebrew University of Jerusalem Legal Research Paper No. 18-8, Available at SSRN. URL: <https://ssrn.com/abstract=3110367> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3110367>

² См.: Krawiec J.M., Piaskowska O.M., Piesiewicz P.F. et al. Tools for public health policy: nudges and boosts as active support of the law in special situations such as the COVID-19 pandemic. *Global Health* 17, 132 (2021). URL: <https://doi.org/10.1186/s12992-021-00782-5>

способность человека к рациональному поведению снижается, поэтому врач должен взять на себя ответственность за поддержку тех решений, которые наиболее полезны для здоровья пациента¹.

Пандемия COVID-19 привела к существенному сдвигу в оценке этого вопроса. Если в 2018–2019 гг. использование подталкивания для поддержания вакцинации рассматривалось как этическая проблема (насколько допустимо нарушать человеческую автономию в вопросах, касающихся принятия решений о здоровье)², то уже в 2020 г. общественный консенсус по поводу этической стороны вопроса как будто бы оказался достигнут (конфликт между индивидуальным и общественным интересами стал решаться скорее в пользу последнего³), и предметом обсуждения стал лишь выбор инструментов подталкивания к вакцинации⁴.

Безусловно, опасность избыточного вмешательства в жизнь индивида со стороны государства при этом усиливается. В связи с этим большое значение приобретает разработка критериев, позволяющих установить пределы допустимости такого вмешательства. Предлагается, в частности, руководствоваться критериями пригодности (помогает ли использование конкретного инструмента достижению цели), необходимости (менее обременительные для граждан инструменты достичь ее не позволяют) и соразмерности (соблюдение баланса между полезностью принимаемых для общего блага мер и возможными рисками ограничения прав и свобод)⁵.

¹ См.: Aggarwal A., Davies J., Sullivan R. «Nudge» in the clinical consultation--an acceptable form of medical paternalism? *BMC Med Ethics*. 2014 Apr 17;15:31. doi: 10.1186/1472-6939-15-31. PMID: 24742113; PMCID: PMC4005908; Nys TR, Engelen B. Judging Nudging: Answering the Manipulation Objection. *Political Studies*. 2017;65(1):199-214. URL: <https://doi.org/10.1177/0032321716629487>

² См.: Korn L., Betsch C., Böhm R., Meier N. W. (2018). Social nudging: The effect of social feedback interventions on vaccine uptake. *Health Psychology*, 37(11), 1045–1054. URL: <https://doi.org/10.1037/hea0000668>; Zorzetto S., Ferraro F. (2019) Legislation and Nudging. Towards a Suitable Definition. In: Oliver-Lalana A. (eds) *Conceptions and Misconceptions of Legislation*. *Legisprudence Library (Studies on the Theory and Practice of Legislation)*. Vol. 5. Springer, Cham. URL: https://doi.org/10.1007/978-3-030-12068-9_5.

³ См.: Giubilini A., Vaccination ethics. *British Medical Bulletin*, Volume 137, Issue 1, March 2021, Pages 4–12/ URL: <https://doi.org/10.1093/bmb/ldaa036>

⁴ См.: Michalek G., Schwarze R. (2020, July 28). The Strategic Use of Nudging and Behavioural Approaches in Public Health Policy during the Coronavirus Crisis. URL: <https://doi.org/10.31234/osf.io/uzb5t>; Wilder-Smith A., Freedman D. Isolation, quarantine, social distancing and community containment: pivotal role for old-style public health measures in the novel coronavirus (2019-nCoV) outbreak. *J Travel Med*. 2020;27(2): taaa020.

⁵ См.: Krawiec J.M., Piaskowska O.M., Piesiewicz P.F. et al. Tools for public health policy: nudges and boosts as active support of the law in special situations such as the COVID-19 pandemic. *Global Health* 17, 132 (2021). URL: <https://doi.org/10.1186/s12992-021-00782-5>

Соблюдение этих критериев возможно только при достаточной открытости самой процедуры выбора регулятивных средств. С одной стороны, эффективность применяемых инструментов должна быть научно обоснована и доказана экспериментальным путем. С другой — важно соблюдение четких этических требований к порядку проведения эксперимента и ко всем этапам апробации регулятивных решений¹.

¹ OECD (2019), Tools and Ethics for Applied Behavioural Insights: The BASIC Toolkit, OECD Publishing, Paris. URL: <https://doi.org/10.1787/9ea76a8f-en>.

О ЦЕННОСТЯХ, ИНТЕРЕСАХ И ПРАВАХ ЧЕЛОВЕКА

С.А. Дробышевский

Провозглашение прав человека в различных документах — большая ценность. Но важно, чтобы права обеспечивались. Добиться реализации прав человека теми, кто призван это делать, можно исходя из идеи, некогда сформулированной Фомой Аквинским. Он написал следующее. «В любом человеке можно обнаружить что-то такое, что позволяет считать его лучшим себя, согласно сказанному [в Писании]: «По смиренномудрию почитайте один другого высшим себя» (Филип. 2:3), и в этом смысле мы должны предупреждать друг друга в почтительности»¹.

Лишь в таком случае осознанное пренебрежение правами человека потеряет под собой почву. Вот почему в ходе образования будущих правоведов эта идея не должна быть забыта.

Система прав человека должна воплощать его ценности и интересы в должной иерархии. Однако по поводу последней сформулированы разные теоретические позиции. Естественно, что такие взгляды следует оценить, чтобы верно понимать систему прав человека.

Что касается установления иерархии человеческих ценностей и вытекающего из нее соподчинения интересов для закрепления всего этого в праве по степени приоритетности для суверенной власти, то обращают на себя внимание следующие слова Т.Р. Ореховой: «В законодательстве и юридической практике преобладает идея о том, что такие блага, как жизнь и здоровье и другие права человека, находятся на вершине иерархии ценностей, защищаемых государством и

¹ Аквинский Фома. Сумма теологии. Т.VIII. Киев: Эльга, Ника-Центр, Элькор-МК, Экслибрис, 2002. Вопрос 103. Раздел 2. С. 603.

правом»¹. Едва ли с этим заявлением, если оно рассматривается как констатация того, что является должным в обществе, следует согласиться. Вряд ли следует принять в качестве верной и вытекающую из только что приведенного суждения иерархию закрепляемых в праве интересов людей.

Разумеется, жизнь человека для человеческого законодательства не может не выступать значимой. Однако живут и многие другие природные существа, над которыми человек, как известно, в немалой степени господствует.

Вместе с тем человек приобрел свое нынешнее положение среди них отнюдь не по причине большего, по сравнению с отмеченными существами, здоровья. Он господствует в силу своей разумности.

Вот почему именно интерес к развитию человеческого разума должен быть приоритетным при закреплении в праве среди других интересов. Ведь и интерес человека к сохранению своей жизни может быть реализован наилучшим образом именно разумными мерами. Так что, сохранение человеческой жизни есть результат проявления разума человека.

Отсюда ясно, что суверенной власти любого государства следует прислушаться не к позиции об иерархии закрепляемых в праве ценностей, предполагающей соответствующее соподчинение вытекающих из них интересов, которая вызвала констатированное Т.Р. Ореховой существующее положение в законодательстве и юридической практике, а к иным суждениям. Их, в частности, изложили Платон и Аристотель.

Так, «законы правильны, отмечал Платон, если «делают счастливыми тех, кто ими пользуется, предоставляя им все блага. Есть два рода благ: одни — человеческие, другие — божественные... Меньшие блага — это те, во главе которых стоит здоровье, затем идет красота, на третьем месте — сила в беге и в остальных телесных движениях, на четвертом — богатство, но не слепое, а зоркое, спутник разумности. Первое же и главенствующее из божественных благ — это разумение. Второе — соответствующее разуму здоровое состояние души. Из их смешения с мужеством возникает третье благо — справедливость. Четвертое благо — мужество. Все эти блага по своей природе стоят впереди тех, и законодателю следует ставить их в таком же порядке. Затем ему надлежит убедить сограждан, что все остальные предписания имеют в виду именно это, т.е. земные блага обращены на божественные, а все божественные блага направлены к руководя-

¹ Выступление Т.Р. Ореховой на научной конференции 20 декабря 2017 г. // Н.В. Кроткова / Право и интерес (Р. Иеринг) (научная конференция) // Государство и право. 2018. № 6. С. 96–97.

щему разуму». Поэтому «установите... законы, которые... направят ваши мысли не на наживу и богатство... а так как существуют три вещи — душа, тело и деньги, то в ваших законах вы должны выше всего ставить совершенство души, на втором месте — совершенство тела, так как оно стоит ниже души, а на третьем, и последнем, — почтение к богатству, так как оно — слуга и души, и тела. Постановление, которое бы это учредило, могло бы считаться... правильно изданным законом, в конце концов делающим истинно счастливыми тех, кто им управляется. Положение же, гласящее, что только богатые счастливы, само по себе неудачно. Это — глупое мнение. Иными словами, законодательство в первую очередь должно сделать народ разумным, во вторую — здоровым и сильным, в третью очередь — богатым. Другая иерархия целей законодательства неверна»¹.

Такова же теоретическая позиция и Аристотеля. Он писал: «Счастливая жизнь гражданина государства «слагается из трех видов благосостояния: внешнего, физического и нравственного. Но она — «полагать ли ее в наслаждении или в добродетели, или, наконец, в том и другом — гораздо более доступна тому, у кого сердце и ум достаточно образованны и кто в то же время умерен в приобретении внешних благ, нежели тому, кто о внешних благах старается более, чем сколько нужно, а в нравственном отношении остается на низком уровне»².

Относительно приоритетности закрепления в праве интересов едва ли верно, что интересы личности следует ставить в праве выше интересов общества, так как в выступающем в качестве идеала при правовом регулировании «правовом государстве приоритет получают интересы личности — их соблюдение, охрана и защита»³. Вряд ли обоснованно исходить из того, что только что приведенная позиция без каких-либо оговорок закреплена в действующей Конституции РФ.

А.А. Кондрашев и В.В. Терешкова заявляют следующее. «Конституция России, определяя права и свободы человека в качестве высшей ценности (ст. 2), возводит частные интересы в ранг исключительно значимых, требуя их безусловной защиты со стороны государства... В Конституции РФ определены принципы или границы существования публичного интереса посредством закрепления приоритета частного интереса (ст. 18, 21, 49–51)»⁴.

¹ Дробышевский С.А. История политических и правовых учений: основные классические идеи. М., 2018. С. 47–48.

² Там же. С. 51.

³ Бидова Б.Б. Правовое обеспечение национальных интересов: общетеоретическое исследование концептуальных основ: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Грозный. 2021. С. 15.

⁴ Кондрашев А.А., Терешкова В.В. Баланс частных и публичных интересов в контексте международных стандартов и конституционного законодательства Российской Федерации // Государство и право. 2018. № 9. С. 53.

Это заявление едва ли верно по двум причинам. Во-первых, в ст. 7 Конституции РФ записано, что Российская Федерация является социальным государством. Оно осуществляет правовое регулирование, исходя из интересов общества и для общества. Не случайно в ст. 17 Конституции РФ отмечено, что «осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц»¹.

Во-вторых, согласно отражающему интересы общества действующему отечественному праву, включая Конституцию РФ, не все частные интересы правомерны. «Среди частных интересов могут возникать не только обоснованные, законные, легитимные интересы, но также интересы корыстные и даже незаконные с точки зрения права»². Естественно, что приоритет незаконных частных интересов в действующей российской Конституции не предполагается. И в ней, и в конкретизирующем ее законодательстве «приоритетная направленность... — это обеспечение общих интересов при максимальном учете законных частных интересов, решительное противодействие своекорыстным интересам, подавление интересов незаконных, противоречащих праву. Свое наиболее общее выражение она находит в утверждении принципа демократической суверенности Российского федеративного государства внутри страны, на международной арене и принципа социальной справедливости в российском обществе»³.

Что касается упомянутого приоритета личных интересов перед общественными в правовом регулировании вообще, то ясно следующее. «Интересы личности, общества и государства не существуют порознь»⁴. Отдельный человек является частью общества. Поэтому правовое регулирование в интересах отдельного человека и правовое регулирование в интересах общества не есть разные вещи.

Имеются личные интересы, которые при реализации причиняют вред их носителям. Скажем, таково желание человека курить. Разумеется, об их приоритете при правовом регулировании не может быть и речи. Остальные же ближайшие и непосредственные интересы отдельных людей при правовом регулировании нужно согласовывать.

¹ Конституция Российской Федерации. Новая редакция с поправками и основными федеральными законами. М., 2022.

² Хабриева Т.Я. Национальные интересы и законодательные приоритеты России // Журнал российского права. 2005. № 12. С. 20.

³ Хабриева Т.Я. Указ. соч. С. 20.

⁴ Бидова Б.Б. Указ. соч. С. 30.

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО СТАТУСА ЛИЧНОСТИ В СТРАНАХ СОВРЕМЕННОГО МИРА

Н.П. Маюров, Д.А. Макаров

Правовой статус человека и гражданина представляет собой совокупность прав, свобод, обязанностей, гарантий, иммунитетов, привилегий и ограничений, которые закрепляются нормами законодательства тех или иных стран. При этом важно отметить, что подходы к пониманию правового статуса личности значительно дифференцированы как в различных государствах в рамках территориальной проекции, так и во времени.

В истории человечества существовали всевозможные (многообразные?) подходы к пониманию правосубъектности человека. В условиях рабовладения человек мог восприниматься в качестве вещи и не иметь субъектности, являясь объектом правового воздействия. В рамках сословной сегрегации правовое положение человека напрямую зависело от его происхождения, рода деятельности, материального состояния, социального положения, принадлежности к государственной службе и многих других обстоятельств.

Не следует считать, что сегодняшний подход к пониманию правосубъектности человека как некоторой универсальной категории, проистекающей из прирожденных прав и свобод, является единственно доминирующим в правовых системах стран современного мира. Рабовладение в европейских государствах было запрещено только в конце XVIII — первой четверти XIX в., но оно продолжало оставаться в колониях до середины XIX в. — начала XX в. В результате само признание правосубъектности человека закрепляется в

законодательствах стран, по сути, в течение последнего столетия. Но, несмотря на Устав ООН, Всеобщую декларацию прав и свобод человека и гражданина 1948 г. и другие универсальные и региональные конвенции рабовладение, как фактически, так во многом и юридически встречается и сегодня. Можно говорить о единичных случаях, которые являются составом преступления. Подобное возможно и в современных индустриально развитых государствах.

При этом, к сожалению, практика свидетельствует о более тяжелой ситуации. По данным ООН, в настоящее время количество лиц, не имеющих правосубъектности, исчисляется десятками миллионов. Речь, как правило, идет о внеэкономической и сексуальной эксплуатации на основании соблюдения религиозных норм, а также обычного права, традиций, ритуалов и т.п.¹

В Непале, Индии и Пакистане в отношении отдельных категорий населения, относимых к кастам неприкасаемых, рабовладение является обычным явлением. При этом нормы Конституции Индии 1949 г., Пакистана 1973 г. и Непала 2015 г. запрещают кастовые различия населения, а также состояния, которые могут фактически означать рабское положение человека. Но на практике нормы религии и традиции кастовой сегрегации имеют большее значение для участников правоотношений, чем формальные предписания законодательства. Важно отметить и религиозные различия и связанную с этим сегрегацию в данных государствах².

В Непале в рабском состоянии находится фактически не менее 250 тыс. человек. Важно отметить, что принуждаются к труду до достижения 15 лет 600 тыс. детей. Подобная практика обычна в данной стране. Основой рабовладения, как правило, являются долговое рабство и продажа родителями своих детей. Отказ от соблюдения норм долговой кабалы часто означает голодную смерть для человека³. В практику указанных отношений вовлечены и представители элиты. Значительную роль в преодолении данной ситуации парадоксальным образом сыграло распространение идеологии Маоизма. Западноевропейские буржуазные государства, в частности США, Япония, выступающие за идеи прирожденности прав и свобод человека и гражданина, не способствуют преодолению пережитков кастового строя. Развитие наркоторговли, проституции, торговли, людьми с целью продажи на органы и т.п. во многом соответствует бизнес-интересам западных элит.

¹ См.: Международный ежегодник. Политика и экономика / гл. ред. О.Н. Быков. М., 1980.

² Трайбализм — старая болезнь Африки. URL: http://www.globaltrouble.ru/global_nyu_etnicheskiy_krizis/

³ Отчет о торговле людьми за 2017 год: распределение по уровням. URL: www.state.gov.

В Индии — государстве, отличающемся стабильным уровнем индустриального развития и высокими темпами роста ВВП, рабовладение является частью обыденной жизни. Для представителей ряда каст кража женщин с целью выдачи замуж, а также покупка состоятельными семьями жен для своих детей являются частью многотысячелетних ритуалов, с которыми не может справиться государственная власть. Запреты существования кастового строя были нормативно закреплены еще во времена британского владычества.

Изначально англичане сократили число религий, считавшихся приемлемыми для индийских территорий. В частности, были признаны индуизм, сикхизм и джайнизм. Прочие верования и секты как изуверские были запрещены и подверглись гонениям. Не имея возможности преодолеть кастовый строй, была предпринята попытка возвращения к его истокам, брахманизму. Число каст должно было быть сокращено до классических четырех — брахманы, кшатрии, вайши и шудры. Отменить специфику правового положения внекастовых категорий населения — так называемых неприкасаемых — не удалось. Равным образом необходимо отметить, что и политика по сокращению числа каст оказалась безуспешной¹.

Колонизаторы преследовали далеко не гуманистические цели. Они стремились повысить уровень эффективности колониального управления. Религиозные нормы часто запрещали местному населению повиноваться колонизаторам, и страх смерти как наказания за непослушание не пугал людей, которые верили и верят в перерождение. Англичанам приходилось лавировать между интересами местного духовенства, князей, представителей различных этнических и религиозных групп и уважать права лиц, принадлежащих к различным кастам. У человека нет никакого правового статуса вне принадлежности к определенной касте. Именно кастовая принадлежность и позволяет ему иметь определенный набор прав и свобод, иммунитета, а также нести обязанности. Касты обладали важным значением в аспекте защиты экономических прав, оказания социальной помощи и др. Ликвидация каст фактически расценивалась местным населением как путь к бесправию.

Сами родовитые колонизаторы, бароны, виконты, графы, имевшие знатное происхождение в Англии, по уровню материального благосостояния воспринимались как представители высших каст. Но тем не менее они в силу того, что не исповедовали брахманизма, не могли иметь правового положения, которое давала бы им принад-

¹ См.: Раммохан К.Т. Современное рабство: Атияяма в Малабаре после отмены рабства. (ред.) Бреман Ян, Герен Изабель и Пракаш Асим // Несвободная рабочая сила Индии: о старом и новом рабстве. Нью-Дели: Издательство Оксфордского университета, 2009.

лежность к той или иной касте. В результате при решении ряда правовых вопросов, в частности исполнение религиозных обрядов, вступление в брак, владение землей, отдельные виды экономической деятельности (земледелие, промыслы и др.), рассматривались как лица, имевшие самое низкое правовое положение, — неприкасаемые.

Важно отметить и то, что значительная часть Индии уже была захвачена еще до прихода колонизаторов. В государстве до сих пор сохраняется влияние потомков Великих Моголов, ставших исламской аристократией, правящей индуистским обществом. Для мусульман, не воспринимавших себя частью той или иной касты, колонизаторы были просто «неверными».

В результате правление Великобритании в целом способствовало консолидации индийского общества, преодолению часто откровенно изуверских культов, связанных с человеческими жертвоприношениями, но не решивших проблему существования кастового строя. После обретения Индией независимости ситуация практически не изменилась. Формальные запреты каст редко соблюдаются. По самым скромным подсчетам, в Индии находится не менее 14 млн рабов, а общее число лиц, относящихся к кастам неприкасаемых, т.е. находящихся за рамками классических каст брахманизма, оценивается в 200 млн. В отношении последних довольно часто наблюдаются внеэкономическое принуждение, внесудебные расправы, убийства по мотиву социальной неприязни, несоблюдение трудового законодательства и др.¹

Подобное положение парадоксальным образом является выгодным для политических элит Индии. Касты сплачивают людей и облегчают государственное управление, которое может опираться на нормы религии. Расширяются возможности по внеэкономической эксплуатации и снижению издержек производства. От политической власти устраняются широкие массы населения.

В Пакистане проживает не менее 6 млн рабов. Рабство носит главным образом экономическое основание, оно является кабальным. Семьи могут передаваться по наследству новым рабовладельцам. Не менее 4 млн детей от 5 до 15 лет принуждаются к труду и не могут посещать образовательные учреждения. В стране также проживают представители каст неприкасаемых, исповедующих индуизм. Но Пакистан — исламская страна, и существование рабства в ней не имеет религиозных корней, а зиждется главным образом на слабости центральной власти, которая не может преодолеть пережитки древних обычаев. Исламабад фактически не контролирует до

¹ См.: Human Development Indices and Indicators (англ.). Программа развития ООН: доклад о человеческом развитии на сайте Программы развития ООН. 2018.

четверти территории страны. Рабовладение сохраняется в экономически отсталых регионах, что не соответствует интересам центральной власти.

На Гаити — не менее 600 тыс. рабов. Данное государство пережило тяжелый период деколонизации в XIX в. Фактически и во многом юридически устойчивая система государственной власти в стране создана не была. Основа рабовладения здесь экономическая. Но это не долговое рабство. В государстве применяется система Реставек. Речь идет об уродливом воплощении в современности власти древнего института патерфамилиас¹. Дети насильно удерживаются родителями для оказания помощи семье. Часто освобождение от рабского состояния возможно только после смерти главы семейного клана. Страна за два века своего существования пережила более 20 государственных переворотов. В 2004 году под эгидой ООН была осуществлена гуманитарная интервенция. К власти было приведено прозападное правительство, но оно смогло удержаться только в течение девяти месяцев. Довольно слабая центральная власть управляется конгломератом криминальных кланов. Даже оказание гуманитарной помощи поставками продуктов питания, медикаментов невозможно, поскольку вызывает массовые убийства, мародерство и т.п.

Причиной существования института рабовладения на Гаити являются беззаконие и фактическая анархия. Способов решения данной проблемы современное международное сообщество в настоящий момент не нашло. Даже неоднократные военные интервенции войск США, миротворческого контингента ООН не смогли стабилизировать ситуацию².

В Мавритании количество рабов составляет не менее 400 тыс. человек, т.е. число рабов оценивается в 5–20% общей численности населения. Это страна последней в мире официально отменила рабство, что произошло только в 1980 г. Существование рабовладения определяется общей социально-экономической отсталостью страны³. Но в данном случае речь идет, скорее всего, не столько о рабовладении, сколько о сохранении пережитков феодального средневекового исламского государства. Лица, не обладающие правосубъектностью, являются, как правило, крестьянами и ремесленниками. Они платят феодальную ренту знатным лицам за право

¹ Алсан М.М., Вестерхаус М., Херс М., Накашима К., Фармер П.Э. (2011). Бедность, глобальное здравоохранение и инфекционные заболевания: уроки Гаити и Руанды // Клиники инфекционных заболеваний Северной Америки. 25 (3): 611-622, ix. doi:10.1016/j.idc.2011.05.004. PMC 3168775.

² См.: Паджетт Т. О гаитянском рабстве: гаитянская практика детского рабства, привнесенная в Соединенные Штаты // Время. Т. 157. № 9. 5 марта 2001. С. 50–51.

³ См.: Ковальска-Левicka А. Мавритания. М., 1981. С. 83.

заниматься профессиональной деятельностью. В целом страна отличается низким уровнем преступности, и с каждым годом растет уровень ее социально-экономического развития. Феодальные институты находятся в отделенных регионах страны. Короли не заинтересованы в их сохранении, но они не могут выступать против норм обычного права, которые соблюдаются значительной частью населения, чтобы не потерять своей легитимности. Исчезновение института рабовладения в Марокко является естественным и неуклонным процессом.

Также необходимо отметить следующее. Рабовладение сохраняется, как правило, в странах с традиционными правовыми системами и является спутником разгула преступности. Но его существование возможно и в условиях современных развитых буржуазных государств. В частности, в США, государствах ЕС, Канаде, Австралии и др. в последнее время был принят ряд законов, прямо отрицающих естественные и неотчуждаемые права и свободы человека и гражданина. Происходит резкое расширение вмешательства государства в личную жизнь человека, отрицаются семейные ценности, свобода вероисповедания и др.

Здесь не идет речь о внеэкономической эксплуатации человека и долговом рабстве. Государство насильно, под угрозой применения мер административного и уголовного наказания, навязывает определенную модель видения мира и семейных отношений. Правосубъектность человека, который будет настаивать на позиции традиционного видения мира, отрицается. Запрещается упоминание в официальных документах слов «отец» и «мать», исповедание традиционных религий и отстаивание традиционных ценностей, поощряется смена пола несовершеннолетними детьми, и др. Государство внедряет пропаганду ЛГБТ среди несовершеннолетних в общеобразовательных и даже дошкольных учреждениях. Отказ от принятия данной идеологии грозит применением мер принуждения. Родители, пытающиеся защитить моральные ценности своих детей, караются в ФРГ годом лишения свободы.

Для того чтобы сделать человека рабом, т.е. лишить его правосубъектности, не обязательно его принуждать к труду или лишать политических и социально-экономических прав. Можно отнять у него права, связанные с семьей, культурой, вероисповеданием, свободой слова и т.п. Речь идет именно о потере правосубъектности, потому что мнение человека, сама его воля в решении данных вопросов полностью отрицается. Любое поведение, не соответствующее навязываемым установкам, т.е. право иметь свое мнение — быть субъектом права, а не объектом правового воздействия, является составом правонарушения. Нельзя не упомянуть и резервации, до

сих пор существующие в США. Для сравнения: даже в условиях господства коммунистической идеологии в нашей стране семейные ценности никогда не подвергались сомнению и находились под охраной государства. Несмотря на гонения в СССР на церковь, само право свободы вероисповедания не ставилось под сомнение.

ГИПОТЕЗА КАТАКЛИЗМОВ И КРУГОВОРОТА ЖИЗНИ НА ЗЕМЛЕ В КОНТЕКСТЕ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

С.И. Захарцев, В.П. Сальников

В 2015 году вышла монография «Философия. Философия права. Юридическая наука»¹. Книга имела успех. Несмотря на современную нелюбовь ко всему русскому, была переведена на несколько иностранных языков, включая английский, немецкий, китайский. Была издана в том числе в Кембридже². Прежде всего этот успех связывали с обоснованием теории права, которая была названа компрехендной. И действительно, эту теорию заметили многие философы и юристы.

Вместе с тем, как выяснилось позднее, зарубежные специалисты особое внимание уделили гипотезе круговорота жизни на Земле. Тогда (в 2015 г.) не было столь острых международных конфликтов. Права человека большинство государств старались соблюдать или по крайней мере уважать. Однако уже тогда что-то вертелось в умах и сердцах людей. Что-то толкало внимательно изучать предположения и теоретические размышления о сроке жизни человечества на планете. Но (главное) в большинстве откликов не было желания согласиться или поспорить, а чувствовалась какая-то глубокая печаль, пустота.

¹ См.: Захарцев С.И., Сальников В.П. Философия. Философия права. Юридическая наука. М., 2015. DOI 10.17513/np.454.

² См.: Zakhartsev S.I., Salnikov V.P. The Philosophy of Law and Legal Science. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2018. DOI: 10.17513/np.452.

В данной работе мы повторим эти размышления, дополнив их в контексте прав человека.

В 2000 году закончился XX в. Подводя краткий итог этому временному отрезку, можно уверенно сказать: как сложится для мира XXI в., неизвестно. То есть глобальные проблемы бытия и выживания, накопленные человечеством за предыдущие годы и века, продолжают оставаться крайне актуальными.

Так, сохраняется угроза ядерной войны и ядерного оружия. Имевшее место в XX в. противостояние между СССР и США привело в XXI в. к увеличению числа стран, имеющих ядерное оружие, и его уменьшение не ожидается. Одновременно к XXI в. утихли все разговоры о сокращении ракетно-ядерных сил, а на рубеже третьего десятилетия XXI в. многие страны откровенно стали декларировать то, что проводят испытания новых систем вооружения — более мощных и эффективных. При этом к поводам для возможного ядерного конфликта может добавиться уже многими забытый — война за веру.

Применяемые новые технологии вовсе не сняли, а, напротив, усилили возможность техногенной катастрофы, в том числе с ядерными и военными объектами. В начале века затонула атомная подводная лодка «Курск» с ядерным оружием на борту и атомным реактором. Вскоре затонула еще одна российская атомная подводная лодка. Всего на дне Мирового океана покоятся уже шесть подводных лодок с атомными реакторами (четыре советско-российских и две американских). Произошла разрушительная и губительная атомная катастрофа в Японии (Фукусима). Она наглядно показала, что весь мир, включая высокотехнологичную Японию, вовсе не застрахован и никак не защищен от техногенных аварий. Задумаемся, сколько атомных объектов находится на территории США, России, Китая, других стран? Сколько всего военных производств не только с ядерным, но и с химическим, бактериологическим, прочим оружием массового поражения в мире? И в любой момент техногенная катастрофа может случиться.

Как известно, аварии, подобные аварии на Фукусиме, не проходят бесследно. Они значительно ухудшают и без того отвратительную экологическую обстановку на планете. Экологическая безопасность является очередной глобальной нерешенной проблемой человечества. То есть все мировые проблемы человечества взаимосвязаны между собой. Плохая экология, как уже давно доказано специалистами, губительно влияет на здоровье, приводит к новым заболеваниям. В 2020 году эпидемия коронавируса убедительно доказала, насколько все хрупко.

Помимо этого известными фактами являются сокращение озонового слоя Земли, проблема с питьевой водой, чистым воздухом,

натуральной пищей. Есть обоснованные мнения, что основной причиной новой мировой войны станет борьба за питьевую воду.

С экологической проблемой связан вопрос исчерпания энерго-ресурсов.

Ученые спорят и относительно оптимальной численности населения на планете Земля: ее перенаселения и продолжающегося прироста ее жителей. Например, утверждается, что максимальная численность людей не должна превышать 1 млрд. Сейчас население Земли составляет уже более 7 млрд человек. По прогнозам, к 2025 г. людей (если удастся избежать убийственных катаклизмов!) будет уже более 8 млрд. Перенаселение опять же ставит вопросы: чем людям дышать, что есть и пить, чем согреваться?

Новыми глобальными угрозами жизни на Земле в XXI в. стали терроризм и наркотизм. Век начался с террористических актов в США (были взорваны небоскребы). Одновременно в России произошли террористические акты на Кавказе. Угрозы терроризма не избежали и другие страны, равно как и угрозы наркотиков, заполонивших всю земную цивилизацию.

Но указанные глобальные проблемы — это лишь внешняя сторона нависших над человечеством угроз. Есть и внутренняя, содержание которой не менее опасно. Это угроза продолжающихся биомедицинских экспериментов и опытов (клонирование, пересадка органов, в том числе мозга, и т.д.), а также наблюдающееся информационное насилие над человеком. По-прежнему проводятся опыты по манипуляции сознанием.

К отдельным угрозам относится все чаще встречающееся нарушение прав человека, связанное с тотальным контролем за его перемещением и общением.

Кроме того, между человеком как индивидом и человечеством как совокупностью людей на планете Земля находятся общности людей, как правило, объединенные в государства. Сами государства на современном этапе переживают кризисные процессы. Речь в данном случае идет не о войнах между ними, а о принципиальном подходе к самому государству, его правах и возможностях. Например, проблема социального государства. Сейчас многие развитые европейские страны страдают от притока мигрантов из так называемых неразвитых стран, жители которых получают довольно приличные пособия по безработице, им оказывается помощь и т.д. Все это за счет работающего, в основном коренного, населения страны, фактически содержащего этих переселенцев. При этом многие мигранты не только не желают работать, но и не хотят принимать порядок поведения в стране, интегрироваться в ее культурную среду. Уже открыто поднят вопрос об установлении пределов толерантности, равно-

правия и всеобщих социальных гарантий. Хорошим примером сказанному является успех книги немецкого политика Т. Саррацина «Германия: самоликвидация»,¹ имеющей выраженный националистический характер. Только в Германии было раскуплено более 1 200 000 ее экземпляров, что просто грандиозно для современного в общем-то не очень читающего населения. С фрагментами и обсуждениями этой книги ознакомились и столько же пользователей Интернета. Кризис социальных государств уже начался. А вот куда он приведет, что станет с разрушающимися странами и их гражданами, не будет ли нового витка нацизма — это вопрос и одновременно реальная угроза существованию людей.

Вот такие глобальные проблемы (угрозы) стоят перед человечеством в XXI в. Под глобальностью в данном случае мы понимаем то, что они:

- смертельно опасны для всего человечества;
- не могут быть решены силами одного государства (одной нации).

Возможны как минимум две классификации таких проблем. Первая позволяет разделять их по мере осведомленности о них человечества:

- а) уже известные ему;
- б) пока неизвестные проблемы, которые, в свою очередь, тоже можно разделить на предположительные исходя из современных реалий, и совсем неизвестные (например, угроза наркотизма стала рассматриваться как глобальная проблема человечества относительно недавно, хотя наркотические препараты были известны довольно давно).

Другая классификация глобальных проблем проведена по другому основанию. Предлагается делить проблемы на два уровня:

- 1) зависящие от человека и человечества;
- 2) не зависящие от человека и человечества.

К первому уровню относятся уже перечисленные проблемы. Ко второму:

- силы космоса;
- силы природы.

Несомненно, что человечество и Земля как планета — часть космической системы. Отрицать это, думается, бессмысленно, как и то, что об указанной системе мы очень мало знаем. И весьма наивно думать, что от этой космической системы мы не зависим. Зависи-

¹ См.: Саррацин Т. Германия: самоликвидация / пер. с нем. М., 2013; Sarracin T. Deutschland schafft sich ab: Wie Wir unser Land aufs Spiel setzen. Deutsche Verlags. Anstalt, 2010.

мость от космоса подразумевает и невозможность защиты от него. Например, человечество ничего не может противопоставить столкновению с крупным метеоритом, способным погубить Землю, предотвратить разрушение атмосферы, затухание Солнца и т.д. Метеорит, упавший в 2013 г. на Челябинск, при падении выделил энергию, равную примерно 20 взрывам атомной бомбы в Хиросиме. Надо признать, что наша планета и жизнь на ней по определению всегда уязвима от космических сил.

Силы природы также абсолютно не изучены человечеством. Мы, совершив, казалось бы, крупнейшие открытия в физике, химии, биологии, иных науках, до сих пор не умеем предсказывать наводнения, землетрясения, другие природные катаклизмы. Опыт XXI в. опять же показал, насколько человечество беззащитно перед природой. Достаточно вспомнить, что в конце 2004 г. в Таиланде цунами мгновенно уничтожило более 200 тыс. человек. В 2023 году землетрясения в Турции и Сирии унесли жизни более 50 тыс. человек, а десятки тысяч пострадали.

Вместе с тем космические силы и силы природы Землю пока не разрушают. Это, во-первых, внушает оптимизм, а во-вторых, подразумевает особую роль нашей планеты в космическом пространстве.

Однако Землю и цивилизацию может разрушить сам человек.

И здесь возникает вопрос: что предпринимает наука по разрешению указанных проблем? Полагаем, что если что-то и предпринимается, то этого явно недостаточно. С таким выводом, думаем, согласятся все.

Нам представляется, что для науки сейчас нет более актуальной проблемы, чем проблемы выживаемости человечества в будущем или, как можно сказать иначе, проблемы будущего бытия.

Комментируя сложившуюся ситуацию, надо сказать следующее.

Во-первых, следует признать ошибочным разрешение глобальных проблем человечества профильными специалистами отдельных наук (физиками, химиками, врачами и т.д.) без объединения своих усилий. Например, ядерное оружие — это проблема не только физиков, но и других ученых (историков, политологов, экономистов, экологов, врачей, юристов и пр.). Комплексно проблема, как правило, не решается. Отсутствие комплексного подхода влияет и на качество таких научных работ. В частности, плохо и однобоко прогнозируются последствия реализации какого-либо из рисков для человечества. Надо четко понимать не только опасность проблемы, но и ее последствия, исходя из чего предлагать конкретный план действий.

В подтверждение наших слов приведем пример. В апреле 1986 г. произошла авария на Чернобыльской АЭС. Конкретного плана действий по ликвидации последствий ученые не имели. Работы велись

спонтанно. В марте 2011 г. в японской Фукусиме случилась авария на АЭС. Однако, как и 25 лет назад (!), действия по ликвидации аварии также носили спонтанный, не всегда продуманный характер.

Во-вторых, снятие указанных проблем через возможности права, правового регулирования, правовых запретов, что, увы, нередко встречается, не приводит к положительным результатам. Надо помнить, что право вовсе не всемогуще. Нормы права систематически игнорируются государствами, когда это им выгодно. Ярким примером являются США и действия этой страны в Югославии, Иране и т.д. Мы живем в многополярном мире, где каждая из сильных стран, обладающая ядерным оружием, фактически может делать все что угодно со странами так называемого третьего мира. Другие сильные страны такую политику либо поддерживают, либо осуждают, но сделать что-то конкретное не могут (опять же для недопущения возможной ядерной войны и, как следствие, катастрофы). Право теоретически способно стать эффективным регулятором мира на Земле только в случае однополярного мира. Тогда господствующая страна установит жесткие нормы, которые будут обязательны для всех. Однако однополярный мир возможен только при поглощении одним государством всех остальных. Сейчас это не получится даже потому, что немало стран имеет ядерное оружие. Так, США практически поглотили СССР, но появилась сильная Россия, по-прежнему имеющая современное вооружение, людские и территориальные ресурсы, экономический потенциал. При этом в противоборстве с СССР США упустили из виду взлет Китая, Индии, мусульманских стран. И надо признать, что, хотя сильные страны сообща и принимают направленные на сохранение мира нормы международного права, сами же их при необходимости и нарушают. По нашему убеждению, нормы права могут эффективно работать только в том случае, когда контроль за их исполнением находится в одних руках. Поэтому нормы международного права в части предотвращения глобальных проблем скорее носят декларативный характер. Например, Россия в современной ситуации сама должна формулировать международные правила, которые будут отражать интересы российского общества и государства. Пора уже отходить от международных правил, придуманных кем-то в интересах США и под их контролем. Они создавались для того, чтобы защищать американские, а не российские интересы. Надо ломать в нашем сознании стремление подчинения международным, а по существу американским правилам.

Здесь важно заметить, что весьма часто люди пытаются решить трудный вопрос, обращаясь в незнакомые им сферы жизнедеятельности. Многие физики, химики, врачи, экономисты и другие ученые, являясь в своей массе законопослушными людьми, искренне думают,

что путем права можно устранить все проблемы. Однако право не всесильно и не безгранично в своих возможностях¹.

Только когда народ поймет, осознает ужас последствий, то, возможно, он заставит правящий класс делать конкретные шаги по разрешению проблем.

Кроме того, в средних и высших учебных заведениях необходимо знакомить учащихся с проблемами, ведь именно при формировании личности у человека закладывается отношение к миру и своему месту в нем. К сожалению, в школах о стоящих перед человечеством глобальных проблемах практически ничего не говорится, а если и говорится, то, как правило, мимоходом, наспех. В Англии, например, пропагандируется борьба за национальные интересы этого Королевства.

Помимо того, важно и привлечение общественного мнения к глобальным проблемам человечества. Но этого тоже не происходит. Если в каком-либо из государств вопросы экологии, войны, аварий поднимаются, то другие страны их игнорируют. Лишь несколько ученых конкретной узкой специальности пытаются что-то разрешить.

При этом многие физики, биологи и другие специалисты считают, что Земля и человечество прошли так называемую точку невозврата и движутся к гибели. Явное перенаселение планеты, а также развитие и эскалация ядерного и другого оружия массового поражения, загрязнение окружающей среды, продолжающееся разрушение озонового слоя, эпидемии и другие проблемы позволяют считать такой вывод обоснованным. И здесь важно понимать, что для разрушения планеты и ликвидации жизни на Земле, по сути, достаточно реализации любой из названных проблем.

Такое развитие событий вполне возможно. Однако не сильно верится в то, что руководство государств внезапно осознает опасность ситуации и разом предпримут все необходимые шаги для минимизации рисков катастрофы.

Впрочем, указанный вывод дает возможность взглянуть на ситуацию и с другой стороны. Ведь накопленный людьми опыт и известные исторические факты позволяют надеяться на то, что челове-

¹ Подробнее об этом см.: Захарцев С.И. Право: новые идеи и прочтения: монография. М., 2021. DOI 10.17513/np.453; Захарцев С.И., Сальников В.П. Философия и юридическая наука: монография. М., 2019. DOI: 10.17513/np.491; Захарцев С.И., Масленников Д.В., Сальников В.П. DOI: 10.17513/np.452. Логос права: Парменид — Гегель — Достоевский. К вопросу о спекулятивно-логических основаниях метафизики права: монография. М., 2019. DOI 10.17513/np.467; Zakhartsev S.I., Maslennikov D.V., Salnikov V.P. The Logos of Law: Parmenides — Hegel — Dostoevsky. The Speculative and Logical Foundations of the Metaphysics of Law. London, 2021. DOI 10.17513/np.490.

ство выживет, как выживало всегда — при любых катастрофах и катаклизмах.

Примеров этому множество. В случае появления неизлечимых болезней резко увеличивалась смертность, сокращалось население (до приемлемого уровня), а далее изобреталась необходимая вакцина. При использовании смертоносного оружия и войн опять же сокращалось население, затем войны прекращались и изобреталось антиоружие, позволяющее сдерживать противника.

При перенаселении городов в Средние века наступал голод, уносивший жизни миллионов людей до приемлемого уровня, и жизнь продолжалась.

Указанные вещи звучат, несомненно, очень цинично. Но о них тоже не следует забывать. Ведь перенаселение, дефицит продовольствия и сырья, а также нехватку энергоресурсов можно рассматривать в качестве отдельных, самостоятельных глобальных проблем, а можно и вместе как проблемы, вытекающие одна из другой. Нехватка продовольствия и энергоресурсов рано или поздно неизбежно приведет к голоду и массовому вымиранию людей, которое будет продолжаться до тех пор, пока вновь не придет спасение.

Разрушение озонового слоя и экологическая проблема способны вновь привести к появлению неизлечимых болезней и массовой смертности. И продолжится тот же сценарий: восстановится озоновый слой и будет изобретена нужная вакцина от болезней.

Судя по всему, человечество невозможно уничтожить одномоментно. Даже если начнется атомная война, то погибнет население скорее всего, тех стран, которые имеют смертоносное оружие, но будут развиваться Австралия, Новая Зеландия, Земля Франца-Иосифа, малые острова и вновь пойдет развитие человечества.

Изложенное дает возможность выдвинуть гипотезу катаклизмов и круговорота человеческой жизни на Земле. То есть человечество своими действиями достигает определенного рубежа, после которого оно не в состоянии в полном составе находиться на планете. Происходят катастрофы или катаклизмы, затрагивающие (умертвляющие) большую часть населения планеты, после чего оставшиеся в живых начинают новую жизнь, вполне вероятно, практически с нуля, так как во время катастроф, несомненно, теряется значительный багаж накопленных человечеством знаний, достижений, пропадает жизненный опыт. Но решаются проблемы с перенаселением, восстанавливаются экология, энергоресурсы и т.д. Далее человечество развивается, достигает перенаселения, нарушает экологию, изобретает смертоносные виды вооружений, воюет, в процессе своей деятельности достигает нового рубежа, происходит катаклизм и затем —

новый виток жизни, очищенный от многих изобретенных технологий, опыта, знаний.

В подтверждение правомочности выдвижения этой гипотезы можно сказать, что, несмотря на накопленный массив знаний, ученые так и не смогли ответить на вопрос; как возникло человечество на Земле. Утверждается, например, что нашей планете много миллионов лет. Если исходить из того, что Земля сформировалась за миллионы (если не десятки миллионов) лет в результате случайных воздействий сил природы и космоса, то вполне резонно предположить, что население было и, возможно, было неоднократно.

Ученые по-прежнему находят непонятные нам предметы и не могут назвать их возраст. Одни специалисты предполагают их внеземное происхождение, другие считают, что это земные предметы из существовавших на Земле, но уже уничтоженных цивилизаций.

И здесь важно задать вопрос: кто уничтожал эти цивилизации? Нам приходится только один ответ: человек уничтожал себя сам.

Надо объективно признать, что люди постоянно занимаются уничтожением друг друга. Только в России в каждом из последних столетий происходило как минимум две страшнейших войны!

Опыт убедительно показывает, что человечество, сформировавшееся в государства, не может долго созидать. Оно стремится к разрушению и самоликвидации. В зарубежных источниках мелькает цифра, что в XX в. во время вооруженных конфликтов суммарно погибло более 200 млн человек!

Суждение о том, что человечество когда-то станет добрее, мудрее, умнее, себя не оправдывает. Исторический опыт убедительно показывает, что человеку, помимо добродетелей свойственны зависть, алчность, агрессия. Вновь вспоминаются слова великого русского мыслителя Л. Толстого: войн не будет тогда, когда в человека вместо крови зальют воду.

Увы, самоуничтожение есть свойство человечества. Почему не предположить, что таких самоликвидаций было несколько?

Рассуждения о том, что какой-либо из глобальных рисков человеческого существования реализуется, иногда встречаются в философской литературе. В.С. Степин писал, что, по-видимому, в третьем тысячелетии по христианскому летосчислению человечество должно осуществить радикальный поворот к каким-то новым формам цивилизованного прогресса. Некоторые философы и футурологи сравнивают современные процессы с изменениями, которые произошли при переходе от каменного к железному веку. Эта точка зрения имеет глубокие основания, если учесть, что решения глобальных проблем предполагают коренную трансформацию ранее принятых стратегий жизнедеятельности людей. Необходимы пересмотр

отношения к природе, идеалов господства, ориентированных на силовое преобразование природного и социального мира, выработка новых идеалов человеческой деятельности, нового понимания перспектив человека¹.

Такая точка зрения более оптимистична, хотя тоже указывает на неизбежность катаклизмов. Надо сказать, что творчеству философа В.С. Степина и его вкладу в правовую науку Т.Я. Хабриева и Н.Н. Черногор посвятили интересную монографию².

В 2022 г. вышли две статьи о том, каким видится право в XXII в.³ Может быть, из-за сложной современной обстановки в мире эти статьи стали востребованы широкой юридической общественностью. На них пришло много откликов как из России, так и из-за рубежа. Но по-прежнему открыт вопрос: что нас ждет дальше? Повторим также и то, что нередко предлагаемый способ снятия нависших перед человечеством проблем с помощью возможностей права и теорий прав человека по меньшей мере не работает. Надо четко понимать, что право — это всего лишь одно из социальных явлений, сложное, противоречивое и вовсе не всемогущее.

¹ См.: Степин В.С. История и философия науки. М., 2011. С. 104.

² См.: Хабриева Т.Я., Черногор Н.Н. Будущее права. Наследие академика В.С. Степина и юридическая наука. М., 2020; Захарцев С.И., Сальников В.П., Комаров С.А. Достойная книга про выдающегося русского философа: рецензия-размышление на монографию Хабриевой Т.Я., Черногора Н.Н. «Будущее права. Наследие академика В.С. Степина и юридическая наука». М., 2020 // Теория государства и права. 2021. № 2 (22). С. 204–212.

³ См.: Захарцев С.И., Сальников В.П. XXII век: право будущего (идеи и размышления) // Теория государства и права. 2022. № 1 (26). С. 80–92; Их же. XXII век и право. Размышления о будущем // Мониторинг правоприменения. 2022. № 4 (45). С. 59–65.

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА В МЕХАНИЗМЕ ПРАВА В СОЧЕТАНИИ ЕГО ОБЪЕКТИВНЫХ И СУБЪЕКТИВНЫХ НАЧАЛ

С.А. Грачева

Права человека — «субъективный» элемент объективного права?

Тема прав человека неизменно вызывает вопрос, являются ли они неким субъективным элементом объективного права, имея в виду последнее как любое позитивное, объективированное в правовые нормы, наличествующее право.

Само понятийное обозначение категории «субъективные права» создает дихотомию их смысла, лежащую в плоскости философской оценки соотношения объективного и субъективного: как, соответственно, относимые и не относимые (отличные) к реальности. Тогда, в конечном счете, может предполагаться положение, согласно которому объективны те права, которые получили выражение в формах писаного права.

Однако если не принимать за основу установления прав человека характер их закрепления, т.е. не вдаваться в полемику об источниках права, проблематика субъективных прав может обнаружить вектор на *дуализм объективного и субъективного* в праве. В целом такая направленность в осмыслении права не позволяет оценивать объективные (позитивно выраженные) характеристики прав человека и субъективные права, наделенные собственной нормативностью, как обязательно связанные и совпадающие с позиции общего и частного элементы.

Конечно, с одной стороны, можно признать, что по отношению к позитивно выраженному праву права человека — субъективный элемент, т.е. что такое объективное право является к нему «безразличным» до тех пор, пока субъективное право не получило включения в него. В данном отношении, несомненно, «объективное — это то, что противостоит конкретному субъекту, что имело место до него, бытие чего сложилось под воздействием внешних факторов, а субъективное — то, что исходит от данного субъекта»¹. В этой логике также продуктивно внимание к выделению в теории права таких по-своему конкурирующих направлений, как «объективный идеализм» и «субъективный идеализм». Последнее связывает существование государства и права с сознанием человека, т.е. с его притязаниями, реализуемыми в процессе его волеизъявления².

С другой стороны, такой дуализм позволяет смотреть на право комплексно, не только с позиции его источников, форм выражения, но и при обособлении внимания от источников (в которых получают фиксацию права человека) и при акценте также на субъектности права, которое в этом значении становится не абстрактно, а вполне конкретно. Можно согласиться, что субъектное измерение права является составляющей определения его сущности: «как реально, так и теоретически (логически) каждая исторически данная система права включала и включает в себя (явно или латентно) определенную юридическую концепцию человека как субъекта права и соответствующие представления о его правах и обязанностях, его свободе и несвободе»³. В этом ракурсе «права человека — необходимый ... аспект выражения сущности права как особого типа и специфической формы социальной регуляции»⁴.

Также обратим внимание, что в советском правоведении критический анализ буржуазных учений в немалой мере связывался с недостатком внимания к выраженности в праве названного дуализма. Критическая оценка давалась и «чистой теории права»: «нормативизм Кельзена окончательно изгоняет всякое реальное содержание из понятия субъекта права, превращая последнего лишь в момент осуществления правопорядка»; «выражение «человек имеет права и обязанности» означает лишь, что поведение этого человека является содержанием юридических норм»⁵.

¹ Лазарев В.В. Избранное последнего десятилетия. М.: ИЗиСП; Норма, 2020. С. 555.

² См.: Морозова Л.А. Теория государства и права: учебник. 4-е изд., перераб. и доп. М., 2010.

³ Права человека: учебник / отв. ред. Е.А. Лукашева. М., 2009. С. 49–50 (автор параграфа — В.С. Нерсесянц).

⁴ Там же.

⁵ Братусь С.Н. Субъекты гражданского права. М., 1950. С. 27.

По-своему непризнание или признание такого дуализма в праве — индикатор определения позитивистских или непозитивистских трактовок права¹. Именно в случае последних права человека, позволяя обращать внимание на внутреннее содержание источников права, становятся критерием различения (не отождествления) таких сущностных правовых явлений, как право и закон. При этом данные явления можно признать сообщающимися между собой по уровню (степени) нормативного обобщения, соответствующей форме их воздействия (метафорически выражаемой в категориях «сила права» и «право силы»), а также по сочетанию их конкретных нормативно-аксиологических характеристик, как «права должного» и «права сущего».

Тем самым обоснование и признание дуализма права в целом позволяет исключать риски его измерения только через формальные признаки, в конечном счете «предупреждает его «социальное безразличие» (так называемую невозможность дать социальную оценку права), порождаемое позитивистской методологией»².

Обоснование механизма права как сочетание средств поиска (установления) его «субъективных» оснований

Надо признать, скептическое отношение к идее «Право вообще и права человека — это не различные (по своей сути, функциям и назначению) феномены, а явление принципиально одного порядка и одного типа»³ во многом объяснимо рассмотрением проблематики прав человека, прежде всего составляющей правотворческой деятельности. Речь идет о предполагаемом «обязывании» законодателя в отношении отражения характеристик прав человека. Однако в данном случае закономерен вопрос: стоит ли рассматривать отражение прав человека (учет их гарантий) условием правотворческой функции? На первый взгляд, обозначение соизмерения прав и их ограничений, баланса правовых ценностей — прежде всего предмет дискреции законодателя⁴. Одновременно, говоря о «дискреционных

¹ См.: Трансформации прав человека в современном мире: монография / отв. ред. А.Н. Савенков. М., 2019 (автор главы — Н.В. Варламова). С. 74–94.

² Туманов В.А. Избранное. М., 2010. С. 183.

³ Права человека: учебник / отв. ред. Е.А. Лукашева. М., 2009.

⁴ Согласимся, что в силу принципов Конституции РФ «прежде всего, Федеральное Собрание, являющееся представительным и законодательным органом Российской Федерации, путем принятия федерального закона осуществляет поиск баланса между конфликтующими правовыми ценностями (часть 3 статьи 55 Конституции РФ). Это вытекает из конституционно-правовой природы парламента, политические решения которого, облеченные в форму закона, легитимированы способом его формирования, т.е. избирательным процессом». В соответствии с этим принятие «судом актов, которые вносят поправки в решения законодателя путем самостоятельного изменения баланса ценностей в пользу тех или иных прав или интересов, едва ли существенно отличается

полномочиях законодателя»¹, подчеркнем, что регулятивная функция законотворческого органа имеет приоритетом отражение потребностей развития общественных отношений в его предметно-отраслевом поле, что отмечается в пояснительных материалах к законопроектам. Соизмеримо с этим и то, что проблематика правовой определенности рассматривается важной составляющей реализации законодателем регулятивной функции, но преимущественно в ракурсе юридической техники установления определенности правового регулирования². В такой формулировке правотворческой функции в преломлении к сфере прав человека разумеющимся является рассмотрение последних наряду с другими элементами правового положения личности.

В целом признаем, что тема правотворчества по своей идее вряд ли позволяет обращаться к правам человека как обосновывающим некую собственную нормативно-аксиологическую характеристику права по отношению к «праву вообще».

Между тем можно указать на значение методологического внимания к критерию прав человека, считая их едва ли ни атрибутивной проблематикой права, объясняющей многие его свойства и признаки. Согласимся с тезисом: «субъективный (человеческий) фактор способен оказать активное воздействие на объективное... вопрос о соотношении объективного и субъективного необходимо решать конкретно в зависимости от содержания, от характера рассматриваемых общественных отношений»³. Иными словами, если «объективное право «не прикреплено» к конкретному субъекту, а устанавливает объективные возможности для каждого, кто попадает в сферу действия нормы права, то субъективное право представляет собой решение данной жизненной ситуации на основе объективного права»⁴.

В свою очередь, очевидно, требуется особый взгляд на понятие и содержание самого права, исключающий измерение определенности права только юридическими предписаниями (внешними формами права), их формальными признаками, концентрирующими внимание на праве в значении средства принуждения. Развитие такого мето-

от позитивного нормотворчества». См.: Особое мнение судьи Г.А. Гаджиева к постановлению Конституционного Суда РФ от 27 марта 2012 г. № 8-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 23 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина И.Д. Ушакова».

¹ Отметим: данная формулировка часто используется в терминологии Конституционного Суда РФ. См.: Постановления Конституционного Суда РФ от 31 января 2023 г. № 5-П; от 23 июня 2022 г. № 26-П; от 13 февраля 2020 г. № 8-П.

² См.: Власенко Н.А. Проблемы правовой неопределенности: курс лекций. М., 2015.

³ Лазарев В.В. Избранное последнего десятилетия. М.: ИЗиСП; Норма, 2020. С. 545.

⁴ Морозова Л.А. Теория государства и права: учебник.

дологического взгляда на право в отечественном правоведении, в частности, происходило благодаря механизму права, который рассматривался как в ракурсе направления эффективности правового регулирования¹, так и в самостоятельном качестве². Надо подчеркнуть, вопросы механизма права были предметом внимания особенно в советский период, что допускало доктринальные условия развития проблематики прав человека, не получавшей прямого юридического оформления и гарантирования (в отличие от идеи «прав гражданина»³).

Важно то, что механизм права позволял делать акцент не на системе правового регулирования (сосредоточенной на себе и в этом отношении обладающей характеристикой самодостаточности), а на юридических средствах права: под соответствующим механизмом понималась «взятая в единстве система правовых средств, с помощью которой осуществляется правовое воздействие на общественные отношения»⁴. При этом проблематику юридических средств до настоящего времени предлагается рассматривать максимально развернуто: в частности, они определяются как «правовые явления, выражающиеся в инструментах (установлениях) и деяниях (технологии), с помощью которых удовлетворяются интересы субъектов права, обеспечивается достижение социально полезных целей»⁵. Наиболее часто употребление данной категории можно встретить в связи с вопросами в судебной сфере⁶.

Отметим, что механизм права проявляет свою охранительно-динамическую функцию наряду с регулятивной функцией права, предполагая их равное значение для обеспечения действия. Красной нитью рассмотрения вопросов механизма права проходила идея нормативности правового регулирования, прежде всего при обосновании наличия норм разного юридического порядка, не сводящее

¹ См.: Эффективность правовых норм: монография / В.Н. Кудрявцев, В.И. Никитинский, И.С. Самощенко, В.В. Глазырин. М., 1980.

² См.: Алексеев С.С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. М., 1966.

³ Идея признания только прав гражданина коррелируется и с положением Конституции РСФСР 1978 г., согласно которому «общество и государство утверждают права и свободы человека, его честь и достоинство как высшую ценность» (ст. 31).

⁴ См.: Алексеев С.С. Указ. соч.; М., 1966. См. также: Эффективность правовых норм: монография.

⁵ Малько А.В. Правовые средства как общетеоретическая проблема // Правоведение. 1999. № 2.

⁶ См., например: Коршунова П.В. Единство судебной практики и правовые средства ее обеспечения // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. Право. 2019. № 2 (50); Князькин С.И. Единство судебной практики и средства его обеспечения // Журнал российского права. 2015. № 11.

регулирование к предписаниям однородной нормативности (что дает условия для учета дуализма права, соответственно его инструментальной роли, в том числе в качестве социального регулятора). Теоретическое осмысление данной проблематики (неоднородности регулирования, различения актов в связи с их нормативностью) во многом обязано административному праву: например, в работе 1949 г. при классификации актов советского государственного управления предлагалось их различать на «административные или индивидуальные акты» и «акты нормативные или акты, устанавливающие общие правила»¹.

В соответствующей логике различения правоположений по объему нормативности также рассматривались (развивались) представления о правах человека. Это было выражено в теоретических работах о субъектах права: например, правоспособность предлагалось определять как «динамически развивающееся явление, ... т.е. не как общую абстрактную предпосылку для правообладания, а в движении, как конкретную возможность стать носителем определенного субъективного права»²; также было обращено внимание на «принцип «ступенчатости» правоспособности»³. В последующих работах концепция правоспособности получила обоснование при различении общих прав как элементов правоспособности и прав с определенным содержанием, которые непосредственно вытекают из законодательства для всех граждан⁴. В конечном счете не только доктринальным, но и практически более выраженным становится признание субъективного права как обуславливающего «индивидуальное измерение права», прежде всего с учетом рассмотрения споров «о субъективном конституционном праве, нарушенном, оспоренном или поставленном под угрозу оспариваемым законом»⁵, вне зависимости от того, предусмотрено (конкретизировано) ли такое право самим законом⁶.

В силу этого можно говорить, что и доктринальные представления о механизме права приобретают более реалистическое наполнение. Становится очевидным то, что механизм права в сочетании объективного и субъективного неизмерим до тех пор, пока дело не доходит до интерпретации правовых норм, он характеризует любой этап правового процесса, но наиболее выражено проявляется в судебном

¹ См.: Студеникин С.С. Советское административное право. М., 1949. С. 116.

² Цит. по: Братусь С.Н. Субъекты гражданского права. М., 1950. С. 7.

³ См.: Братусь С.Н. Субъекты гражданского права. М., 1950. С. 39.

⁴ См.: Мицкевич А.В. Субъекты советского права. М., 1962. С. 15, 18, 19–20.

⁵ Ильин А.В. Об одной эвристической точке зрения, касающейся сходства прямого конституционного и административного судебного нормоконтроля // Сравнительное конституционное обозрение. 2019. № 4.

⁶ Ильин А.В. Указ соч.

правоприменении. В определенной степени механизм права идентифицируется средствами установления его субъективных оснований — учетом прав человека, их гарантий, что в конечном счете сочетается с нормативными характеристиками права должного¹ (которое можно представлять в категориях социальных целей и ценностей).

Закономерно, что в настоящее время рассмотрение судебного процесса происходит не только сквозь его принципы и формы осуществления, но и с акцентом на судебной защите прав человека, что проявляется и в вопросах сочетания прав человека и принципов судебного процесса (например, в логике «первичного — производного»)².

Вместо заключения: конституционная формализация прав человека как признание механизма права в сочетании его объективных и субъективных начал

Закрепление прав человека, по существу обуславливающих дуализм субъективного и объективного в праве и на этой основе механизм права, является тенденцией конституционного регулирования. Конечно, модели юридического признания прав человека различны, однако для большинства конституций можно указать значение двух направлений такого регулирования (если не касаться самих перечней прав, оснований их ограничения). Во-первых, конституционно устанавливается, что регулирование гарантий прав человека проистекает из универалистской концепции права, имея в виду определение их природы и происхождения во взаимосвязи с общим международным правом; во-вторых, права человека рассматриваются исходным условием механизма права, опосредующего юридическое воздействие на всех этапах правового процесса, с учетом их свойства непосредственного действия.

Касаясь универалистской концепции права, можно подчеркнуть, что по форме речь идет об императивных нормах международного права (*jus cogens*), а по содержанию — о положениях международного права прав человека, предусмотренного широким кругом международно-правовых документов, начиная с так называемого ядра международного билля о правах человека³, который является сутью

¹ Определение такого «права должного» вполне обнаруживается и в формуле Всеобщей декларации прав человека, в ее преамбуле провозглашаются задачей, «к выполнению которой должны стремиться все народы и государства».

² См.: Грачева С.А. Судебная защита прав и принципы правосудия: вектор на совпадение или тождество? // «Права человека и справедливое правосудие: современные тренды и новые векторы»: сборник материалов IV Евразийского форума по правам человека / под ред. З.Х. Баймолдиной. Астана, 2022.

³ Известно, что «ядром» международного билля о правах человека являются Всеобщая декларация прав человека 1948 г., международные пакты о правах человека 1966 г. (См.: Международные акты о правах человека: сб. док. / сост. В.А. Карташкин, Е.А. Лукашева. 2-е изд., доп. М., 2002).

международно-правового стандарта¹, характеризующегося в качестве положения наивысшей нормативности и по-своему проявляющего идею цивилизации права².

В первую очередь, в силу стандартов, определяемых международным правом прав человека, международное право рассматривается как источник представлений о правовой системе. Это недвусмысленно следует из Конституции РФ (например, ч. 4 ст. 15, ч. 1 ст. 17), указывающей на то, что об объективности права (его истинной причинности) нельзя судить только с позиции системы норм права. Подчеркнем: конституционно охраняемой можно считать категорию «правовая система», тогда как понятие «система права» конституционным текстом предполагается, но прямо не упоминается.

Права человека имеют особый характер конституционного действия согласно ст. 18 Конституции РФ. Данная статья указывает на то, что конституционная концепция прав человека предусматривает их свойством «непосредственное действие», обозначение которого предшествует положению о том, что такие права определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием. Тем самым обозначаются «особенности прав и свобод человека как источника права»: «права и свободы человека и после их признания и закрепления (санкционирования и позитивации) в национальных и международных актах ... продолжают одновременно оставаться естественными правами, которые по своей природе и сути принципиально отличны от формально-определенных ... положений позитивного права»³.

Закономерно, что режим непосредственного действия прав человека как составляющей прямого действия Конституции позволяет свидетельствовать в пользу того, что право — это не только совокупность юридических предписаний, но и процесс соизмерения правового регулирования с правами человека. При этом наличие (признание) рассматриваемого элемента права в любом случае обосновывает более критическое отношение к закону, позволяя указывать на качество последнего, при обеспечении того минимума определенности, без которого право допускается до произвольного. На этой ноте можно отметить приемлемость критической теории права, которая

¹ См.: Тиунов О.И. Роль международно-правовых стандартов в регулировании взаимодействия международного и национального права // Журнал российского права. 2012. № 12. С. 69–83.

² См.: Зорькин В.Д. Цивилизация права: современный контекст // Журнал конституционного правосудия. 2014. № 5.

³ Нерсисянц В.С. Процессы универсализации права и государства в глобализирующемся мире // Государство и право. 2005. № 5.

«ставит под сомнение представления об объективной и трансцендентной природе права и делает акцент на анализе его риторической структуры»¹, представляя в обобщенном виде значение парадигмы *contra legem* на различных этапах правового процесса².

В качестве вывода стоит отметить, что проблематика механизма права многомерна и, разумеется, подчиняется действию некоторых закономерностей. Определение сущностных характеристик права во взаимосвязи с правами человека оказывает на установление (содержание) такого механизма едва ли не ключевое воздействие.

В целом вектор обоснования механизма права в пользу признания его нормативно-исходной основой субъективных прав содействует не только его функциональности. Также это отвечает выявлению социального содержания такого механизма, значение которого объясняется Конституцией РФ, ее терминологией. Подчеркнем: по-прежнему актуальна и задача развития конституционной терминологии, состоящая в том, чтобы «соединить лозунговый пафос очень важных для человека социальных положений с их конкретным регуляционным воздействием»³.

¹ «Критическая теория исходит из того, что риторика прав человека не содержит набора неизменных нормативных требований к политике, но, наоборот, постоянно сводится к конфликтующим аргументам относительно политического блага. Идентификация, значение и применимость прав зависят от оценки «пропорциональности», «необходимости» и «баланса» публичных и частных интересов» (Толстых В. «Принципиальное сопротивление» решениям Европейского Суда по правам человека в свете критической теории // Международное правосудие. 2018. № 1)

² В логике таких суждений может лежать внимание к наличию (обоснованию) «своеобразной презумпции «виновности государства» по отношению к гражданину» (см.: Куркин Б.А. Идеологема прав человека и ее интерпретация в современной отечественной правовой теории. URL: https://www.hse.ru/data/689/132/1241/pravo%202_2008-9.pdf?ysclid=lblw4v4yf3802022878). Это также коррелируется с вопросами конституционной антропологии — редко рассматриваемой, но важной предполагаемой части конституционно-правового знания о развитии (происхождении, эволюции) человека как биосоциального вида, идентифицируемой в конституционно-правовом поле в основном через концепции права и регулирование статуса личности.

³ Чиркин В.Е. Конституционная терминология: монография. М., 2013. С. 53.

ИНТЕРЕСЫ ГОСУДАРСТВА И ЛИЧНОСТИ В СФЕРЕ РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРАВ И СВОБОД¹

Д.Р. Алимова, Ю.Э. Ибрагимова

В Российской Федерации с момента принятия Конституции 1993 г. выбран курс на признание и защиту прав и свобод человека и построение правового государства². Права и свободы человека и гражданина имеют особый статус, поскольку содержатся в гл. 2 Конституции РФ, имеющей фундаментальный характер по отношению к законодательству Российской Федерации. Любые изменения, касающиеся прав и свобод, не могут производиться в обычном порядке, а лишь посредством пересмотра Конституции РФ (ст. 135).

Реализация закрепленной в высшем нормативном правовом акте государства модели конституционного строя предполагает в зависимости от объективных и субъективных факторов широкие возможности как в русле соблюдения прав и свобод человека, так и в другом направлении.

Провозглашение основных прав и свобод человека в тексте Конституции РФ налагает на государство обязанности, в частности в лице органов государственной власти и должностных лиц соблюдать

¹ Статья подготовлена при поддержке Российского научного фонда (проект № 23–28–01457 «Векторы развития правотворчества в целях реализации национальных интересов России: проблемы и перспективы»).

² См.: Права человека и политическое реформирование / отв. ред. Е.А. Лукашева. М., 1997. С. 3–4.

и защищать права и свободы человека и гражданина. Представляется, что эта обязанность выражается в первую очередь в формировании и развитии системы законодательства, которое основывается на национальных и международных правовых положениях, не противоречит им и устанавливает, где это необходимо, механизмы реализации прав. Кроме того, здесь важно учитывать, что права человека являются непосредственно действующими, а в случае противоречия какого-либо закона Конституции РФ должны применяться нормы высшего нормативного правового акта¹.

В Конституции РФ права и свободы перечислены не произвольно, а сгруппированы в порядке приоритета, хотя и имеют равную юридическую силу. Начинается гл. 2 Конституции РФ с закрепления сначала личных прав и свобод, затем — политических, после чего указаны экономические и социально-культурные права и свободы. Такой порядок был заимствован из Всеобщей декларации прав человека, принятой Генеральной Ассамблеей ООН в 1948 г., и нашел отражение также в ст. 2 Конституции РФ о признании человека, его прав и свобод в качестве высшей ценности.

Статья 55 Основного Закона содержит условный предел усмотрения государства в вопросе ограничения прав и свобод: 1) оно может быть принято лишь в форме федерального закона; 2) возможно только для конституционно значимых целей. Допустимость ограничения прав и свобод для поддержания общественного спокойствия не вызывает сомнений, поскольку в такой возможности выражается один из элементов дееспособности государства². Однако в этом имеется и опасность злоупотреблений. Поиск баланса законодательного регулирования интересов государства, общества и личности — цель, успешное следование которой в совокупности с другими факторами может способствовать социальной стабильности и общественному прогрессу.

В результате принятия поправок к Конституции РФ в 2020 г. конституционная стратегия в вопросе ограничения прав и свобод осталась неизменной.

В науке выделяют два типа ограничений прав и свобод: общего характера, которые могут вытекать из правового статуса отдельных лиц, а также основных прав в условиях чрезвычайного положе-

¹ См.: Кокотов А.Н. О прямом действии Конституции Российской Федерации // Актуальные проблемы российского права. 2013. № 12. С. 1511–1516; Бондарь Н.С., Джагарян А.А. Прямое действие Конституции: генерация и гарантирование конституционным правосудием // Сравнительное конституционное обозрение. 2016. № 3. С. 52–78.

² См.: Лебедев В.А. Конституционные основы ограничений прав и свобод человека и гражданина // Lex russica. 2017. № 1. С. 130–139.

ния¹. Меры по ограничению прав человека в условиях чрезвычайного положения могут быть приняты только в целях обеспечения безопасности государства для установления баланса между правами отдельных лиц и интересами общества и государства в целом.

В настоящее время распространено мнение, что абсолютный характер личных прав человека указывает в некоторых случаях на принципиальную невозможность их ограничения, в других ограничения могут быть введены в рамках чрезвычайного положения². Представляется, что при необходимости введения ограничения прав государство должно обосновать данную необходимость, обозначить его цели и пределы.

В качестве примера представляется целесообразным рассмотреть особенности правового регулирования права на жизнь и его возможного ограничения. Данные проблемы получили довольно широкое освещение в юридической науке³. В настоящем исследовании право на жизнь будет рассматриваться в узком смысле, т.е. речь пойдет о праве на физиологическое существование, поскольку рассмотрение других аспектов этого права неизбежно приведет к пересечению с иными правами человека.

Некоторые ученые считают, что ограничение права на жизнь невозможно, поскольку здесь необходимо говорить о лишении права, а не об ограничении (предполагается, что ограничение права на жизнь равнозначно лишению жизни)⁴.

Несмотря на то что согласно ст. 55 Конституции РФ право на жизнь ограничению не подлежит, в нормативных правовых актах Российской Федерации имеются положения, фактически ограничивающее рассматриваемое право.

Если вести речь о федеральном законодательстве, то необходимо обратить внимание на следующие положения. Во-первых, ограничение конституционного права на жизнь возможно в рамках состо-

¹ См.: Саблин Д.А. Права человека: учебное пособие. Оренбург, 2004 // СПС «КонсультантПлюс».

² См.: Белобрагина Н.А. Ограничение конституционного права на жизнь // Пробелы в российском законодательстве. 2010. № 3. С. 24–27.

³ См., например: Зайцева А.М. Ограничение естественного права на жизнь в позитивном праве // Конституционное и муниципальное право. 2015. № 9. С. 33–44; Кощеева А.А. Право на жизнь в системе конституционных прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006; Семенов И.С. Право на жизнь (международно-правовой аспект): дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009; Белобрагина Н.А. Право на жизнь: конституционно-правовой механизм обеспечения и защиты: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012 и др.

⁴ Конституция Российской Федерации: проблемный комментарий / А.С. Автономов, Н.С. Бондарь, А.М. Ковалев, А.П. Любимов и др.; отв. ред. В.А. Четвернин. М., 1997. С. 81.

нения необходимой обороны, предусмотренного ч. 1 ст. 37 Уголовного кодекса РФ¹. Кроме того, в Федеральном законе от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции»² имеется нормативное правовое регулирование случаев, когда сотрудники органов полиции вправе применить огнестрельное оружие, специальные средства или физическую силу. Правила об использовании специальных средств, физической силы или оружия на территориях учреждений, исполняющих наказания, содержатся в Законе РФ от 21 июля 1993 г. № 5473-1 «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы»³. Федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму»⁴ устанавливает основания правомерного причинения вреда (в том числе лишение жизни лица, совершающего террористический акт, а также причинение вреда здоровью или имуществу такого лица либо иным охраняемым законом интересам личности, общества или государства).

Правовое регулирование, в том числе и возможных ограничений права на жизнь, установлено в Федеральном конституционном законе от 30 мая 2001 г. № 3-ФКЗ «О чрезвычайном положении»⁵, а также в Федеральном конституционном законе 30 января 2002 г. № 1-ФКЗ «О военном положении»⁶.

Приведенный перечень актов федерального законодательства, регулирующих в том числе и вопросы ограничения права на жизнь, не является исчерпывающим⁷. В целом установление таких правил в федеральном законодательстве, с одной стороны, отвечает требованиям, предусмотренным ч. 3 ст. 55 Конституции РФ. С другой стороны, право на жизнь относится к тем правам, которые вообще не подлежат ограничению, в том числе и при чрезвычайном положении, поэтому в данном случае можно считать верным тезис о лишении права на жизнь. Если допустить, что цели ограничений, которые в данном случае выражаются в защите основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, конституционно оправданы, то и ограничения выступают соразмер-

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

² СЗ РФ. 2011. № 7. Ст. 900.

³ Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 33. Ст. 1316.

⁴ СЗ РФ. 2006. № 11. Ст. 1146.

⁵ СЗ РФ. 2001. № 23. Ст. 2277.

⁶ СЗ РФ. 2002. № 5. Ст. 375.

⁷ См., например: Федеральный закон от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» // СЗ РФ. 1995. № 29. Ст. 2759.

ными при условии соблюдения остальных требований законодательства и Основного Закона.

Однако в нормативно-правовой практике Российской Федерации имеются и другие случаи, когда подобные ограничения выглядят менее оправданными с формально-юридической точки зрения. Речь идет об ограничении конституционного права на жизнь в подзаконных актах (например, в постановлении Правительства РФ от 24 февраля 2010 г. № 80 «Об утверждении Правил применения оружия и боевой техники при охране государственной границы Российской Федерации, исключительной экономической зоны и континентального шельфа Российской Федерации»¹). Здесь нормативное требование об ограничении прав только федеральными законами не соблюдено, что представляется для установления ограничения одного из важнейших прав человека недопустимым.

Проведенная в 2020 г. конституционная реформа затронула сферу социальных гарантий российского государства. При этом изменения не коснулись ст. 7 Конституции РФ, определяющей Российскую Федерацию как социальное государство, а были внесены в ст. 75, дополненную ч. 5 и 6.

В результате указанных поправок на конституционном уровне закреплены минимальный размер оплаты труда не менее величины прожиточного минимума трудоспособного населения в целом по Российской Федерации и индексация социальных пособий, пенсий и иных социальных выплат в порядке, установленном федеральным законом. Такое изменение заслуживает поддержки, поскольку позволит гражданам России получать социальные выплаты, пособия и пенсии, соразмерные текущим экономическим условиям. Определение условий и порядка осуществления такой индексации возлагается на федеральное законодательство. Однако следует отметить, что и до принятия конституционной поправки имелась возможность индексации пенсий, но по различным причинам нередко не осуществлялась. Представляется, что решение законодателя о закреплении такой нормы на конституционном уровне должно оказать позитивное влияние на данную проблему.

Кроме того, установлены принципы пенсионного обеспечения граждан — всеобщность, справедливость² и солидарность поколе-

¹ СЗ РФ. 2010. № 9. Ст. 970.

² Данный принцип уже используется на протяжении последних нескольких лет Конституционным Судом Российской Федерации для обоснования своих правовых позиций. См., например: постановление Конституционного Суда РФ от 7 декабря 2017 г. № 38-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 129, частей первой и третьей статьи 133, частей первой, второй, третьей, четвертой и одиннадцатой статьи 133.1

ний, а также поддержка эффективности функционирования пенсионной системы посредством регулярно осуществляемой индексации размера пенсий. С одной стороны, конституционное закрепление принципов — это установление дополнительных гарантий для граждан при условии их соблюдения, однако, с другой стороны, принципы являются общими положениями, реализация которых в рамках федерального законодательства может оказаться формальной.

Следует отметить, что в случае введения несоразмерных ограничений прав и свобод личности роль инстанции, которая уполномочена проверять федеральное законодательство на соответствие Конституции РФ, в том числе в целях защиты прав и свобод человека и гражданина, должен выполнять Конституционный Суд РФ.

Являясь судебным органом конституционного контроля, Конституционный Суд РФ не выбирает подлежащие рассмотрению проблемы и не инициирует проверку того или иного нормативного правового акта самостоятельно, природа конституционного правосудия обусловлена защитой конституционно значимых ценностей посредством поддержания надлежащего соотношения между ними (метод баланса), вытекающая из провозглашения прав и свобод человека высшей ценностью.

Обозначив в первых же своих решениях важность баланса интересов при осуществлении прав и свобод и в первую очередь между публичным и частным¹, Конституционный Суд РФ усматривает главную свою задачу в поддержании средствами нормоконтроля необходимого равновесия в национальном правовом пространстве.

Поддержание баланса интересов имеет приоритетное значение еще и потому, что субъекты правоотношений, выполняя разные социальные роли, всегда выражают свои притязания на принятие, изменение и отмену законов и иных правовых актов. Мотивом могут быть как правильно понятые социальные интересы, так и их фальсификация узкогрупповыми или эгоистическими потребностями. Давление, лоббизм и т.п. в законодательном процессе ведут к подмене в законе общих публичных интересов другими взглядами и позициями². Это обнаруживается в концепции и нормах законов,

Трудового кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан В.С. Григорьевой, О.Л. Дейдей, Н.А. Капуриной и И.Я. Кураш» и др.

¹ См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 21 апреля 1993 г. № 8-П // Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 18. Ст. 653.

² О разграничении частных и публичных интересов см. подробнее: Алимова Д.Р. О понятии и объективных свойствах национальных интересов государства // Российский журнал правовых исследований. 2023. №3. Т. 10. С. 85–92.

выгодных и удобных для разных субъектов правоотношений, как справедливо, отмечает Ю.А. Тихомиров¹. Таким образом, именно КС РФ, осуществляя конституционный контроль, преодолевает тем самым дисбаланс конституционно значимых интересов.

Конституция РФ как высший нормативный правовой акт государства закрепляет основные права и свободы человека и гражданина в соответствии с универсальными международными правовыми актами, а также обязанность государства по их соблюдению. При этом установление конкретных механизмов реализации прав и свобод человека и гражданина посредством принятия федеральных законов (или в некоторых случаях подзаконных нормативных правовых актов) может быть сопряжено с их необоснованным ограничением.

В связи с этим на первый план должна выходить деятельность правоохранительных органов и правозащитных организаций. Кроме того, эффективным механизмом охраны и защиты прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации может стать деятельность различных институтов гражданского общества (например, при процедуре публичного обсуждения проектов нормативных правовых актов; посредством взаимодействия с органами государственной власти и должностными лицами при реализации последними государственной политики в той или иной области деятельности и др.).

Одной из общих закономерностей совершенствования правового положения личности в государстве является пристальное внимание законодателя к данной сфере, что приводит к развитию разнонаправленных процессов. Позитивным представляется повышение интереса граждан к рассматриваемой области общественных отношений, который, в свою очередь, стимулирует и законодательную активность. Кроме того, последняя приводит к планомерному развитию некоторых прав человека (например, социальных), укрепляются гарантии их реализации. Однако в законодательстве также наблюдаются и тенденции, в рамках которых нарушается баланс правового регулирования государственных и частных интересов. Охранительные правовые нормы, регулирующие условия применения мер государственно-принудительного воздействия, их характер и содержание, располагают действующими гарантиями реализации, в то время как регулятивные нормы, устанавливающие субъективные права,

¹ См.: Тихомиров Ю.А. Интерес в публичном и частном праве: согласование и противоборство. В кн.: Интерес в публичном и частном праве / под ред. Ю.А. Тихомирова, Г.В. Мальцева, Б.В. Россинского. М., 2002. С. 4.

юридические обязанности субъектов и условия их возникновения, не находятся в фокусе внимания законодателя в политической сфере и таких указанных гарантий реализации не имеют. Так, при достаточной нормативной правовой базе, способствующей в целом нормальной реализации многих прав граждан, процедура их осуществления осложнена.

РАЗДЕЛ II

ОТРАСЛЕВЫЕ ВОПРОСЫ
ЗАКРЕПЛЕНИЯ
И ЗАЩИТЫ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА
В РОССИЙСКОМ
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРАВА В СИСТЕМЕ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Е.А. Петрова

Система прав человека включает в себя различные по своему содержанию правовые возможности, закрепляемые на уровне национального и международного права. При этом системность прав обеспечивает полноту их реализации, поскольку все они взаимосвязаны и взаимообусловлены. Не случайно некоторые исследователи отмечают, что «почти все права человека многомерны, являются одновременно и социально-экономическими, и гражданско-политическими»¹. В то же время теоретически и практически значима классификация прав человека, производимая по различным критериям и показывающая специфику каждого из них. Так, самостоятельное место среди прав человека занимают права социальные, которые традиционно идут в связке с экономическими, но в действительности обладают своими особенностями. Сложность в их дифференциацию добавляет еще и то, что все права человека в определенном смысле являются социальными, так как их реализация невозможна вне общественных отношений.

Согласно генерационному подходу социальные (а точнее — социально-экономические) права относятся ко второму поколению прав человека: их признание, особенно на международной арене, преодолело массу препятствий. А.Н. Кононенко справедливо подчеркивает, что «основные социально-экономические права и свободы человека и гражданина являются продуктом исторического раз-

¹ Мутагиров Д.З. Права и свободы человека: теория и практика. М., 2006. С. 132.

вития, поскольку история социально-экономических прав человека прошла в своем развитии путь от полного отказа государства регулировать социально-экономические права человека до максимально возможного закрепления этих прав в демократическом государстве»¹. Собственно социальные права охватывают самостоятельную сферу правового регулирования — *сферу социального обеспечения*, направленную на создание условий для достойной жизни представителям социально-незащищенных групп населения. Естественно, степень социальной заботы со стороны государства зависит как от уровня его экономического развития, имеющихся у него экономических ресурсов, так и от экономической активности самих граждан. Этим обусловливается действительно тесная связь социальных и экономических прав: по сути эффективность обеспечения первых предопределяется полнотой реализации вторых. Поэтому можно выделить общие черты социально-экономических прав, отличающие их от других видов прав:

– социально-экономические права человека гораздо менее универсальны, чем права гражданско-политические, поскольку они имеют значение в первую очередь для социально-незащищенных слоев населения и охватывают в основном область трудовых и непосредственно связанных с ними отношений;

– социально-экономические права отличаются от гражданско-политических меньшей определенностью, четкостью и жесткостью формулировок: при их текстуальном закреплении нередко используются весьма абстрактные формулировки: «справедливый», «достойный», «разумный» и т.п., а сами нормы, их содержащие, по сути имеют «каучуковый» характер, требующий конкретизации в каждом случае правоприменения;

– в закреплении социально-экономических прав, особенно на международном уровне, заметную роль играет рекомендательное начало, в том числе потому, что их реализации (а точнее реализация именно социальных прав) требует весьма больших материальных затрат со стороны государства.

И здесь следует обратить внимание на историю закрепления данной группы прав.

Социально-экономические права сформировались в XIX в. в ходе борьбы за улучшение экономического положения народа. В отличие от негативных прав первого поколения, предполагающих невмешательство государства в их реализацию, данные права носят позитив-

¹ Кононенко А.Н. Конституционные социально-экономические права и свободы человека и гражданина в Российской Федерации и роль органов внутренних дел в их обеспечении. Белгород, 2006. С. 26.

ный характер, требуя от государства предоставления определенных благ. Если в конце XVIII в., отмечают ученые, все провозглашаемые и законодательно закрепляемые права, относящиеся к категории «естественных и неотчуждаемых», концентрировались вокруг идеи свободы, признаваемой высшей ценностью, то в XX в. получили признание права, призванные гарантировать «жизнь не только свободную, но и относительно обеспеченную»¹. Для реализации этих прав требуется регулятивная, организационная, координирующая, позитивная деятельность государства по их признанию и обеспечению, а также иные ее формы².

Права второго поколения явились ответом на злоупотребления и недостатки капиталистического развития и свое теоретическое обоснование получили в различных социалистических идеях³. Если права первого поколения воплотили ценности либерального общества, то права второго поколения отражают ценности социально ориентированного государства⁴.

Исследователи подчеркивают, что права второго поколения внесли довольно существенные коррективы в юридическую модель отношений личности и государства: если гражданские и политические права (права первого поколения) были призваны оградить личность от произвольных действий властей, «поместив» ее в охраняемое законом «пространство свободы», то социально-экономические права определенным образом «привязывали» человека к государству, обязывая последнее помогать тем, кому грозит опасность утонуть в «море свободы». Таким образом, если суть гражданских и политических прав состоит в *ограничении* роли государства в духовном, социально-экономическом и политическом регулировании, то социально-экономические права *расширяют* сферу государственного контроля по отношению к обществу. Отсюда необходимость поиска баланса между законодательным закреплением и юридическими гарантиями свободы экономической деятельности личности, с одной стороны, и правом государства перераспределять те или иные жизненные блага — с другой⁵. Найти подобный баланс — дело весьма непростое.

Не случайно длительное время социально-экономическим правам человека отводилась второстепенная роль, а возможность государственного регулирования таких прав оценивалась негативно. Пред-

¹ См.: Михайловская И.Б., Кузьминский Е.Ф., Мазаев Ю.Н. Права человека и социально-политические процессы в посткоммунистической России. М., 1997. С. 8.

² См.: Витрук Н.В. Общая теория правового положения личности. М., 2008. С. 68–69.

³ См.: Мюллерсон Р.А. Права человека: идеи, нормы, реальность. М., 1991. С. 29–30.

⁴ См.: Михайловская И.Б., Кузьминский Е.Ф., Мазаев Ю.Н. Указ. соч. С. 8.

⁵ Там же. С. 8–9.

принимались попытки объявить эти права «социалистическим изобретением», неизвестным «цивилизованным» странам, поскольку они лишены «юридических возможностей, защищаемых судом»¹. Так, С.С. Алексеев называет социально-экономические права «идеолого-политическими категориями, которые представляют собой идеалы, намерения, лозунги-задачи и которые в соответствии с их реальным содержанием могут быть обозначены как принципы деятельности государства»². Некоторые западные теоретики права также продолжают считать социально-экономические права второстепенными по сравнению с политическими и гражданскими, указывая на то, что «признание и закрепление социально-экономических прав вынуждают государство расширять вмешательство в экономику, которое, в свою очередь, сковывает действие законов рыночной экономики, угрожает свободе предпринимательства, частной инициативе и ведет к росту цен»³. Наконец, права второго поколения крайне дорогостоящи, и многие страны просто не имеют средств для обеспечения минимальной экономической безопасности своих граждан.

Н.С. Бондарь утверждает, что «именно Россия может рассматриваться родиной социально-экономических прав»⁴. Победа революции 1917 г. обусловила появление на политической карте мира нового образования — Советской республики, в которой главным принципом стала «государственная забота о личности». В противовес Западу, где работник, находящийся в системе экономической эксплуатации, был вынужден самостоятельно оплачивать свои потребности в жилье, отдыхе, медицинском обслуживании, обеспечении инвалидности и старости, образовании и т.д., Советское государство продемонстрировало разветвленную сеть социального обеспечения и декларировало «бесплатность» предоставляемых социальных услуг. При этом в условиях идеологического противоборства мировых систем социализма и капитализма, особенно на первом этапе (в первой половине XX в.), когда социальные права получили закрепление в Конституции РСФСР (1918 г.) и Конституциях СССР (1924, 1936 гг.), такое проявление «государственной заботы» об интересах «простых рабочих людей», безусловно, имело большое значение и в немалой

¹ См.: Колотова Н.В. Экономические и социальные права // Права человека / отв. ред. Е.А. Лукашева. М., 2000. С. 160.

² Алексеев С.С. Философия права. М., 1997. С. 121.

³ Подробнее об этом см.: Ледяха И. Статус социально-экономических прав в законодательстве и судебной практике // Права человека. История, теория и практика / отв. ред. Б.Л. Назаров. М., 1995. С. 240.

⁴ Бондарь Н.С. Права человека и Конституция России: трудный путь к свободе. Ростов н/Д., 1996. С. 178.

степени способствовало «популяризации» социалистической идеологии. Следующие советские конституции планомерно расширяли перечень данных прав. Несмотря на то что социальная защищенность гражданина в СССР в реальности была минимальной, документально она существовала и этим воздействовала на мировое общество¹. Именно Советский Союз сыграл первостепенную роль во включении социально-экономических прав в международные документы по правам человека. Так, сначала они нашли отражение во Всеобщей декларации прав человека 1948 г., затем — в Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах 1966 г., далее — в региональных документах (Европейской социальной хартии, Хартии Европейского Союза об основных правах и др.) и актах специализированных международных организаций (например, конвенциях МОТ «О справедливом вознаграждении» (1951 г.), «О дискриминации в области труда и занятости» (1958 г.), «О содействии занятости и защите от безработицы» (1988 г.) и др.²).

Однако здесь важно указать на одну особенность международных документов, закрепляющих социальные, как, впрочем, и другие права человека. Данные документы в основном не являются самоисполнимыми, т.е. для их реализации во внутригосударственной системе требуется принятие соответствующих актов, имплементирующих международно-правовые нормы. И здесь все зависит от суверенной воли государства: какие права и в каком объеме включить в национальное законодательство. Так, Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах прямо устанавливает обязанность подписавших его государств принять *в максимальных пределах имеющихся ресурсов* меры к тому, чтобы обеспечить *постепенно полное* осуществление признаваемых в настоящем Пакте прав всеми надлежащими способами, включая, в частности, принятие законодательных мер (ст. 2). В то же время в Международном пакте о гражданских и политических правах оговорка о постепенности и пределах имеющихся ресурсов отсутствует.

Если же вспомнить, что и сами формулировки социально-экономических прав носят во многом абстрактный характер, то становится очевидным, что объем реализации данных прав, как бы они ни были гарантированы международным сообществом, в полной мере определяется национальным законодателем с учетом специфики и уровня развития конкретной государственно-правовой системы.

Однако несмотря на общую историю возникновения и закрепления социально-экономических прав и их взаимную обусловленность,

¹ См.: Головистикова А.Н., Грудцына Л.Ю. Права человека. М., 2006. С. 58.

² Подробнее об этом см.: Колотова Н.В. Указ. соч. С. 161.

их вряд ли можно рассматривать как «две стороны одной медали». Более того, для правильного понимания сути и предназначения социальных прав необходима их дифференциация от экономических. В литературе указываются следующие отличительные особенности данных групп прав:

– в основу экономических прав и свобод личности положен интерес, связанный с удовлетворением индивидуальных потребностей в получении *прибыли*, в то время как социальные права основываются на стремлении (сознательном либо вынужденном) гражданина к достаточному для «достойной жизни» *иждивению* (жизни за чужой, в первую очередь государственный, счет);

– экономика, а значит, и экономические права, изначально ориентирована на *доходность*; в свою очередь, социальная деятельность государства, направленная на реализацию социальных прав, также изначально носит *расходный характер*;

– экономические права *первичны* и возникли раньше, чем социальные права: без гарантий экономических прав, без развитой экономической и налоговых систем невозможно реализовывать социальные программы¹.

Можно сослаться и на формулировки нормативных документов. Так, например, в Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах 1966 г. нет понятия «социально-экономические права». Поэтому, на наш взгляд, социальным правам следует отводить *особое самостоятельное место* в системе прав человека.

Однако тут возникает еще один вопрос: какие права относить к данной группе. Центральными социальными правами каждого человека выступают право на личное свободное развитие и достойную жизнь, а также право непосредственно пользоваться условиями, которые должно создать для этого государство. Данные права, очевидно, кумулятивные и включают в себя более конкретные правовые возможности: право на жилище, охрану здоровья и медицинскую помощь, на отдых, благоприятную окружающую среду; права на социальное обеспечение по возрасту, в случае болезни, инвалидности, потери кормильца, на воспитание детей. К ним же некоторые относят права на индивидуальные и коллективные трудовые споры и законные способы их разрешения, на объединение в профсоюзы (т.к. социальная защита должна идти не только от государства, но и от самих граждан).

¹ См.: Грачев Н.А. О видах и месте конституционных экономических прав и свобод человека и гражданина в системе прав и свобод // Конституционное и муниципальное право. 2006. № 8. С. 14.

Однако есть права, чье место в системе социальных дискусионное. Например, право на труд, несмотря на его несомненно экономическую природу и содержание, не всеми исследователями относится к экономическим. Так, Н.А. Грачев считает, что отнесение права на труд к числу экономических не соответствует существу данного конституционного права и целям его закрепления в Основном Законе РФ. Согласно ст. 37 Конституции РФ, отмечает ученый, наемным работникам, вступающим в трудовые отношения с работодателем (в большинстве случаев предпринимателем), предоставляются следующие **социальные** права: свобода труда, запрет принудительного труда, защита от безработицы, право на отдых и др. Таким образом, конституционное регулирование направлено на поддержку лиц, не имеющих права частной собственности на средства производства, являющихся наемными работниками. Соответственно Н.А. Грачев делает вывод, что права те авторы, которые относят свободу труда к группе социальных прав, признавая вместе с тем ее некоторую экономическую направленность¹. На наш взгляд, право на труд должно гарантироваться государством именно как экономическое, чтобы давать возможность субъектам, его реализующим, обеспечить себе не минимальный уровень достойной жизни (на что как раз направлены социальные права), а максимальную доходность труда в соответствии с квалификацией и трудовыми затратами. Особенно это важно в сфере реализации права на справедливое вознаграждение за труд в бюджетной сфере, где работодателем выступает само государство.

В то же время при закреплении социальных прав, особенно в вопросе установления размера социальных выплат, важно помнить об их предназначении, чтобы не стимулировать социальное иждивенчество, когда, например, гражданин предпочитает жить на социальные пособия, а не зарабатывать собственным трудом. Социальная функция государства заключается не только в предоставлении материальной помощи в рамках реализации социальных прав, но и в побуждении трудоспособного населения вести активную трудовую жизнь. Социальная защита населения должна базироваться на взаимных правах и обязанностях государства и гражданина. Обязанность государства по социальной защите населения коррелируется с обязанностями граждан активно и продуктивно трудиться.

В федеративных государствах, в том числе и в России, равная обеспеченность социальных прав может осложняться разным уровнем экономического развития регионов: в богатых субъектах размеры социальных выплат (доплат) нередко выше, чем средние по

¹ См.: Грачев Н.А. Указ. соч. С. 15.

стране, что ставит граждан в социально неравное положение. Поэтому здесь особое значение имеют сбалансированная, хорошо продуманная государственная социальная политика и система социальной защиты, призванные гарантировать равную социальную защищенность граждан в стране.

Близость социальных и экономических прав позволяет в определенных случаях выводить первые из вторых при отсутствии их прямого закрепления. Так, например, в Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. (ЕКЧП) социальные права практически не упоминаются. Однако Суд дает им защиту, в частности в рамках ст. 1 Протокола № 1, закрепляющего право на защиту собственности (т.е. экономического права). Понятие «собственность» (англ. possessions), содержащееся в ЕКПЧ, имеет автономное (не связанное с национальным правом) значение, основанное на ценностной, а не вещной, берущей начало у древних римлян, концепции права собственности. Для ценностной концепции права собственности характерно распространение институтов прав собственности и способов защиты этого права на все оборотоспособные объекты, обладающие признаками экономической ценности вне зависимости от материальной или нематериальной природы этих объектов.

Согласно толкованию ЕСПЧ право собственности распространяется на материальные вещи (земельные участки, недвижимое имущество), нематериальные активы (акции, облигации) и требования, определенные и исполнимые (судебное решение, вытекающее из права автора, из прав на заработную плату, пенсию, пособия и т.д.), обладающие экономической ценностью (economic value). В целом понятие «имущество» по смыслу ст. 1 Протокола № 1 отличается по объему и содержанию от аналогичного понятия в российском праве¹.

Исходя из буквального толкования, ст. 1 Протокола № 1 не гарантирует право на поддержание определенного уровня жизни, включая как таковое право на получение в определенном размере пенсий, пособий и иных социальных выплат. ЕСПЧ исходит из того, что данная норма не возлагает на государства-участники обязанность производить индексацию или увеличение социальных выплат.

Между тем ЕСПЧ неоднократно указывал, что выплата пенсии или какая-либо иная социальная выплата, которая присуждена на основании судебного решения, признается Европейским судом имуществом по смыслу ст. 1 Протокола № 1, если в достаточной мере установлено, что оно может быть принудительно реализовано,

¹ См.: Афанасьев Д.В. Подача жалобы в Европейский суд по правам человека. М., 2012. Кн. 1 // СПС «КонсультантПлюс».

т.е. если судебное решение вступило в законную силу и подлежит исполнению. Это объясняется тем, что в данном случае речь идет уже не о праве на получение каких-либо социальных выплат, а о праве на реализацию «правомерного ожидания», возникшего на основании судебного решения (так называемого судебного долга (judgment debt)). Так, в постановлении по делу «Булгакова против Российской Федерации» Европейский суд подчеркнул, что «статья 1 Протокола № 1 к Конвенции не включает в себя право на получение собственности, в частности на получение социального пособия или пенсии. Она не устанавливает ограничения на свободу Высокой Договаривающейся Стороны принимать решение относительно того, выбирать ли конкретную форму схемы социального обеспечения или выбирать тип или размер выплаты, полагающейся в соответствии с такой схемой. Однако давно установившаяся практика Европейского суда заключается в том, чтобы рассматривать имущественные блага, присуждаемые национальными судами по искам против государства, независимо от оснований этих исков, как «имущество» по смыслу статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции... В то время как простое ожидание получать пенсию не защищается Конвенцией, «законное» ожидание влечет за собой защиту статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции. Ожидание может стать «законным», например, в силу... судебного решения»¹. Подобное толкование дало возможность российским гражданам обратиться в Европейский суд в связи с задержками в выплатах пенсий и социальных пособий (в частности, чернобыльцам).

Таким образом, социальные права охватывают одну из важнейших для человека сфер, связанных с социальной защищенностью на случай появления различных рисков. Будучи обусловлены уровнем экономического развития государства и степенью реализации экономических прав, они в то же время занимают самостоятельное место в системе прав человека, имея специфические целевые установки — гарантировать человеку минимально необходимый достойный уровень жизни. Однако абстрактность формулировок их содержания приводит к зависимости объема их реализации от специфики конкретной правоприменительной практики.

¹ Сагдеева Л.В. Право на защиту собственности в актах Европейского суда по правам человека. М., 2014 // СПС «КонсультантПлюс».

УЧЕТ ПРИОРИТЕТНОСТИ ПРАВА ЧЕЛОВЕКА НА ОХРАНУ ЗДОРОВЬЯ ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ ПРАВ

А.В. Латынцев

Конкретизация конституционного права на охрану здоровья и связанных с ним конституционно значимых принципов в сфере здравоохранения

По точному замечанию С.А. Сеницына, именно право, сохраняя баланс частных и публичных интересов, создает новые принципы и основы регулирования развивающихся социально-экономических отношений, облекая их в форму правоотношений. При этом нельзя не учитывать, что надстроечные категории в отличие от базиса по большей части сохраняют следы политизации при интерпретации правового регулирования конкретной эпохи, которое строится на основе соблюдения баланса частных и публичных интересов¹.

Всемирная организация здравоохранения отмечает, что охрана здоровья в качестве одного из прав человека налагает на социальное государство юридические обязательства по обеспечению своевременной, приемлемой и доступной по стоимости медицинской помощи надлежащего качества, а также соответствующих детерминант здоровья².

Часть 1 ст. 41 Конституции РФ закрепляет право каждого на охрану здоровья и медицинскую помощь. С данным конституционным

¹ См.: Сеницын С.А. Экономика и право: контуры взаимодействия в современном мире // Вестник Российской академии наук. 2019. № 2. С. 139–146.

² URL: <https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/human-rights-and-health>

правом непосредственно корреспондирует одна из базовых конституционных обязанностей Российской Федерации как социального государства по охране здоровья граждан, указанная в ч. 2 ст. 7 Конституции РФ.

В силу ч. 1 ст. 15 Конституции РФ перечисленные выше конституционные нормы имеют высшую юридическую силу и прямое действие. Однако российская Конституция (впрочем, как и конституции большинства других стран) не конкретизирует аспекты права граждан на охрану здоровья, в частности, на доступность лекарств и медицинских изделий.

В эффективном осуществлении конституционного права на охрану здоровья и медицинскую помощь (как и иных видов конституционных прав) существенную роль играет точная и полная детализация его в отраслевом законодательстве, а также закрепление в нормативных правовых актах способов и правовых механизмов его реализации.

Так, Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (далее — Закон об основах охраны здоровья) в ст. 4 конкретизирует основные принципы охраны здоровья, а в ч. 2 ст. 19 — категории, посредством которых обеспечивается право на охрану здоровья.

И.В. Тимофеев и Д.А. Лисовицкий указывают на взаимосвязь принципов доступности и качества медицинской помощи с положениями Конституции РФ, предлагают понимать данные принципы в качестве конституционно значимых¹.

Соглашаясь с названной правовой позицией, необходимо сказать, что доступность и качество медицинской помощи являются обязательной частью конституционного права на охрану здоровья, но данное право далеко не исчерпывается этими категориями.

В контексте проводимого исследования особого внимания заслуживает, то что в состав обязательных категорий, посредством которых обеспечивается право на охрану здоровья, Законом об основах охраны здоровья включено требование доступности качественных и безопасных лекарств.

Приоритетность конституционно значимых принципов охраны здоровья в гражданских правоотношениях

В сфере охраны здоровья можно проследить следующую нормативно-правовую последовательность соотношений конституционных, конституционно значимых и отраслевых правовых принципов, в частности принципов гражданского права.

¹ См.: Тимофеев И.В., Лисовицкий Д.А. Доступность и качество медицинской помощи в Российской Федерации как конституционно значимые принципы // Конституционное и муниципальное право. 2016. № 11. С. 31–37.

Безусловно, конституционное право на охрану здоровья и медицинскую помощь (ч. 1 ст. 41 Конституции РФ) и обязанность государства по охране здоровья людей (ч. 2 ст. 7 Конституции РФ) имеют высшую юридическую силу и прямое действие.

В силу ст. 55 Конституции РФ для достижения целей охраны здоровья людей не допускается отрицание или умаление иных общепризнанных прав и свобод, однако возможно их ограничение при одновременном наличии следующих условий:

- закрепление данных ограничений в федеральном законе;
- применение их только в необходимой мере.

Конституционное право на охрану здоровья и медицинскую помощь конкретизируется, в частности в Законе об основах охраны здоровья, что позволяет выделить закрепленные в нем соответствующие конституционно-значимые принципы. Так, согласно ч. 2 ст. 18 данного Закона право на охрану здоровья обеспечивается, в частности, производством и реализацией доступных лекарственных препаратов (соответственно, закрепляется конституционно-значимый принцип необходимости обеспечения доступности лекарственных препаратов).

Существенным пробелом в российском федеральном законодательстве следует признать отсутствие закрепленного в нем при конкретизации права на охрану здоровья четко выделенной потребности в обеспечении производства и реализации доступных медицинских изделий (т.е. конституционно значимого принципа необходимости обеспечения доступности медицинских изделий). При этом комплексный анализ российской нормативно-правовой системы позволяет сделать вывод, что данный конституционно-правовой принцип непосредственно вытекает из смысла правовых норм, закрепленных в Конституции РФ и Законе об основах охраны здоровья.

Таким образом, раскрывающие сущность конституционного права граждан на охрану здоровья конституционно значимые принципы, определенные, в частности, в Законе об основах охраны здоровья, имеют приоритет и прямое действие в гражданско-правовых отношениях.

Данный приоритет в первую очередь проявляется в предусмотренной в ст. 55 Конституции РФ возможности ограничения прав и свобод в целях охраны здоровья, фактически продублированной в ч. 2 ст. 1 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ) в контексте гражданских прав.

Таким образом, необходимость обеспечения установленных в ч. 2 ст. 18 Закона об основах охраны здоровья конституционно-значимых принципов (например, доступности лекарственных препаратов и медицинских изделий), может служить основанием для ограничения

гражданских прав, но только на основании законов федерального уровня и только в той мере, в какой это необходимо.

Данные выводы в полной мере распространяются также на правоотношения, регулируемые законодательством об охране интеллектуальной собственности, в частности, патентным правом.

При этом необходимо отметить довольно слабый учет требований, направленных на охрану здоровья, при регламентации в российском праве гражданско-правовых отношений, например в сфере осуществления интеллектуальных прав, что приводит к подавляющему доминированию, скажем, в патентном праве гражданско-правовых принципов, закрепленных в ст. 1 ГК РФ, и, как следствие, к приоритетности в судебной и иной правоприменительной практике интересов патентообладателей при недостаточном учете общественных интересов, в частности по вопросам национального здравоохранения.

И наоборот, имеет место слабый учет особенностей гражданско-правовых механизмов при регламентации правоотношений в сфере здравоохранения, что довольно подробно отражено, например, в работах С.А. Синицина¹, О.В. Гутникова² и других российских правоведов.

Фактически параллельное развитие гражданского законодательства и нормативного регулирования правоотношений по охране здоровья может приводить к недостаточной эффективности действующих и внедряемых правовых механизмов, а также к ограниченному взаимному учету целевых потребностей происходящих изменений в указанных сферах.

Модели ограничения исключительных прав патентообладателей в сфере здравоохранения

Поиск справедливого баланса разнонаправленных частных и общественных интересов является одной из наиболее проблемных тем, в том числе в современном патентном праве. Малоактивные либо недобросовестные действия патентообладателя, направленные исключительно на максимизацию прибыли, могут приводить к недостаточной доступности, в частности, инновационных лекарственных препаратов или медицинских изделий.

Поэтому помимо правового инструментария защиты интересов патентообладателей современное право должно содержать эффек-

¹ См.: Синицын С.А. Сравнительное патентное право: актуальные проблемы; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. М., 2022. С. 133.

² См.: Защита исключительных прав на изобретения, используемые в лекарственных препаратах: проблемы правового регулирования и направления совершенствования законодательства: монография / А.А. Аюрова, О.В. Гутников, С.А. Синицын и др.; отв. ред. О.В. Гутников, С.А. Синицын. М.: ИЗИСП; Контракт, 2019.

тивные механизмы учета интересов общества для обеспечения доступности вещей, в которых воплощены объекты патентной защиты, представляющие существенную социальную значимость. Одним из основных правовых механизмов учета общественных интересов в современном праве является ограничение исключительных прав патентообладателей.

Но эффективность применения данного механизма на практике, в том числе для поддержания справедливого компромисса общественных целей и интересов патентообладателей, требует взаимодействия довольно широкого круга заинтересованных сторон: разработчиков новых изобретений, технологий и т.п. (патентообладателей), инвесторов, производителей, государства, муниципалитетов, общественных организаций, потребителей и т.д. Поэтому необходимы разработка и правовая регламентация механизмов учета их интересов (зачастую противоречащих друг другу) с целью поиска взаимоприемлемого и справедливого компромисса.

Анализируя правовую природу ограничений исключительных прав, А.Л. Маковский отмечал, что пределы их осуществления уславливают особенности, изъятия из состава правомочий, образующих объем, содержание исключительного права. Такие ограничения в большинстве случаев формулируются в законе путем указания на те конкретные действия по использованию результатов интеллектуальной деятельности, которые могут по отношению к правообладателю совершать другие лица без его согласия¹.

На основании комплексного анализа отечественной и зарубежных систем правового регулирования ограничений исключительных прав патентообладателей можно выделить две основные модели:

1) первая модель — судебное ограничение исключительных прав в случаях, установленных ГК РФ. Данная модель требует не только детальной регламентации в законодательстве правового инструментария, которым могут оперировать суды, но и закрепления основных критериев и условий, при наступлении которых возникает право на обращение в суд с иском об ограничении чужих исключительных прав.

В настоящее время в рамках данной модели в российском праве регламентирован правовой институт принудительного лицензирования;

2) вторая модель — прямое ограничение исключительных прав решением государственных органов, указанных в ГК РФ.

¹ См.: Комментарий к части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации / под ред. А.Л. Маковского. М., 2008.

В настоящее время в рамках данной модели в российском праве регламентированы правовые институты использования по решению РФ:

а) объектов патентной охраны без согласия патентообладателя с целью обеспечения обороны и безопасности государства, охраны жизни и здоровья граждан (ст. 1360 ГК РФ);

б) изобретений для производства лекарственных средств в целях их экспорта в соответствии с международными договорами Российской Федерации (ст. 1360.1 ГК РФ).

К данной модели тяготеет правовой институт использования изобретения, полезной модели или промышленного образца при чрезвычайных обстоятельствах (ч. 3 ст. 1359 ГК РФ). Однако в связи с тем, что недостаточно конкретизирован в законе его правовой инструментарий и не указаны уполномоченные органы, принимающие решение о данном ограничении, он остается в основном декларативным.

Перечисленные правовые институты, регламентированные в рамках второй модели ограничения исключительных прав, предлагается объединить в один класс правоотношений с наименованием «безлицензионное (бездоговорное) правомерное возмездное использование объектов патентной охраны без согласия их патентообладателей».

При этом важно учитывать невозможность прямых аналогий ограничений права собственности на вещи с исключительными правами.

Учет параметров доступности лекарственных препаратов и медицинских изделий в патентном праве

Российское законодательство довольно часто использует термин «доступность» при описании социальных гарантий граждан. Например, Закон об основах охраны здоровья содержит термины «доступная медицинская помощь», «транспортная доступность медицинских организаций» и «доступность лекарственных препаратов».

Важно отметить, что в Федеральном законе от 12 апреля 2010 г. № 61-ФЗ «Об обращении лекарственных средств» термин «доступность лекарственных препаратов» отсутствует. Кроме того, на уровне федерального законодательства не используется термин «доступность медицинских изделий», что необходимо отнести к существенным пробелам российского законодательства, требующим скорейшего устранения.

ГК РФ оперирует термином «доступность» в контексте получения информации, восприятия произведений и т.п. При этом в российском патентном праве данный термин не используется.

В то же время за патентообладателем закреплено исключительное право разрешать или запрещать другим лицам использование результата интеллектуальной деятельности. По общему правилу для иных участников гражданского оборота установлен запрет на применение запатентованного результата интеллектуальной деятельности без согласия патентообладателя. Исключения допускаются только на уровне ГК РФ.

Таким образом, за патентообладателями фактически закреплено право непосредственно влиять на доступность продуктов и изделий, в которых используются соответствующие объекты патентной охраны.

В условиях рыночной экономики воздействие на доступность востребованной рынком продукции влияет на ценообразование и создает условия для получения патентообладателями дополнительных доходов, что может создавать предпосылки для злоупотреблений со стороны недобросовестных правообладателей.

Необходимы эффективные правовые механизмы сглаживания указанных диспропорций, которые могут возникать на практике.

В современных реалиях отдельно необходимо учитывать влияние зарубежных санкций на доступность продукции. Особенно данная проблематика актуальна для социальной сферы, в первую очередь при обеспечении жителей инновационными, более эффективными и качественными лекарственными препаратами и медицинскими изделиями.

По обоснованному утверждению академика РАН Р.У. Хабриева, доступность лекарственных средств — важнейшее условие обеспечения качества и эффективности медицинской помощи¹.

С.А. Сеницын по результатам комплексного анализа патентных правоотношений пришел к выводу, что социальная ориентация права в условиях современности практически исключает отождествление исключительных прав патентообладателя с легальной и абсолютной монополией. Обратный ход рассуждений спровоцировал бы недоступность лекарственных средств для населения и их использование в лечебном процессе при нарастающих эгоистических усмотрениях патентообладателя, гонящегося за сверхприбылью и контролирующего рынки производства и сбыта продукции, что заведомо противоречило бы гуманитарной миссии и социальной ценности права. Сложившийся мировой порядок с выстроенной правом иерархией ценностей и объектов правовой охраны позволяет утверждать, что в цивилизованном обществе оборот товаров здравоохранения (медицинские услуги, медикаменты) в отличие от прочих товаров потреб-

¹ URL: <https://nrph.ru/novosti/habriev-2022-06-16>

ления в большей степени обусловлен не экономическими, а этическими критериями¹.

Данную проблему отмечает и председатель Суда по интеллектуальным правам Л.А. Новоселова: «В фармацевтической области, к примеру, компании стремятся всеми возможными путями обеспечить сохранение правовой охраны лекарственных препаратов, патентуя способы их использования и т.д. А люди не могут получить аналогичных лекарств по приемлемой цене. Смущает, что у нас, по сути, громче всего звучит голос одной стороны — как правило, даже не авторов, а правообладателей. Голоса общества в таких сложных этических вопросах мы практически не слышим, нет юристов, нацеленных на защиту публичных интересов в этой сфере. В юридической литературе об интеллектуальных правах эта тема практически не поднимается»².

Отсутствие эффективных рассматриваемых правовых механизмов сглаживания отмеченных проблем вызывает необходимость дорогостоящего так называемого ручного управления за происходящими процессами в сфере здравоохранения. Например, в первом пункте Перечня поручений по итогам совещания с членами Правительства РФ, утвержденного Президентом РФ 24 октября 2021 г. № Пр-1998, указана необходимость обеспечения ежесуточного мониторинга доступности лекарственных средств и медицинских изделий для оказания медицинской помощи больным коронавирусной инфекцией (COVID-19) в амбулаторных и стационарных условиях.

Выводы и предложения

Несмотря на то что приоритетность конституционного права граждан на охрану здоровья и медицинскую помощь ни у кого не вызывает сомнения, для эффективной реализации данного права на практике требуется дальнейшая конкретизация его составляющих, в том числе в отраслевом законодательстве. При этом необходимы выделение и систематизация раскрывающих сущность рассматриваемого конституционного права конституционно значимых принципов, закрепленных, например, в Законе об основах охраны здоровья, которые также должны признаваться приоритетными в гражданских (в частности, патентных) правоотношениях в процессе правоприме-

¹ Защита исключительных прав на изобретения, используемые в лекарственных препаратах: проблемы правового регулирования и направления совершенствования законодательства: монография / А.А. Аюрова, О.В. Гутников, С.А. Сеницын и др.; отв. ред. О.В. Гутников, С.А. Сеницын. М.: ИЗИСП; Контракт, 2019.

² Пискунов Я. Создание специализированных судов по интеллектуальным спорам — общемировая тенденция: интервью с Л.А. Новоселовой // Закон. 2015. № 11. С. 6–19.

нительной практики. Так, можно выделить конституционно значимые принципы необходимости обеспечения доступности лекарственных препаратов и медицинских изделий.

Данный приоритет проявляется, например, в возможности ограничения исключительных прав недобросовестных или недостаточно эффективно действующих патентообладателей в целях охраны здоровья граждан в соответствии со ст. 55 Конституции и ч. 2 ст. 1 ГК РФ, но только на основании соответствующих правовых норм ГК РФ и только в той мере, в какой это необходимо.

При этом в качестве критериев данной необходимости в правоприменительной практике могут быть использованы параметры доступности — в сфере здравоохранения в первую очередь лекарственных препаратов и медицинских изделий.

Особую актуальность для отечественного здравоохранения в современных реалиях в условиях зарубежных санкций приобретают внедрение и дальнейшее развитие правовых механизмов учета приоритетности конституционно значимых принципов необходимости обеспечения доступности лекарственных препаратов и медицинских изделий, в частности при ограничении исключительных прав недобросовестных либо недостаточно эффективно действующих патентообладателей (в первую очередь иностранных).

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА В СФЕРЕ КУЛЬТУРЫ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Е.А. Савченко

Говоря о значимости данной темы, приведем слова Бисмарка, который еще в XIX в. говорил, что русских невозможно победить (и в этом мы убедились за много лет), но можно привить им ложные ценности, и тогда они победят сами себя. Поэтому нельзя не акцентировать внимание на формировании информационного пространства в сфере культуры («Цифровая культура»)¹, которое преобразует культурные права человека.

Цифровизация существенно влияет на правовое регулирование фундаментальных прав человека, и это уже неоспоримый факт. В классическом понимании права человека «определяются через категорию возможности и представляются как установленная международным правом, конституциями и законами мера возможности индивида избирать вид и форму своего поведения в различных сферах»².

Фундаментальные права дополняются «новыми правами и правомочиями, во-первых, углубляющими защиту уже признанных основных прав и свобод, во-вторых, выводящими в круг объектов правового регулирования новые ценности и, в-третьих, реанимирующими значимость давно провозглашенных, но так и не получивших

¹ Паспорт национального проекта «Культура», утвержденный президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам (протокол от 24 декабря 2018 г. № 16).

² Права человека в условиях глобализации и их защита в международном частном праве (междисциплинарное исследование): коллективная монография: в 2 кн. / под общ. ред. А.И. Кривенького. Кн. I. М., 2016. С. 12.

надлежащую правовую защиту благ»¹. Можно сказать, что появляются так называемые права в цифре. Применительно к теме нашего исследования в качестве «культурных прав в цифре» можно отметить:

- право на доступ, использование, создание и публикацию цифровых произведений;
- право на доступ к цифровым информационным ресурсам о культуре;
- право на использование NFT-токенов как аналога цифрового сертификата, который закрепляет право владения уникальным цифровым объектом в сфере культуры.

Безусловно, концепция культурных прав человека будет меняться в зависимости от условий их реализации и применения той или иной цифровой технологии. Стремительное развитие технологий углубляет конфликт интересов государства и общества в вопросах обеспечения отдельных видов прав человека². Целью данной статьи является рассмотрение вопроса о необходимости модернизации правового регулирования, обеспечивающего сбалансированность рисков, связанных с использованием цифровых технологий в сфере культуры.

В рамках исследования также затронут вопрос о необходимости создания соответствующих правовых инструментов, способствующих обеспечению определенных барьеры в целях снижения негативного влияния на реализацию культурных прав невзаимозаменяемых токенов³, искусственного интеллекта, и здесь нельзя не обратить внимания на слова главы SpaceX Илона Маска, соучредителя Apple Стива Возняка, Эндрю Янга и еще около тысячи исследователей искусственного интеллекта, которые призвали «немедленно приостановить» обучение «более мощных, чем GPT-4», систем искусственного интеллекта⁴.

Как ранее было отмечено, цифровые технологии активно трансформируют все стороны общественной жизни, в том числе и культурные права человека. Однако нельзя забывать, что Всеобщая декларация прав человека 1948 г., Международный пакт об экономи-

¹ Умнова-Конюхова И.А. Право быть человеком — фундаментальное право и конституционный нарратив в системе личных прав и свобод в парадигме гуманизма // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 11. С. 41–46.

² См.: Черногор Н.Н., Залоило М.В. Совершенствование правового регулирования общественного обсуждения проектов нормативных актов // Право: журнал Высшей школы экономики. 2018. № 4. С. 74–92.

³ NFT стали новой формой закрепления прав на произведения искусства с использованием технологии блокчейн, позволяющей точно контролировать авторские права и право собственности на эти предметы (директор Центра технологий распределенных реестров СПбГУ Максим Рукинов).

⁴ URL: <https://habr.com/ru/news/725522/>

ческих, социальных и культурных правах 1966 г. являются международными стандартами в области прав человека, включая культурные права¹. Вспомним, что Декларация была протестом против ужасов Второй мировой войны, поэтому, исходя из широкого спектра используемой базы², в ней стали рассматриваться такие разделы прав, как социальные, экономические, культурные. Говоря об основных положениях Декларации, следует обратить внимание на то, что культурные права выделены как самостоятельный блок прав «каждый человек имеет право свободно участвовать в культурной жизни общества, наслаждаться искусством, участвовать в научном прогрессе и пользоваться его благами» (ст. 27)³.

Необходимо согласиться, что «культурные права настолько тесно связаны с другими правами человека, что иногда трудно провести черту между культурными и другими правами»⁴. Например, некоторые ученые социальные, экономические и культурные права рассматривают в едином блоке «социально-экономические права и свободы»⁵.

Профессор Б.С. Эбзеев считает, что среди социально-экономических прав граждан можно выделить: трудовые права; социальные и культурные права; право собственности и свободу предпринимательства⁶.

Академик Российской академии наук Т.Я. Хабриева и профессор В.Е. Чиркин отмечают, что «многие из социально-экономических прав, к которым относятся и культурные права, в странах англо-саксонского права не считаются правами в субъективном смысле, а сама группа социально-экономических прав нередко относится к числу моральных, а не так называемых позитивных, не собственно юридических»⁷.

В.М. Баранов и Е.В. Колесников указывают, что «многообразие основных прав и свобод ... требуют вычленения однородного содер-

¹ См.: Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г.).

² См.: Английская Великая хартия вольностей, Декларация независимости США и Билль о правах, французская Декларация прав человека и гражданина.

³ Там же.

⁴ Волкова Н.В. Культурные права как отдельная категория системы прав человека: международно-правовые аспекты // Вестник РУДН. Сер. «Юридические науки». 2013. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kulturnye-prava-kak-otdelnaya-kategoriya-sistemy-prav-cheloveka-ezhdunarodno-pravovye-aspekty>

⁵ См.: Козлова Е.И., Кутафин О.Е. Конституционное право Российской Федерации: учебник. 3-е изд. М., 2003. С. 278–288.

⁶ См.: Эбзеев Б.С. Человек, народ, государство в конституционном строе Российской Федерации: монография. 2-е изд. М., 2017. С. 175.

⁷ Хабриева Т.Я., Чиркин В.Е. Теория современной конституции. М., 2005. С. 167.

жания и дифференциацию на относительно обособленные, но взаимосвязанные права — социальные, экономические, культурные»¹.

Следует согласиться, что право на образование «целесообразно рассматривать в качестве комплексного социального и культурного права (ст. 43 Конституции РФ)»², это же подтверждается и тем, что вопросы культуры регулируются отдельным блоком законодательства³.

По мнению Т.Е. Мельника, культурные права должны подчиняться логике развития в законодательстве именно социальных прав⁴. Однако обоснование состоятельности видовой категории социальных прав находится в поле дискуссии⁵.

Особенностями культурных прав являются духовное развитие человека и нацеленность на творческую самореализацию личности. Кроме того, культурные права «характеризуются правом индивида требовать от государства положительной деятельности (гарантий) по созданию условий для реализации признаваемых за ним прав»⁶.

В соответствии с Конституцией РФ культурные права — это право:

- на свободу различных видов творчества;
- на участие в культурной жизни и пользование учреждениями культуры;
- на доступ к культурным ценностям;
- на охрану интеллектуальной собственности, что является чрезвычайно ценным поскольку «достижения в области науки и техники, а также произведения литературы, искусства представляют собой некий интеллектуальный запас нашей страны, который можно сравнить с национальным богатством государства»⁷.

¹ Баранов В.М., Колесников Е.В. Конституция Российской Федерации и развитие конституционных социальных прав граждан // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2018. № 4 (44). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/konstitutsiya-rossiyskoy-federatsii-i-razvitie-konstitucionnyh-sotsialnyh-prav-grazhdan>

² Там же.

³ См.: Основы законодательства Российской Федерации о культуре, утвержденные ВС РФ 9 октября 1992 г. № 3612-1.

⁴ См.: Мельник Т.Е. Концепция развития законодательства о культуре // Концепции развития российского законодательства / под ред. Т.Я. Хабриевой, Ю.А. Тихомирова. М., 2010. С. 382.

⁵ См.: Путило Н.В. Социальные права граждан: история и современность. М., 2007. С. 142.

⁶ Ивакина Д.С. Культурные права и свободы человека и гражданина: вопросы содержания, методологии и классификации // Журнал российского права. 2020. № 4. С. 28–41.

⁷ Хазова В.Е., Воронина Н.А. Право на культуру и образование в Российской Федерации // Криминологический журнал. 2020. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravo-na-kulturu-i-obrazovanie-v-rossiyskoy-federatsii>

Право на свободу литературного, художественного, научного, технического и других видов творчества основано на нормах международного права, предусмотренных в декларациях и пактах. Именно Всеобщая Декларация прав человека закрепила «право каждого на защиту его моральных и материальных интересов, являющихся результатом научных, литературных или художественных трудов, автором которых он является»¹.

В Международном пакте о социальных, экономических и культурных правах, принятом Генеральной Ассамблеей ООН 16 декабря 1966 г., имеются положения, позволяющие раскрыть содержание свободы литературного, художественного, научного, технического и других видов творчества. Так, исходя из анализа норм данного международного договора, следует, что каждый человек вправе:

- принимать участие в культурной жизни;
- пользоваться результатами образования, научного прогресса и применять их на практике;
- пользоваться защитой моральных и материальных интересов, возникающих в связи с научными, литературными или художественными трудами, автором которых он является².

Новая редакция ст. 68 Конституции РФ дополнена пунктом «культура в Российской Федерации является уникальным наследием ее многонационального народа. Культура поддерживается и охраняется государством», что можно рассматривать как гарантию обеспечения культурных прав человека и конституционное закрепление обязанности государства способствовать этому. В связи с этим нельзя не отметить, что Министерством культуры во исполнение Указа Президента РФ о национальных целях и стратегических задачах разработан паспорт национального проекта «Культура»³, который включает в себя три федеральных проекта: «Культурная среда», «Творческие люди», «Цифровая культура». Цель данного национального проекта — создание единого информационного пространства в сфере культуры для доступа к культурным ценностям всех граждан.

Единое информационное пространство в сфере культуры состоит из федеральных базовых цифровых информационных ресурсов⁴ и

¹ Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г.).

² См.: Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах (принят 16 декабря 1966 г. Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН).

³ См.: Паспорт национального проекта «Культура», утвержденный президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам (протокол от 24 декабря 2018 г. № 16).

⁴ «Культура.РФ» (culture.ru); портал популяризации истории «История.РФ» (histrf.ru); портал Национальной электронной библиотеки (нэб.рф); государственный каталог

региональных и муниципальных базовых информационных ресурсов о культуре¹.

Подчеркнем, что основная задача базовых цифровых информационных ресурсов о культуре — способствовать доступу к культурным ценностям всех граждан независимо от места их проживания, т.е. появляется новое право, а именно право на доступ к цифровым информационным ресурсам о культуре.

Однако необходимо обратить внимание на то что реализация конституционных прав граждан Российской Федерации в части доступа к культурному наследию и участию в культурной жизни страны путем использования информационных технологий не вполне достигается.

Например, небольшой мини-опрос граждан разной возрастной категории показал, что мало кто знает о создании портала «Культура», о платформе цифровых гидов по музеям и выставочным проектам в дополненной реальности «Артефакт» и других вышеназванных базовых цифровых информационных ресурсов о культуре. Кроме того, не все умеют пользоваться цифровыми информационными ресурсами о культуре.

Только в некоторых субъектах есть Положения о порядке организации обучения компьютерной грамотности неработающих пенсионеров, например: Псковская² и Саратовская области³, Чеченская республика⁴, Хабаровский край⁵. Человек, который выходит на пенсию, особенно нуждается в обучении цифровой грамотности, т.е. людей пожилого возраста нужно учить информационному про-

Музейного фонда Российской Федерации (goskatalog.ru); платформа цифровых гидов по музеям и выставочным проектам в дополненной реальности «Артефакт» (ar.culture.ru); официальные сайты и другие информационные ресурсы организаций культуры, подведомственных Минкультуры России.

¹ Перечень региональных и муниципальных базовых информационных ресурсов о культуре определяется субъектом Российской Федерации в рамках регионального проекта.

² См.: Постановление Администрации Псковской области от 16 июля 2015 г. № 330 «О порядке организации обучения компьютерной грамотности неработающих пенсионеров, проживающих на территории Псковской области».

³ См.: Постановление Правительства Саратовской области от 20 октября 2015 г. № 532-П «Об утверждении Положения о порядке организации обучения компьютерной грамотности неработающих пенсионеров, являющихся получателями страховых пенсий по старости и по инвалидности, проживающих на территории Саратовской области».

⁴ См.: Постановление Правительства Чеченской Республики от 13 октября 2015 г. № 175 «Об утверждении Порядка организации обучения компьютерной грамотности неработающих пенсионеров в Чеченской Республике».

⁵ См.: Постановление Правительства Хабаровского края от 6 августа 2020 г. № 335-пр «Об утверждении Порядка организации обучения компьютерной грамотности неработающих пенсионеров, проживающих в Хабаровском крае».

странству жизни. Необходимо популяризовать как цифровые информационные ресурсы о культуре, так и имеющиеся программы обучения граждан старшего поколения и людей с ограниченными возможностями умению пользоваться этими ресурсами.

Единое информационное пространство в сфере культуры создается для человека, но пользуется этим небольшая группа общества, потому что мало кто знает, что существуют цифровые информационные ресурсы о культуре. Здесь, безусловно, нужна масштабная социальная реклама. Следует согласиться, что «высокий уровень гарантированности культурных прав в том или ином государстве свидетельствует о развитости данного государства в различных областях»¹.

Единое информационное пространство в сфере культуры — это не только цифровизация сферы культуры, но и объекты цифровой культуры, и это разные понятия, а соответственно, и разное понимание культурных прав.

Цифровизация сферы культуры — это изучение, сохранение, распространение и потребление культурных ценностей и культурных благ на основе цифровых технологий, а именно: 1) использование искусственного интеллекта и технологии дополненной реальности;

2) цифровых образов документов, книг, предметов искусства;

3) онлайн-обучения различным видам искусства;

4) специализированных информационных систем, которые позволяют вести государственный учет объектов культуры и культурных ценностей.

Цифровая культура — это не только применение новых технологий, но и создание новых объектов, обладающих художественной ценностью и не имеющих физического воплощения в реальном мире, т.е. любое произведение можно оцифровать и конвертировать в виде уникального невзаимозаменяемого токена, который будет храниться в блокчейне. Например, в распоряжении Правительства РФ от 29 октября 2022 г. № 3218-р «Об утверждении плана основных мероприятий по подготовке и проведению празднования 225-летия со дня рождения А.С. Пушкина» предусмотрена цифровая NFT-выставка, посвященная персонажам произведений А.С. Пушкина (сентябрь 2024 г.).

Однако российское законодательство не регулирует создание и обращение NFT. И здесь возникает вопрос, а попадает ли данный вид токенов под понятие цифровых прав в смысле ст. 141.1 Гражданского кодекса Российской Федерации? Как влияют на культурные

¹ Осавелюк А.М., Чепурнова Н.М., Хазов Е.Н., Чихладзе Л.Т., Зиборов О.В., Эриашвили Н.Д. и др. Конституционное право России. М., 2020.

права невзаимозаменяемые токены? С одной стороны, покупая NFT-токен, тот или иной субъект фактически приобретает цифровой сертификат на объект культуры, т.е. в сущности код, который подтверждает, что именно владелец токена является владельцем оригинальной копии объекта. NFT-токен можно сравнить с картиной, которая может принадлежать галерее, музею или частному лицу, но при этом сохраняется, как правило, право на доступ граждан и возможность увидеть цифровую копию объекта в каталоге или на выставке.

Однако если эту ситуацию рассмотреть на примере, когда компания Injective Protocol выкупила картину Бэнкси за 95 тыс. долл. и сожгла ее в прямом эфире, то, несмотря на то что с помощью блокчейна картину сразу преобразовали в NFT-токен, возникает вопрос: а сохранилось ли в данном случае право на доступ граждан и возможность увидеть цифровую копию данной картины?

С другой стороны, это новое право автора — возможность «формировать на основе своего произведения NFT-токен»¹. В связи с этим нельзя не отметить, что шкала нарушения прав правообладателей неуклонно растет, поскольку многие авторы обнаруживали свои произведения токенизированными и принадлежащими неизвестным им лицам.

Нужно согласиться с профессором Ю.С. Харитоновой, что «токенизированные объекты цифрового искусства могут являться охраноспособными либо не признаваться таковыми по действующему законодательству, однако токен всегда является уникальным в силу технологии его создания объектом, имеющим ценность для оборота»².

Безусловно, уровень развития технологий требует уточнения нормы законодательства об интеллектуальной собственности. Использование человеком NFT-токенов не исключает возникновения авторских прав. Между тем не охраняется авторским правом произведение, созданное при помощи технических средств без творческого характера деятельности человека, например фото- и видеосъемка камерой наблюдения, применяемой для фиксации административных нарушений.

Таким образом, право на свободу литературного, художественного, научного, технического и других видов творчества в условиях цифровизации также требует детального научного осмысления как с точки зрения качества «культурного контента», так и с точки зрения правовой охраны.

¹ См.: Вавилин Е.В. NFT-токены: гражданско-правовой и процессуальный режим // Вестник гражданского процесса. 2023. № 1. С. 62–78.

² Харитонова Ю.С. Токенизация искусства и право интеллектуальной собственности // Юрист. 2021. № 9. С. 65–73.

Настоящее исследование не исчерпывает всего массива проблем правового регулирования культурных прав в условиях цифровизации, в частности понятия NFT-токенов, поскольку этому должна быть посвящена отдельная статья с учетом того, что данное понятие не является устоявшимся и общеупотребительным.

Подводя итог вышесказанному, отметим, что модернизация правового регулирования, обеспечивающего сбалансированность рисков, связанных с использованием цифровых технологий в сфере культуры, должна учитывать следующие аспекты:

1) культурные права в условиях цифровизации предоставляют дополнительные возможности для творческого развития и самореализации в создаваемом информационном пространстве в сфере культуры, а также более широкий доступ к культурным ценностям.

Однако действующее законодательство не содержит положений, регулирующих:

– право на доступ к цифровым информационным ресурсам о культуре;

– право на доступ, использование, создание и публикацию цифровых произведений;

– право на использование NFT-токенов как аналога цифрового сертификата, который закрепляет право владения уникальным цифровым объектом в сфере культуры;

2) конституционное право на свободу литературного, художественного, научного, технического и других видов творчества в условиях цифровизации требует определения критериев качественного «культурного контента», а также внесения изменений в законодательство с точки зрения правовой охраны, созданных цифровых объектов культуры;

3) уровень развития цифровых технологий диктует уточнение нормы законодательства об интеллектуальной собственности;

4) отмечается негативное влияние на культурные права невзаимозаменяемых токенов, регулирование которых в настоящее время отсутствует в законодательстве;

5) основным барьером в реализации культурных прав человека в условиях цифровизации является отсутствие: социальной рекламы об имеющихся цифровых информационных ресурсах о культуре;

– доступа к Интернету (например, высокая цена за услугу или географический фактор);

– навыков пользования цифровыми информационными ресурсами о культуре.

О ЗАЩИТЕ ЦИФРОВЫХ ПРАВ ЛИЧНОСТИ, СВЯЗАННЫХ КРИПТОСФЕРОЙ

О.А. Степанов

В условиях цифровой трансформации общественных отношений право призвано вобрать в себя представления о человеке, о его правах и свободах.

Цифровые права личности — это обязательственные и иные права, содержание и условия осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационной системы, отвечающей установленным законом признакам¹. Особенно чувствительными такие права личности проявляются в криптовалютной сфере (далее — криптосфера).

Появление и активная популяризация криптовалют, с одной стороны, и неопределенность относительно их правовой природы, с другой, могут существенно повлиять на национальную экономику в связи с необходимостью последовательного поддержания платежного баланса. При этом незащищенность прав личности в криптосфере от криминогенных рисков делает ее социально опасной.

В 2022 году в мире насчитывается около 320 млн пользователей криптовалют. При этом Россия, где криптовалютой владеют около 10% населения, занимает третье место по степени зрелости криптовалютного рынка, поскольку порядка 10–14 млн криптокошельков, эквивалентных более чем 200 млрд долл., находятся в настоящее время в распоряжении российских граждан. По оценкам специалистов, к началу 2023 г. криптовалютная индустрия фактически оформилась как полноценная структурная единица мировой экономики,

¹ См.: Новоселова Л., Габов А., Савельев А. и др. Цифровые права как новый объект гражданского права // Закон. 2019. № 5. С. 31–55.

а криптовалютные активы стали обязательной составной частью инвестиционных портфелей. Согласно заявлению председателя Комитета Государственной Думы РФ по финансовому рынку А. Аксакова в 2023 г. криптовалюта появится в России в качестве легального продукта, который можно будет использовать для оплаты поставок по параллельному импорту. Данная мера направлена на обход разнообразных санкций, введенных против российского государства, которое рассчитывает на получение нового способа экспорта энергоносителей в виде майнинга, защищенного от санкционного воздействия.

Наряду с этим представляет практический интерес концепция цифрового рубля, подготовленная Центральным Банком России (далее — ЦБ) в 2020 г., согласно которой такой рубль должен обладать: простотой использования, высокой скоростью выполнения операций; надежностью, повсеместностью приема, безопасностью хранения, конфиденциальностью, удобством конвертации, круглосуточным доступом, использованием в офлайн-режиме¹.

Основное отличие цифрового рубля от безналичных денег — его обращение в блокчейне. Такой рубль можно будет программировать так, чтобы использовать только для оплаты конкретных услуг или продуктов, т.е. из денежной массы деньги перейдут в денежную базу². Сочетая в себе свойства двух денежных форм, цифровые рубли можно зачислять на электронный кошелек и производить расчеты с помощью мобильных устройств и других носителей как в онлайн-режиме, так и без доступа к Интернету. При таких платежах будут отсутствовать комиссии за перевод в отличие от безналичных (при оплате банковской картой взимаются комиссии в пользу платежных систем).

Значение цифрового рубля для экономики формируется из совокупности определенных криминологических преимуществ его использования для субъектов экономики, поскольку безопасность и конфиденциальность использования цифрового рубля за счет наличия уникальных номеров цифровых рублей позволяют отследить их движение и упростить восстановление нарушенных прав владельца в случае их утраты или хищения. Кроме того, при интеграции цифрового рубля и взаимосвязанного с ним смарт-контракта перечисление целевых бюджетных средств будет осуществляться при выпол-

¹ См.: Концепция цифрового рубля: доклад Банка России / Центральный банк Российской Федерации. 2021. URL: https://cbr.ru/Content/Document/File/120075/concept_08042021.pdf

² ЦБ определился с форматом ввода цифрового рубля как новой формы денег. Чтобы платить клиентам банков без Интернета, придется завести два кошелька. URL: <https://www.rbc.ru/finances/08/04/2021/606dd6c49a7947c8d84009ed>

нении заранее заданных условий, а также путем прослеживания транзакций при помощи единой платформы ЦБ как меры, направленной против отмывания денег и финансирования терроризма. Кроме того, каждая транзакция будет подтверждаться электронной подписью отправителя.

С точки зрения защиты прав личности, наибольший интерес представляет такой вид смарт-контрактов, как рикардианские контракты, которые по своему содержанию являются гибридными юридическими контрактами, связывающими стороны юридическим соглашением перед выполнением действий в сети блокчейн¹.

Такие документы являются уникальными, поскольку они подписываются криптографически и отвечают на вопрос: что делать, если появятся какие-либо последствия после выполнения конкретных действий? А каждая значимая составляющая в контракте имеет уникальную идентификацию, способна осуществить проверку целостности данных, защиту файлов, обнаружить зловерное программное обеспечение. При этом условия контракта, прежде чем превратиться в машиночитаемую форму, согласовываются обеими сторонами. Исходя из этого, никто не может произвольно изменить содержание такого юридического соглашения, а сторонами определяются не только сфера действия контракта, но и участники обмена требуемой информацией, а также в юридических терминах правила, которые могут быть использованы для разрешения спора. Транзакции с использованием цифрового рубля становятся безопаснее и прозрачнее² за счет процедуры согласования юридического соглашения и условий сделки между пользователями для его исполнения в сети блокчейн³.

Указанные выше обстоятельства допускают актуальность постановки вопроса о рассмотрении рикардианских контрактов в качестве юридически значимых при введении цифрового рубля в общественную практику как инструмента противодействия коррупции.

Поскольку инфраструктура цифрового рубля позволит отслеживать транзакции, а контролирующим органам будет доступна информация обо всех перечислениях, а также о назначении переводов⁴, то

¹ См.: Что такое рикардианские контракты? Полное руководство. URL: <https://101blockchains.com/ru/рикардианские-контракты/>

² См.: Цифровой рубль: как будет устроена новая форма оплаты в России. URL: <http://iang.org/papers/fc7.html>

³ См.: Процедура согласования договоров внутри организации. URL: <http://iang.org/ricardian/>

⁴ При введении цифрового рубля его транзакции анонимными не будут, поскольку данные пользователей станут учитываться на специальной платформе ЦБ, который будет поставлять цифровой рубль на цифровой кошелек коммерческого банка в обмен на списание денег с корреспондентского счета.

для государства плюсы введения цифрового рубля связаны с контролем за расходованием бюджетных средств, снижением издержек на администрирование бюджетных платежей за счет их абсолютной прозрачности. Однако с точки зрения обеспечения прав личности в процессе введения цифрового рубля довольно много переменных, которые еще не определены.

Управление Верховного комиссара ООН по правам человека в докладе «Право на неприкосновенность личной жизни в цифровой век» (30 июня 2014 г.) возложило и на государства, и на частные структуры обязательство по охране личной жизни перед лицом новых технологий¹.

Статья 23 Конституции РФ провозглашает, что каждый имеет право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну².

С учетом этого реализация гарантий безопасности человека предполагает необходимость установления определенных компромиссов между личностью и государством, поскольку далеко не все лица будут заинтересованы, например, в исключении конфиденциальности производимых ими платежей.

Характер таких компромиссов должен определяться возможностью настройки правовой системы на режим действия, основанный на реализации принципа ограниченной рациональности, т.е. на выборе удовлетворительной, а не оптимальной альтернативы ее функционирования в части обеспечения качества издаваемых законов и повышения информированности граждан о реализации нормативно-правовых документов, связанных, в том числе с противодействием преступным проявлениям в криптосфере³.

С учетом этого правовой механизм защиты цифровых прав личности должен опираться на следующие базовые принципы:

– принцип справедливости, согласно которому меры, предпринимаемые в отношении конкретного лица по поводу его действий, касающихся использования криптовалюты, должны исходить из возможности обеспечения баланса интересов личности, общества и государства;

– принцип адекватного реагирования на любое криминогенное проявление, исходя из которого правонарушитель в обязательном порядке подвергается конкретным мерам государственного воздей-

¹ См.: Неприкосновенность частной жизни онлайн: доклад Управления Верховного комиссара ООН по правам человека. URL: <https://www.lawtrend.org/information-access/tretij-komitet-oon-o-prave-na-neprikosnovennost-lichnoj-zhizni-v-epohu-tsfirovyh-tehnologij>

² См.: Конституция Российской Федерации // СЗ РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.

³ См.: Степанов О.А. Правовое воздействие на развитие цифровой среды в обществе: монография. М., 2021. С. 63.

ствия независимо от его должностного, профессионального, имущественного статуса, а правоохранительные органы призваны обеспечить нейтрализацию негативных последствий, связанных с использованием криптовалюты в общественной практике.

Реализация этих принципов предполагает внесение поправок в уголовное, а также в уголовно-процессуальное законодательство, касающихся конфискации цифровых активов, заработанных преступным путем либо используемых для дачи взяток и отмыwania бюджетных средств. Кроме того, необходимо предложить подходы к созданию гибкого и эффективного регуляторного механизма, способного обеспечивать благоприятный правовой режим в криптосфере для личности в части установления прав, обязанностей, ответственности органов государственной власти, организаций и граждан путем выделения уровней законодательного регулирования, а также разграничения компетенции федеральной, региональной и местной власти.

Представляется, что на федеральном уровне должны осуществляться функции правового регулирования, устанавливаться цели, задачи функционирования и координации деятельности правоприменительных структур, связанных с криптосферой.

На уровне субъектов Российской Федерации должны осуществляться оперативно-распорядительные функции, касающиеся реализации региональных мер правоприменения с учетом развития криптосферы на подведомственных территориях.

На уровне местного самоуправления должны осуществляться участие населения в проведении экспертизы проектов соответствующих нормативных актов, а также информирование населения о результатах проведения правоохранительными органами мероприятий по предупреждению преступлений в криптосфере.

Фактически речь идет о необходимости доктринального обоснования как на законодательном, так и правоприменительном уровнях отдельных элементов механизма защиты прав личности, связанных с криптосферой. При этом само по себе появление цифровых прав личности актуализирует вопрос о гармонизации интересов государства и человека в криптосфере с учетом конституционных обязанностей личности. Данное обстоятельство предопределяет интерес к *реализации концепции правоохранительного конституционализма*, которая имеет универсальное межотраслевое значение не только для протворчества, но и для правоприменения.

Поскольку правоохранная деятельность в ее конституционно-правовом понимании, по мнению Н.С. Бондаря, связана с охраной, защитой самого права, призванного обеспечивать равную для

всех меру свободы¹, то необходимо вести речь не только о повышении роли и совершенствовании конституционных основ правоохранительной деятельности, но и о более глубоком понимании природы правоохранных отношений, касающихся возможностей конституционного влияния на развитие новых реалий, в том числе на многоотраслевую систему правоохранительного законодательства и на правоохранительную практику. Представляется, что именно в этом направлении должна происходить дальнейшая концентрация основополагающих нормативно-правовых и доктринальных предпосылок формирования правоохранительного конституционализма, связанных с защитой прав личности в криптосфере, поскольку идея о том, что доверие в обществе можно обеспечить посредством программирования, а не развития права и законности, пока не выглядит убедительной.

¹ См.: Бондарь Н.С. Правоохранительный конституционализм как новое направление современной теоретической и практической юриспруденции // Российская юстиция. 2022. № 5. С. 3–11.

ПРАВА И СВОБОДЫ ГРАЖДАН В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ НАЛОГОВОЙ СФЕРЫ

О.О. Журавлева

Актуальная на протяжении уже более 10 лет тема цифровизации и цифровой трансформации тесно связана с проблематикой прав и свобод граждан¹. Среди базовых принципов, упоминаемых во Всеобщей декларации прав человека, принятой Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г. (далее — Всеобщая декларация прав)², провозглашены: 1) равенство; 2) защита от произвольного вмешательства в личную и семейную жизнь; 3) наличие не только прав, но и обязанностей человека перед обществом; 4) законность и соразмерность ограничений прав человека (ст. 2, 12, 29).

Эти и иные положения Всеобщей декларации прав человека нашли отражение в Конституции Российской Федерации³, а также в

¹ См.: Права человека в информационной сфере в условиях цифровизации: научн.-практ. пособие / Н.С. Волкова, А.С. Емельянов, А.А. Ефремов и др.; отв. ред. Л.К. Терещенко. М., 2023.

² Российская газета. 1995. № 67.

³ См.: Часть 1 ст. 23, ч. 3 ст. 55, ст. 57 Конституции Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г. URL: www.pravo.gov.ru. Ст. 0001202210060013. Подробнее о правах и свободах человека, закрепленных в Конституции Российской Федерации и Всеобщей декларации прав человека см.: Комментарий к Конституции Российской Федерации (постатейный): с учетом изменений, одобренных в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г. / Т.Я. Хабриева, Л.В. Андриченко, С.Б. Нанба, А.Е. Помазанский; под ред. Т.Я. Хабриевой; обращение к читателям В.В. Путина. ИЗиСП; Инфра-М, 2021. С. 57, 62, 80, 91, 95, 113, 123, 140, 144, 239.

отраслевых законодательных актах¹. Рассматривая категорию «цифровая трансформация», необходимо определиться с базовой категорией «трансформация» в юриспруденции. Соответствующий термин часто встречается в международном праве, в конце XX в. был воспринят иными направлениями юридических исследований. Причина тому — растущее влияние норм международного права на национальный правовой массив².

Детерминируя феномен цифровой трансформации, необходимо учитывать, что независимо от оснований трансформация представляет собой результат реакции системы на значимые для управления обществом изменения³, при этом сама она также может рассматриваться в качестве подобного изменения. Если в основе процесса в конце прошлого века лежало взаимодействие нескольких правовых систем, то в начале текущего при цифровизации трансформация общественных отношений и соответствующих регуляторов, включая право, была обусловлена технологическим развитием.

В XXI веке для протекавших в законодательстве о налогах и сборах трансформационных процессов стали характерны специфика процедур правового закрепления и осуществления внесения в них изменений (динамика, направленность, соотношение прав и обязанностей). С учетом существующей иерархии видов правовых актов в рассматриваемой сфере основной блок составляли законодательные трансформации.

Результаты анализа законодательных институтов свидетельствуют, что цифровизация, в том числе налоговой сферы, сопровождается не только переходом к совершению операций с использованием соответствующих технологий и к появлению новых дополнительных программных продуктов, адресованных публичным и частным субъектам, но и формированием правовых блоков в целях обеспечения гарантий соблюдения прав и законных интересов налогоплательщиков в цифровой среде⁴.

¹ Например, в Налоговом кодексе РФ закреплена всеобщая обязанность уплаты законодательно установленных налогов и сборов, определен правовой статус сведений, охваченных налоговой тайной.

² См.: Матвеева Т. Д. Взаимодействие международного и российского права в сфере защиты прав человека // Конституционное право и международное право: взаимодействие и развитие в современную эпоху: сб. науч. ст. по материалам Вторых конституционных чтений (+ CD). М.: РАП, 2010. С. 91. Подробнее об этом см.: Рыбаков В. А. Трансформация и имплементация способы развития национального права // Вестник ОмГУ. Сер. «Право». 2010. № 3. С. 34–41.

³ См.: Цифровая сущность финансового права: прошлое, настоящее, будущее: монография / И. И. Кучеров, Н. А. Поветкина и др.; под. ред. И. И. Кучерова, Н. А. Поветкиной. М., 2022. С. 121.

⁴ Эксперты ОЭСР отмечали потребность при адаптации налоговых систем к современным социальным и экономическим условиям, формируемым в процессе смены технологи-

Для государства цифровая трансформация не является самоцелью, это одна из задач, при решении которой создаются условия для достижения ряда стратегических ориентиров. Подтверждает этот вывод анализ положений Указа Президента РФ от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года»¹, в которых среди национальных целей развития Российской Федерации упоминаются не только цифровая трансформация, но и достойный, эффективный труд и успешное предпринимательство; сохранение населения, его здоровья и благополучия; возможности для самореализации и развития талантов; комфортная и безопасная среда для жизни.

В налоговой сфере результатом цифровой трансформации является изменение роли человека в процессе налогообложения, его правового статуса, поскольку происходит автоматизация многих рутинных действий, исключающая обязательность участия людей (влияет на распределение прав и обязанностей), расширяется использование технологий дистанционного взаимодействия², появляются новые формы реализации традиционных прав. Одновременно возникают новые обязанности и связанные с ними права, касающиеся внимания вспомогательных по отношению к основной конституционной (уплата законно установленных налогов) обязанностей. Актуализируется потребность обеспечения права обязанных лиц на защиту частной жизни, в том числе при использовании новых сервисов и продуктов.

Упрощение совершения типовых операций сопровождается одновременным усложнением процедур разрешения нестандартизированных споров, поскольку во взаимодействии с государственным органом лицу необходимо преодолеть «машинную» стадию и получить возможность общения с человеком. В связи с этим, опираясь на заложенный в Конституции РФ антропоцентричный подход, можно сделать вывод, что в современных реалиях должна идти речь не только о сохранении, но и о росте значимости соблюдения баланса интересов частных и публичных при правовом регулировании.

Технологические новации и их репрезентация в обществе нередко формируют в сознании людей представление о неэффективности

ческих укладов, учитывать возможные сферы и инструменты управления поведением разных категорий налогоплательщиков. См.: Журавлева О.О. Информационная безопасность государств БРИКС в налоговой сфере (правовые аспекты) // Киберпространство БРИКС: правовое измерение: монография / И.И. Шувалов, Т.Я. Хабриева, Фэн Цзинжу и др.; отв. ред. Дэн Руйгин, Т.Я. Хабриева; сост. Жун Фу, Н.М. Бевеликова. М.: ИЗИСП, 2017. С. 247.

¹ СЗ РФ. 2020. № 30. Ст. 4884.

² См., например: Права человека в информационной сфере в условиях цифровизации: науч.-практ. пособие. С. XIV.

традиционных общественных регуляторов, включая право, о необходимости отказа от устаревших подходов и инструментов¹. В связи с этим может возникать вопрос о роли принципов налогового права при цифровой трансформации: изменилась ли она? Указанные принципы продолжают занимать центральное место, определяя вектора преобразования соответствующего законодательного массива².

С учетом специфики воздействия цифровых технологий на общественные отношения в налогообложении и их правовое регулирование возрастает значимость гарантий соблюдения прав и законных интересов каждого человека, исходя из общеконституционных принципов равенства и социального государства. При каждом изменении законодательства о налогах и сборах должны приниматься во внимание и неналоговые стратегические приоритеты общественно-развития, которых необходимо придерживаться при нормотворчестве.

Использование новых цифровых технологий, в том числе искусственного интеллекта, в процессе налогообложения также должно обеспечивать справедливое и непредвзятое отношение при распределении налогового бремени и взимании налогов. Создаваемые модели должны быть надежными и заслуживающими доверия, поэтому необходима опора на обширные и достоверные сведения о налогоплательщиках³. Таким образом, права и свободы граждан, провозглашенные во Всеобщей декларации прав человека, остаются в центре внимания правовой системы.

Объективное восприятие современного общества, протекающих в нем процессов и отношений в контексте технологического прогресса, выявление потребностей в изменении законодательства и выработка возможных подходов предполагают учет богатого багажа научного наследия, которое было создано сотрудниками Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации (далее — Институт) за прошедший век. Следует вспомнить, что вопросы влияния технологического развития,

¹ Следует согласиться с тем, что технологические изменения не приводят к изменению «сущности государства и права, но серьезно изменяют их формы». См.: Лазарев В.В. Юридическая наука в свете перспектив цифровизации // Журнал российского права. 2023. № 2. С. 8.

² См.: Журавлева О.О. Роль принципов налогообложения в трансформации законодательства о налогах и сборах в условиях цифровизации // Устойчивый экономический рост и право: сб. матер. к XVI Ежегодным научным чтениям памяти профессора С.Н. Братуся / А.С. Александров, Л.В. Андреева, О.А. Беляева и др. М., 2021. С. 164.

³ United Nations, Economic and Social Commission for Asia and the Pacific (2022). The Digitalization of Tax Administrations in Asia and the Pacific: A Manual for Practitioners. Bangkok: ESCAP. P. 236. URL: <https://hdl.handle.net/20.500.12870/529>. Задача их сбора составляет отдельную проблему.

в том числе в сфере обработки и использования информации, на законодательно закрепленные механизмы реализации прав и свобод граждан были предметом пристального внимания исследователей Института в различные периоды времени.

Проблема сокращения расходов на содержание государственного аппарата перманентно актуальна. Традиционно основными способами ее решения считаются применение новых технологий и одновременное высвобождение занятых работников. Технологические инновации в государственном управлении, несмотря на значительную ресурсоемкость на этапе внедрения, продвигаются в целях экономии бюджетных ресурсов в долгосрочной перспективе¹. Сотрудники Института проводили исследования правовых аспектов последствий широкого распространения вычислительных средств в практике государственного управления. В частности, в трудах профессора А.Б. Венгерова освещались вопросы законодательной охраны прав граждан в социалистическом обществе в условиях автоматизации управления. Так, например, в увидевшей свет в 1979 г. работе «Законодательные проблемы охраны личной жизни советских граждан в условиях автоматизации управления» был представлен зарубежный опыт создания больших информационных систем для целей управления в налоговой сфере. Ученый обратил внимание на буржуазный характер обслуживаемых государством интересов в налоговой сфере при реализации соответствующих мер², что было обусловлено спецификой правящего класса. В настоящее время информационные системы являются обязательным атрибутом публичного управления практически во всех сферах общественной жизни, их число постоянно растет. При этом налоговая сфера, как и во II половине XX в., остается одним из лидеров по технологической трансформации государственного управления³. Однако существуют

¹ В 1960–1970-х годах в СССР предполагалось использовать вычислительные машины и сократить бухгалтерии. В частности, постановление Совмина СССР от 2 июля 1971 г. № 459 «О мерах по дальнейшему улучшению организации учета и отчетности в народном хозяйстве» предусматривало не только широкое применение технических носителей информации на практике в процессе учета и планирования, но и разрешение Министерством финансов СССР вопросов об использовании этих носителей в качестве документов, обладающих такой же силой, как и иные учетные документы // СП СССР. 1971. № 13. Ст. 94.

² См.: Венгеров А.Б. Законодательные проблемы охраны личной жизни советских граждан в условиях автоматизации управления / Проблемы совершенствования советского законодательства. Труды № 14 / гл. ред. И.П. Кузнецов. М.: ВНИИСЗ. 1979. С. 55.

³ ФНС России входит в тройку лидеров по внедрению искусственного интеллекта в свою деятельность, такую оценку дал на заседании круглого стола, проведенного на конференции «Путешествие в искусственный интеллект» в ноябре 2022 г., заместитель Министра экономического развития Российской Федерации В. Федулов. URL: <https://www.interfax.ru/russia/802257>.

еще неразрешенные вопросы, касающиеся роли права в этом процессе, его стабильности, границе нормативного регулирования, соотношения различных видов регуляторов в модели управления в налоговой сфере, выбора уровня регулирования (закон / подзаконный акт). Многие из них не являются специфичными для налоговой сферы, в частности вопрос о необходимости, глубине и детальности законодательной регламентации государственных информационных систем. Этот аспект приобретает особую остроту в связи с введением обязанности их использования и отказом государства от альтернативных технологий. Согласно ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации ограничение прав граждан может осуществляться только на законодательном уровне.

В исследованиях советского периода обращалось внимание на различия в темпах информатизации в государствах, та же тенденция прослеживается и сейчас. Анализ научного наследия Института позволяет сделать вывод, что в процессе проведения сравнительно-правовых исследований в прошлом веке было поставлено много вопросов, которые сохраняют свою актуальность, но так и не получили пока окончательного разрешения. В частности, смена технологических укладов, широкое распространение информационных технологий не привели к выработке универсального подхода к выбору правовых моделей обеспечения процессов технологического развития, в том числе цифровизации. Вопрос баланса частного и публичного остается перманентно актуальным при трансформации налоговой сферы, в том числе в цифровую эпоху.

Следует обратить внимание, что вопросы баланса частных и публичных интересов при автоматизации и информатизации развивались и рассматривались в сравнительно-правовом аспекте и в более поздних работах ученых Института со ссылками на научный задел, созданный предшественниками. В связи с этим можно упомянуть, например, работы А.Н. Пилипенко, который в середине 1980-х гг., проанализировав законодательство Франции, сделал вывод о том, что применение информационных технологий «в буржуазном обществе само по себе ведет к ограничению прав и свобод личности, а законодательство лишь фиксирует границы указанных ограничений», «изъятия из общественных норм допускают произвольное использование информации персонального характера репрессивными и карательными органами в ущерб личности»¹.

¹ Пилипенко А.Н. Информатика и свободы граждан по Франции // Проблемы совершенствования советского законодательства. Труды № 31 / гл. ред. Н. Кузнецов. М.: ВНИИСЗ, 1985. С. 272.

По мнению исследователя, целью появившегося в 1970–1980-х гг. в западных юрисдикциях законодательства в области обработки, сбора, хранения и передачи информации была защита лиц, о которых она собиралась¹.

Если обратиться к работам отраслевых исследователей (финансового права), то можно сделать вывод, что на первом этапе развития процессов информатизации участниками информационных отношений в финансовой сфере признавались преимущественно органы публичной власти и юридические лица, поскольку основное внимание уделялось «правовому обеспечению информационных систем» «ведомственного характера»². Необходимо было защитить от несанкционированного доступа автоматизированные системы управления, чтобы не допустить хищения денежных средств и уклонения от налогообложения³.

Таким образом, тема прав и свобод человека остается ключевой в условиях цифровой трансформации в налоговой сфере, базисом для осуществления юридических исследований служат научные результаты, полученные учеными Института в предшествующие периоды. При этом сохраняется потребность в поиске правовых конструкций, которые гарантируют провозглашенные во Всеобщей декларации прав человека и оформленные на конституционном уровне права и свободы обязанных лиц, участвующих в налогообложении, и одновременно позволяют справедливо распределить налоговое бремя в обществе на основе принципов равенства и законности в современных и будущих технологических реалиях.

¹ См.: Пилипенко А.Н. Контроль за электронной обработкой информации о гражданах во Франции / Законодательные проблемы информатизации общества. Труды № 52 / отв. ред. И.Д. Тиновичкая. М.: ИЗиСП, 1992. С. 83.

² См.: Конохова Т.В. Труды № 52 / отв. ред. И.Д. Тиновичкая. М.: ИЗиСП, 1992. С. 69.

³ См.: Конохова Т.В. Указ. соч. С. 69, 71. Исследователем отмечалась потребность в принятии наряду с общим законом об информатизации общества специального российского закона об информатизации в области финансов. Его предмет должен был охватить отношения, связанные с обеспечением реализации принципа гласности в области финансов (обязательные для опубликования сведения, право на получение гражданами информации о публичных финансах, банковской и финансовой деятельности предприятий и организаций). С. 71.

ПРАВОВАЯ ЗАЩИТА ЛИЧНОСТИ ОТ ИНФОРМАЦИОННЫХ УГРОЗ В КИБЕРПРОСТРАНСТВЕ

Е.Н. Прохорова

Проблема обеспечения правовой защиты личности от информационных угроз является ключевой в условиях развития цифровизации. Сегодня невозможно представить себе генезис общества без цифровых технологий, определяющих увеличение роли информации в формировании глобального информационного пространства, связанного с деятельностью искусственного интеллекта. Действительно, информационные технологии позволили человеку более качественно и оперативно решать различные бытовые задачи, став субъектом киберпространства.

Стоит согласиться с мнением Бурдиной Е.В., согласно которому «внедрение имеющихся видов цифровых технологий должно быть проанализировано с точки зрения ожидаемых преимуществ, направлений работы на долгосрочную перспективу, а также потенциальных рисков, связанных с их использованием»¹.

Киберпространство определяется как глобальная сфера, которая включает в себя взаимозависимые сетевые инфраструктуры: Интернет, телекоммуникационные и компьютерные сети. Однако трансграничный характер киберпространства привел к возникновению новых угроз безопасности, среди которых можно отметить: внедрение компьютерного вируса, несанкционированный доступ к информации, разглашение так называемыми киберпартизанами персо-

¹ Бурдина Е.В. Новые организационные формы работы судов в условиях их цифровизации // Российское правосудие. 2020. № 10. С. 25.

нальных данных пользователя (имена, дата рождения, адрес проживания, номер телефона, сведения о занимаемой должности и проч., например сотрудников правоохранительных органов), внесение изменений в защищенные базы данных, умышленное уничтожение компьютерной информации, разработка вредоносного программного обеспечения и др. В связи с участвовавшими в последнее время кибератаками правовая защита личности приобретает особую актуальность.

Количество информационных угроз неуклонно растет, это подтверждают данные статистики. Так, например, в 2021 г. хакеры взломали систему безопасности стартапа Verkada и получили доступ к более чем 150 тыс. камер видеонаблюдения в больницах, тюрьмах, школах и пр. А Microsoft назвала кибератаку через ПО SolarWinds крупнейшей в истории¹.

В последнее время злоумышленники особенно заинтересовались учетными данными пользователей VPN-сервисов. Согласно данным Positive Technologies «учетные данные пользователей VPN были похищены в 21% атак, направленных на кражу данных частных лиц²». При этом одним из самых распространенных способов доставки вредоносного программного обеспечения по-прежнему остается электронная почта (в 52% случаев).

В марте 2022 г. для атак на российские научные предприятия использовались массовые рассылки. Пользователям предлагалось открыть вложение, в котором содержался опасный макрос либо же перейти по ссылке, чтобы загрузить вредоносный бот. Указанное свидетельствует о необходимости построения системы превентивной правовой регламентации в сфере защиты прав личности от информационных угроз в киберпространстве.

Правовая защита личности в информационном пространстве регулируется законодательными актами различных уровней. В Российской Федерации имеется ряд документов, направленных на обеспечение информационной безопасности, среди которых Доктрина информационной безопасности Российской Федерации³, Стратегия развития информационного общества и Российской Федерации⁴ и др. Однако существующие документы морально устарели и требуют серьезной переработки с учетом защиты прав и свобод

¹ См.: Кибератаки. URL: <https://www.tadviser.ru/index.php>

² Актуальные киберугрозы: I квартал 2022 г. URL: <https://www.ptsecurity.com/ru-ru/research/analytics/cybersecurity-threatscape-2022-q1/#id4>

³ См.: Указ Президента РФ «Об утверждении доктрины информационной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. 2016 № 50. Ст. 7074.

⁴ См.: Указ Президента РФ «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 гг.» // СЗ РФ. 2017. № 20. Ст. 2901.

человека и гражданина в бурно развивающемся информационном поле.

Развитие киберпространства обуславливает необходимость освоения новых способов защиты прав личности, что предполагает осуществление анализа конституционных основ функционирования власти, ее взаимоотношений с человеком и гражданином в новых исторических реалиях.

Так, самой актуальной проблемой в сети «Интернет» является распространение сведений конфиденциального характера, а также невозможность контроля обработки информации на каждом этапе. В этом вопросе определяющим фактором является компетентность органов государственной власти, в том числе правоохранительных, а именно наличие у соответствующих сотрудников системы знаний, умений и навыков, которые позволяют оперативно реагировать на возникающие угрозы и провокации с позиции защиты национальных интересов, приоритета соблюдения прав и свобод человека и гражданина.

Указанное заслуживает самого пристального внимания ученых и практиков, которые призваны учитывать необходимость совершенствования форм и методов осуществления правоохранительной деятельности с использованием современных информационных систем и технологий в режиме реального времени.

Представляется, что вне зависимости от характера правоприменительных проблем, возникающих в связи с цифровизацией, отправной точкой и методологическим ориентиром на пути их решения должны стать конституционные принципы и нормы, включающие в себя специальные гарантии прав человека, касающиеся сбора и обработки персональной информации о гражданах. К таковым можно отнести, например, установление перечня сведений, которые не могут быть включены в цифровой профиль гражданина или быть связанными с ним, перечня недопустимых целей использования данных цифрового профиля, а также доведение до сведения пользователей информации о профилировании.

Важным моментом в конституционализации киберпространства является идентификация личности в условиях использования ею новых технологий. Такая проблема связана с цифровым профилем гражданина, с введением которого в законодательство вносится ряд изменений, в том числе и о защите персональных данных. Несомненное преимущество его внедрения в отечественную систему правовых ценностей — возможность комплексно и оперативно решать типовые жизненные ситуации, осуществлять электронные коммуникации на основании автоматизированных процессов.

Существенное значение имеет выработка единого подхода к защите такой информации (к ее использованию и хранению), который не должен преграждать доступ к правосудию, что предполагает изменения законодательства в сфере идентификации субъектов — цифровых двойников (аватаров) субъектов правоотношений.

«Цифровой аватар — это графическое (голографическое в будущем) представление пользователя глобальной сети «Интернет», (его персонаж), действующий на основе юнитов искусственного интеллекта»¹.

По нашему мнению, понятие «цифровой аватар» неотъемлемо от понятия «цифровой профиль», поскольку использование цифрового аватара нецелесообразно без отождествления его с определенным профилем.

Проблема здесь заключается в конфиденциальности использования цифрового аватара, отождествляемого с определенной личностью. Согласно гражданскому законодательству любой субъект правоотношений обладает определенным набором прав и обязанностей. Таковыми должен обладать и цифровой аватар на основании соглашения об использовании его персональных данных. Объем таких прав определяет правовые последствия для пользователя.

По мнению Президента РФ В.В. Путина, высказанному на международной конференции по искусственному интеллекту, «защитой россиян и их виртуальных двойников в киберпространстве должно заниматься государство... Государство должно взять на себя ответственность за хранение критически важной информации. Речь уже идет не о том, чтобы обеспечить кибербезопасность самого человека, но и его виртуального двойника — аватара внутри формирующихся метавселенных»².

Таким образом, законодательство должно: обеспечивать возможность аутентификации субъектов любым технически возможным способом, что позволит исключить терминологический хаос; унифицировать правовую защиту прав личности; содержать в себе санкции за незаконные действия в рассматриваемой сфере.

Эффективность решения указанной проблемы связана с необходимостью внесения соответствующих изменений и дополнений в Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информатизации и защите информации», включающего в себя обязательное осуществление правоохранительными органами мер по

¹ Новицкая Л.Ю. Правосубъектность «цифрового аватара» // Ленинградский юридический журнал. 2021. С. 132.

² В.В. Путин заявил о долге властей защищать аватары россиян в метавселенных. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/618ea97f9a794713ffa492fb>

предупреждению использования персональных данных в целях причинения имущественного и морального вреда гражданам, затруднения реализации их прав, свобод и законных интересов.

В силу этого организации, имеющие доступ к персональным данным, должны получать согласие от пользователя в течение запрашиваемого периода. Кроме того, нужно предусмотреть возможность ознакомления пользователя с реестром своих согласий на обработку персональных данных с возможностью его корректировки. Следовательно, необходимо детально проработать процедуру наделения пользователя цифрового аватара правосубъектностью.

Стоит отметить, что цифровизация права требует выработки допустимых рамок использования новых технологий, добиться необходимого уровня информационной безопасности, что поможет обеспечить блокчейн»¹, который отвечает следующим современным технологическим требованиям: безопасность, децентрализованность, разные уровни доступности, отсутствие необходимости в наличии третьей стороны для верификации транзакций.

В связи с этим предлагаем обеспечить безопасность цифрового аватара, а также и цифрового профиля личности в киберпространстве путем использования технологии блокчейн, которая пока тяжело выходит за рамки генерирования электронных денег. Однако потенциал использования данной технологии в качестве средства обеспечения защиты информации в различных сферах очень велик.

К примеру, блокчейн-технология может содержать все данные цифрового профиля, а равно и цифрового аватара личности, соотносящиеся с конкретным лицом. Такие сведения будут содержаться в соответствующей символично-знаковой форме, отображая существенные характеристики и позволяя отследить изменения. Кроме того повысится вариативность возможных сочетаний сведений о качественных характеристиках элементов. Следовательно, уже нельзя будет несанкционированно использовать чужой аватар. С этой позиции блокчейн даст возможность сформировать безопасную распределенную цепь, обеспечивающую защиту от неправомерного доступа, копирования и распространения информации. Таким образом, изменение формата ее передачи по каналам прямой и обратной связи на цифровой основе позволит повысить уровень обеспечения безопасности в киберпространстве.

Сформулированные выводы помогут не только развить теоретические и практические аспекты деятельности по защите личности от

¹ См.: Момотов В.В. Цифровизация не должна преграждать доступ к правосудию. URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/viktor-momotov-tsifrovizatsiya-ne-dolzha-pregrazhdat-dostup-k-pravosudiyu/>

информационных угроз в киберпространстве, но и способны служить ориентиром для предупреждения негативных факторов, связанных с рассматриваемой сферой общественных отношений в условиях цифровизации. Полагаем, что законодательство в этом вопросе должно действовать с опережением, предупреждая возможные негативные правовые последствия для личности.

РОЛЬ ЗАЩИТЫ ПРАВ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ ДЛЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

Е.В. Авдеева

Вопрос охраны прав человека и гражданина занимает особое место в национальном и международном законодательстве. Так, в ст. 2 Конституции РФ¹ четко указано, что человек, его права и свободы являются высшей ценностью, а признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина — обязанность государства. В статье 3 Всеобщей декларации прав человека² определено: каждый человек имеет право на жизнь, на свободу и на личную неприкосновенность. В статье 49 Основного Закона гарантируется, что каждый обвиняемый в совершении преступления считается невиновным, пока его виновность не будет доказана в предусмотренном федеральным законом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда, при этом обвиняемый не обязан доказывать свою невиновность. Одновременно говорится о неприкосновенности частной жизни, личной и семейной тайны, о защите своей чести и доброго имени (ст. 23), о тайне переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений (ст. 24), ограничение которых допускается лишь на основании судебного решения.

¹ См.: Конституция Российской Федерации, принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.

² См.: Всеобщая декларация прав человека, принята Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г.

Вместе с тем ч. 3 ст. 17 Конституции РФ определяет, что осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать прав и свобод других лиц, поскольку все равны перед законом (ч. 1 ст. 19). Запрещается также сбор, хранение, использование и распространение информации о частной жизни лица без его согласия (ст. 24).

Актуальным остается вопрос обеспечения защиты прав человека в ходе расследования преступления с учетом того, что до вступления в законную силу приговора суда лицо не считается виновным.

К сожалению, Конституция РФ не закрепляет обязанность государства по охране прав и свобод, а фиксирует только обязанность по их защите (ст. 46). Здесь главная задача государства заключается в обеспечении надлежащей реализации прав и свобод посредством осуществления системы взаимосвязанных мер, направленных на предупреждение нарушений прав, устранение их причин¹. Значение защиты прав и свобод человека в уголовно-процессуальной деятельности невозможно недооценить, поскольку они затрагиваются самым непосредственным образом, но, к сожалению, зачастую их ущемление оказывается необходимым условием работы органов предварительного следствия.

Уголовное и уголовно-процессуальное законодательство предполагает ограничение свободы и вторжение в границы неприкосновенности частной жизни, что обусловлено необходимостью достижения целей и задач, которые являются основой уголовного законодательства. Сам Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации² (далее — УПК РФ) в первой же своей статье определяет, что порядок уголовного судопроизводства основывается на Конституции РФ. Очевидно, что при такой парадигме важна оценка соотношения степени общественной опасности деяния и самой личности, потенциальной угрозы для нарушений интересов общества и государства, а также самого субъекта расследуемого преступления как человека и гражданина, чьи права и свободы признаны Основным Законом нашей страны высшей ценностью.

Достойными внимания при исследовании этого вопроса становятся именно имущественные преступления, которые не сопряжены с применением насилия. Здесь чаще всего объектом посягательства

¹ См.: Балаян Э.Ю. Отдельные аспекты конституционной обязанности государства по защите прав и свобод человека // Вестник Кемеровского государственного университета. Право. 2013. № 4 (56). С. 283–289.

² См.: Уголовно-процессуальный кодекс РФ от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ.

выступают материально-экономические отношения, а целью — получение выгоды. Причем следует отметить, что лицо, умысел которого был изначально направлен на получение финансовой выгоды, как правило, старается скрыться, не выражая готовности возмещать ущерб. Важным аспектом здесь выступает вопрос квалификации и разграничения многих деяний с гражданско-правовыми отношениями по субъективной стороне, т.е. их направленности. При возбуждении уголовных дел умысел не подлежит доказыванию, поэтому оценка его наличия осуществляется по совокупности косвенных признаков.

В данном контексте наиболее применимой к предпринимателям является ст. 159 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ)¹, которая погранична с гражданско-правовыми отношениями, однако основное количество деяний, фактически совершаемых лицами, реализующими коммерческую деятельность, не учитываются как преступления, осуществляемые в сфере предпринимательской деятельности. При этом какие-либо нарушения, сопряженные с выполнением обязательств, могут признаваться криминальными в связи с их неисполнением, достигая порога 250 тыс. руб., что с точки зрения коммерческой деятельности может быть незначительной суммой, но при этом нарушение уже относится к категории тяжких, а с 10 тыс. руб. — к категории средней тяжести, что позволяет ставить следствием вопрос перед судом о мере пресечения в виде заключения под стражу. В складывающейся ситуации при разрешении вопросов, касающихся применения законодательства о мерах пресечения, судам, исходя из презумпции невиновности, следует соблюдать баланс между публичными интересами, связанными с применением мер процессуального принуждения, и важностью права на свободу личности². Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 11 июня 2020 г. № 7 «О внесении изменений в отдельные постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам» (далее — постановление ВС РФ № 7) разъясняет, что даже наличие данных о том, что подозреваемый или обвиняемый скроется от дознания, предварительного следствия или суда, либо продолжит заниматься преступной деятельностью, либо будет угрожать свидетелю, иным участникам уголовного судопроизводства, захочет

¹ См. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ.

² См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 г. № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий».

уничтожить доказательства или иным путем воспрепятствовать производству по уголовному делу, еще не свидетельствует о необходимости применения к лицу самой строгой меры пресечения в виде заключения под стражу.

Наибольшие гарантии соблюдения прав предпринимателя как человека и гражданина даны в ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ. К сожалению, нередко эта важная мера в совокупности мер, направленных на защиту прав лиц, осуществляющих коммерческую деятельность, в ходе расследования преступлений не применяется в связи с непризнанием совершения деяния в сфере предпринимательской или иной экономической деятельности без предоставления каких-либо доказательств такой позиции суду. В данных ситуациях может сыграть негативную роль и недостаточная компетенция правоохранительных и надзорных органов, занимающих контролирующие и законодательные позиции. Зачастую при расследовании экономических преступлений сотрудники правоохранительных органов, не обладающие достаточным уровнем знаний и пониманием тонкостей ведения бизнеса, могут принять гражданско-правовую ошибку за уголовно наказуемое деяние, а далее его непризнание (в качестве совершенного в сфере коммерческой или иной экономической деятельности правоохранителями с утверждением позиции судом приводит к нарушению прав, свобод и законных интересов субъектов предпринимательской деятельности. До сих пор ни на законодательном уровне, ни на уровне разъяснений не удалось устранить эту негативную тенденцию, несмотря на то, что попытки регулярно предпринимаются, а в постановлении ВС РФ № 7 делается акцент на необходимость предоставления следствию приложенных к постановлению материалов, содержащих конкретные сведения, подтверждающие вывод о том, что инкриминируемое преступление совершено не в связи: с осуществлением субъектом предпринимательской деятельности и (или) управлением принадлежащим ему имуществом, используемым в целях предпринимательской деятельности; с реализацией им полномочий по управлению этой организацией; с осуществлением коммерческой организацией предпринимательской или иной экономической деятельности. Такая позиция сегодня находится уже на стадии закрепления обязанности предоставления доказательств в законодательстве, но, исходя из опыта решения этой проблемы постановлением ВС РФ № 7, вряд ли решит ее, так как достаточность доказательств может оцениваться формально.

Как справедливо замечено членом Научно-консультативного совета при Верховном Суде РФ О.А. Зайцевым¹, к сожалению, наиболее частой в нашей стране мерой является пресечение в виде заключения под стражу. Домашний арест или запрет определенных действий уходят на второй план. Основными доводами для служащих на местах являются опасность любой самостоятельности и отход от привычного правоприменения. Другим же фактором остается удобство для правоприменителя вести следствие и осуществлять правосудие в условиях физического лишения или ограничения свободы подозреваемых и обвиняемых.

Следует отметить, что преступления, совершаемые в предпринимательской деятельности, посягают на права, поддающиеся материальной оценке. Как сообщил Председатель Верховного Суда РФ В.М. Лебедев, выступая на совещании с делегатами X Всероссийского съезда судей от судов, осуществляющих правосудие в Южном и Северо-Кавказском федеральных округах, «Верховным Судом РФ поддерживаются предложения о дальнейшем расширении сферы применения мер пресечения, не связанных с заключением под стражу, в том числе по уголовным делам о преступлениях экономической направленности»².

На Петербургском международном экономическом форуме Президентом РФ вновь был поднят вопрос о пересмотре в отношении преступлений экономической направленности оснований заключения под стражу (продления сроков содержания под стражей) субъектов предпринимательской деятельности, сроков предварительного следствия. Обращено внимание на приоритетное избрание иных мер пресечения в целях обеспечения возможности продолжения ими предпринимательской деятельности³. Речь идет прежде всего о залоге.

Важно, что статические данные подтверждают, что существует серьезное различие в количестве возбужденных уголовных дел по экономическим преступлениям и количестве дел, направленных в суд. Количество дел, направленных в суд, более чем в 2 раза меньше количества возбужденных дел⁴ (см. табл.).

¹ См.: Зайцев О.А. Процессуальные гарантии обеспечения прав и законных интересов предпринимателей в уголовном судопроизводстве // Журнал российского права. 2021. Т. 25. № 10. С. 108–126.

² Куликов В. Верховный суд поддержал инициативу о сокращении арестов // Российская газета. Федеральный выпуск. 2022. № 209 (8857).

³ URL: <http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/69045>

⁴ См.: Гравина А.А. Гуманизация уголовного законодательства и ее роль в предупреждении преступлений в сфере предпринимательской деятельности // Журнал российского права. 2019. № 8. С. 85–95.

Количество преступлений экономической направленности¹

Года	2018	2019	2020	2021	2022
Зарегистрировано	109 463	104 927	105 480	117 707	111 429
Уголовные дела направлены в суд	49 530	45 593	45 269	53 913	60 745

Данный пример свидетельствует об одной из наиболее серьезных проблем правоприменения — практике возбуждения уголовного дела при отсутствии судебной перспективы². Это подтверждает тезис о том, что инкриминируемые деяния в сфере экономической деятельности не всегда имеют все признаки преступного, поэтому в случае возбуждения без должной доследственной проверки, которая ввиду экономической направленности должна иметь большие сроки, предполагающие возможность проведения необходимых экспертиз и других действий, направленных на получение достаточных данных о наличии всех элементов состава преступления. Совершенно иначе ситуация обстоит в делах, касающихся причинения вреда жизни и здоровью. Так, по статистике ГИАЦ МВД, раскрываемость преступлений, связанных с умышленным причинением тяжкого вреда здоровью, — 98,8%, с изнасилованием и покушением на его, — 100%, с разбоями — 97%, грабежами — 88%³. При этом можно предположить, что лица, умышленно совершающие мошеннические действия, будут пытаться сохранить средства, полученные ими преступным путем, несмотря на реальную возможность заключения под стражу и вынесения в отношении них обвинительного приговора с санкцией в виде реального срока лишения свободы. Предприниматели, имевшие целью своих действий удовлетворение потребностей бизнеса и впервые оказавшиеся в роли обвиняемых, будут больше готовы к возмещению ущерба в уплате штрафов в целях сохранения обязательств перед работниками и бенефициарами. Поэтому представляется целесообразным расширение списка статей, по которым возмещение ущерба и уплата штрафа в случае совершения деяния впервые являются основанием для освобождения от уголовного на-

¹ См.: Генеральная прокуратура РФ. Портал правовой статистики. Показатели преступности России / Карта // URL: http://crimestat.ru/offenses_map

² См.: Нудель С.Л. Уголовно-правовое воздействие в механизме обеспечения экономической безопасности (проблемы и тенденции законодательной регламентации) // Журнал российского права. 2020. № 6. С. 112.

³ Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь 2023 г. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/35919430/>

казания или прекращения уголовного преследования в соответствии со ст. 76.1 УК РФ или 28.1 УПК РФ.

Помимо наиболее важной гарантии, предусмотренной ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ, нарушение которой наиболее часто приводит к банкротствам компаний, чьи собственники и руководители оказались в СИЗО, имеются иные гарантии для предпринимателей, которые также направлены на обеспечение нормального функционирования деятельности компании независимо от проводимого расследования. К таким мерам, конечно же, относятся четко установленные ст. 81.1 УПК РФ сроки приобщения изъятого в качестве вещественного доказательства, назначения экспертизы или возврата изъятого, но, к сожалению, жалобы в адрес Уполномоченных по защите прав предпринимателей региональных и федерального уровней подтверждают неприменение этой нормы в связи с непризнанием деяния в сфере предпринимательской деятельности. Очевидно, что это также оказывает негативное влияние на деятельность организации. По этой же причине не применяется и ч. 4.1 ст. 164 УПК РФ.

Очевидно, что предприятия, осуществляющие предпринимательскую деятельность, сопровождаемую уплатой налогов и созданием рабочих мест, нуждаются в дополнительных гарантиях именно по причине выполнения обязательств перед государством, сотрудниками и контрагентами в отличие от лже-бизнесменов, деятельность которых осуществляется в преступных целях под прикрытием предпринимательской¹. Реальная цель приобретения бизнес-предприятиями гарантий зачастую остается недостижимой ввиду вероятности заключения бенефициаров и наемных руководителей под стражу. Согласно печальной статистике в той или иной степени потеряли свой бизнес 94% опрошенных предпринимателей, столкнувшихся с уголовным преследованием². Значительная часть средств производства сконцентрирована именно у частных предпринимателей. Помимо этого, многие работники зависят от решений, принимаемых предпринимателями. В связи с этим для экономической и даже политической стабильности необходим благоприятный деловой климат³. Предприниматель обеспечивает занятость населения, платит крупные суммы налогов в государственный

¹ См.: Авдеева Е.В. Организация защиты прав субъектов предпринимательской деятельности в ходе расследования преступлений: монография / Е.А. Авдеева. М., 2023.

² См.: Бажанов С.В. Состояние законности при возбуждении уголовных дел и расследовании преступлений, совершаемых предпринимателями // Право и экономика. 2017. № 8 С. 17–25.

³ См.: Бут Н.Д. Теоретические, правовые и организационные основы прокурорского надзора за исполнением законов о свободе экономической деятельности в Российской Федерации: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2011. С. 63.

бюджет, стимулирует общественное развитие путем внедрения инноваций¹.

В свете ранее указанных фактов становится очевидным все еще нерешенный вопрос, касающийся нарушения прав предпринимателей в ходе расследования уголовных дел, которое приводит не только к попиранию предусмотренных законодателем прав бизнесмена как человека и гражданина, но и также прав и законных интересов широкого круга лиц (право на труд, получение дохода и поддержку от государства). Однако в данной ситуации ограничение осуществления прав и свобод подвергшихся уголовному преследованию предпринимателей автоматически нарушает права и свободы зависимых от них согласно установленным трудовым отношениям работников, что входит в противоречие со ст. 17.3 Конституции РФ и ст. 2 ТК РФ², хотя Основной Закон, в отличие от действовавшего ранее переносит акцент с обеспечения работой на условия труда, т.е. речь идет о праве не на труд, а лишь на труд в благоприятных условиях³.

В соответствии с ч. 3 ст. 37 Конституции РФ каждому гарантированы минимальный размер оплаты труда, а также право на защиту от безработицы. В этих положениях выражены социальная функция трудового права, которая проявляется в утверждении стандартов прав и свобод работников в тех пределах, ниже которых не могут устанавливать ни органы государственной власти при регулировании трудовых отношений, ни работодатель, определяя условия труда работников⁴. В связи с этим необходимо отметить, что последствия силового давления фактически катализируют проблемы трудовой сферы, так как создаются предпосылки для невозможности активной хозяйственной деятельности путем лишения доступа к имуществу в совокупности с изоляцией лиц, принимающих решения, к которым относятся собственник и директор, способных урегулировать возникающие в бизнесе проблемы через диалог с контрагентами и найти консенсус.

Распространение практики давления на предпринимателей с использованием уголовного преследования оказывает непоправимое негативное воздействие на экономическую систему страны, снижая

¹ См.: Авдеева Е.В. Организация защиты прав субъектов предпринимательской деятельности в ходе расследования преступлений: монография / Е.А. Авдеева. М., 2023.

² См.: Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ.

³ См.: Чиканова Л.А. Право на труд: конституционный и Международный аспекты // Журнал российского права. 2018. № 5. С. 5–15.

⁴ См.: Сагандыков М.С., Шафиков А.М. Права граждан на социальную защиту и социальное обеспечение: конституционно-правовой аспект // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2014. № 2 (24). С. 36–42.

инвестиционный и деловой климат, создавая отрицательное восприятие национальной юрисдикции с точки зрения перспективы ведения бизнеса, которое проявляется в снижении поступающих в государственный бюджет сумм налоговых выплат. С точки зрения развития бизнеса в рамках государства данная мера является избыточной, поскольку как штрафные санкции, так и определенная изоляция предпринимателя от большого капитала сказываются на правах не только руководящих лиц, но и на рядовых сотрудников. Зачастую затянутый на стадии следствия и дознания процесс плохо влияет на производственные процессы в компаниях. Бизнес вследствие уголовного преследования может дойти до стадии банкротства, что лишает работы сотни людей¹. Также ограничение свободы по предъявленному обвинению зачастую представляет собой лишение коммерсанта доброго имени (защита которого закреплена за каждым человеком ст. 23.1 Конституции РФ) и, соответственно, потерю выстроенных деловых связей. Тем самым нарушается своеобразный цикл, формирующий при поступлении средств от бизнеса в бюджетную сферу, влияющих на развитие и поддержку социальных сфер, что сказывается на внедрении инновационных решений, необходимых для дальнейшего развития бизнеса.

Особенно стоит отметить и значительное ухудшение делового климата из-за применения необоснованно строгой меры пресечения, создания препятствий для ведения предпринимательской деятельности за счет изъятия из оборота имущества и др., а значит, оказания влияния сдерживающих сил на развитие экономики. Сегодня этот вопрос стоит довольно остро. Именно предприниматели должны проявить наибольшую активность не только в создании рабочих мест, но и в развитии производства, новых технологий. Сдерживание путем силового давления на бизнес предпринимательского потенциала косвенно также оказывает влияние на права граждан, которые могли рассчитывать на более высокий уровень развития экономики нашего государства.

Опираясь на вышеизложенное, можно сделать вывод о назревшей необходимости комплексного подхода к организации защиты прав субъектов предпринимательской деятельности ввиду того, что нарушение этих прав приводит не только к ущемлению последних, а также свобод и законных интересов самого предпринимателя как человека и гражданина, но и к попранию прав круга лиц (работники,

¹ См.: Авдеева Е.В., Данилов-Данильян А.В., Лебедева А.А. Проблемы отнесения хищений денежных средств при исполнении государственного контракта к преступлениям в сфере предпринимательской деятельности // Журнал российского права. 2020. № 3. С. 81–94.

лица, рассчитывающие на помощь со стороны государства из бюджета, формируемого в том числе за счет поступлений от предпринимателей). Для решения задачи необходимо вопрос организации защиты прав субъектов предпринимательской деятельности решать не через точечное латание уголовного и уголовно-процессуального кодексов, а через системную работу с учетом квалификационных, процессуальных и организационно-структурных аспектов, принимая во внимание значимость вопроса и его влияние на права и законные интересы неограниченного круга лиц.

ЗАЩИТА ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

О.В. Макарова

Многие прогрессивные идеи, обозначенные в Концепции судебной реформы РСФСР 1991 г., нашли закрепление в современном российском уголовно-процессуальном законодательстве, которое было ориентировано на установление приоритета защиты прав человека и гражданина. Несмотря на то что Уголовно-процессуальный кодекс РФ (далее — УПК РФ) уже подвергся многочисленным и разнонаправленным изменениям, нарушающим его системность и согласованность, в настоящее время наблюдается потребность в его совершенствовании с целью усиления защиты прав человека, вовлеченного в уголовный процесс.

Уголовная политика современного правового государства должна быть подчинена идее обеспечения прав человека в уголовном судопроизводстве. В связи с этим государство разрабатывает систему гарантий от необоснованного привлечения к уголовной ответственности, а также меры, обеспечивающие реализацию конституционного права пострадавшего от преступления на доступ к правосудию. Представляется очевидным, что уголовные дела должны расследоваться и рассматриваться оперативно, т.е. быстро. При этом значение разумных сроков ни в коей мере не должно абсолютизироваться и негативно влиять на качество уголовно-процессуальной деятельности¹.

Ряд положений уголовно-процессуального закона не отвечает сегодняшним реалиям и требует корректировки, что отмечается в

¹ См.: Международно-правовые стандарты в уголовной юстиции: научно-практическое пособие / отв. ред. В.П. Кашепов. М., 2012.

ежегодных докладах Уполномоченного по правам человека в РФ. Анализ обращений граждан свидетельствует, что абсолютное большинство жалоб связано с проблемой чрезмерной длительности уголовного процесса, который воспринимается несправедливым. Иными словами, в настоящее время на первое место выходит запрос на процессуальную справедливость в уголовном процессе, которая является гарантом обеспечения прав его участников и ассоциируется со сроками предварительного расследования и судебного разбирательства. Длительная судебная процедура способна подорвать эффективность и доверие к правосудию. Защитить стороны от чрезмерного затягивания уголовного процесса призвано закрепленное в ст. 6.1 УПК РФ положение о разумном сроке, которое определено российским законодателем как один из принципов уголовного судопроизводства. Это свидетельствует как о его важности и значимости для надлежащей защиты прав, свобод и законных интересов граждан, с одной стороны, так и для обеспечения интересов правосудия, с другой стороны. Законодатель предусматривает, что установление нарушения права на судопроизводство в разумный срок связано с оценкой следующих обстоятельств: сложность дела, поведение заявителя, достаточность и эффективность предпринимаемых в целях своевременного осуществления уголовного судопроизводства действий суда, органа, проводящего досудебное уголовное преследование, общая продолжительность уголовного судопроизводства¹.

При рассмотрении вопросов о соблюдении разумных сроков по уголовным делам принимается во внимание период, отсчитываемый с момента предъявления лицу обвинения в автономном и материальном понимании данного термина. Вместе с тем не исключаются случаи, когда обвинение в его классическом понимании человеку не предъявлено, но фактически государство в лице правоохранительных органов предъявляет к нему претензии уголовно-правового характера. Отсчет срока завершается, когда обвинение окончательно подтвердилось или уголовные процедуры прекратились.

Традиционно много обращений к Уполномоченному по правам человека в Российской Федерации поступает по поводу длительности дознания и следствия, т.е. сроков предварительного расследования. Заявители жалуются на волокиту при расследовании уголовных дел, на бездействие следователей и дознавателей, когда следственные действия не проводятся долгое время. Безусловно, порой сроки рас-

¹ Подробнее об этом см.: Макарова О.В. Международные стандарты отправления правосудия в уголовно-процессуальном законодательстве Российской Федерации // Журнал российского права, 2012. № 11; Ее же. Реализация решений Европейского суда по правам человека в контексте развития уголовно-процессуального законодательства // Журнал российского права. 2018. № 8.

следования затягиваются по объективным причинам в связи с длительностью совершения отдельных следственных действий (например, проведение сложных комплексных экспертиз), но во многих случаях, как отмечается в докладах, обусловлены субъективными причинами. Ярким примером несоблюдения требований закона о разумности срока уголовного судопроизводства является уголовное преследование М., которое длится уже более 15 лет. При этом за вменяемое ей преступление приговором Кузьминского районного суда г. Москвы от 4 октября 2008 г. она была осуждена к пяти с половиной годам лишения свободы, три с половиной из которых она отбыла реально в изоляции от общества. Указанный приговор был отменен постановлением Президиума Московского городского суда от 4 декабря 2009 г. Для устранения препятствий рассмотрения уголовного дела в суде предварительное следствие было возобновлено, после чего велось более 10 лет, и в конечном счете уголовное дело было направлено в суд для рассмотрения по существу. Спустя столь длительное время с момента возбуждения уголовного дела в нарушение всех разумных сроков уголовного судопроизводства приговором Кузьминского районного суда г. Москвы от 13 ноября 2020 г. М. была осуждена к пяти годам лишения свободы за преступление, за которое она уже понесла наказание.

На судебных стадиях также сохраняется проблема волокиты при рассмотрении уголовных дел. В связи с этим государство разработало меры по созданию эффективных средств правовой защиты участников уголовного судопроизводства от чрезмерной длительности судебного разбирательства и задержки исполнения решений судов. Так, Федеральный закон от 30 апреля 2010 г. № 68-ФЗ «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок», а также постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 марта 2016 г. № 11 «О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении дел о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» позволяют заявителям обратиться в суд с требованием о присуждении соответствующей компенсации.

Усилить меры по защите прав участников уголовного судопроизводства позволит активное применение современных цифровых технологий. Так, к примеру, на стадии досудебного производства создание специальной цифровой платформы даст возможность реализовать межведомственное процессуальное электронное взаимодействие. Тем самым будет упрощен процесс подачи и регистрации сообщения о преступлении, обеспечено автоматическое определение подследственности по территориальному и ведомственному крите-

риям. Кроме того, представляются целесообразными внедрение электронного взаимодействия между следственными и судебными органами, а также расширение перечня лиц, имеющих право на дистанционное участие в уголовном процессе.

Перспективной с точки зрения повышения гарантий прав участников уголовного процесса представляется идея ведения электронного уголовного дела¹. Будущее уголовного судопроизводства, обеспечивающего доступ к правосудию в условиях развития цифровых технологий, требует не только проведения организационных мероприятий (создание онлайн-платформ, сайтов, использование видеоконференций и пр.), но и внесения соответствующих изменений в уголовно-процессуальное законодательство. В результате активного внедрения новых цифровых технологий в уголовное судопроизводство будет обеспечено быстрое и качественное предварительное расследование, что является дополнительной гарантией соблюдения установленных законом сроков, а также усиления контроля и надзора за законностью в уголовном процессе.

По данным Европейской комиссии по эффективности правосудия Совета Европы, российская судебная система признана самой технологически развитой и наименее финансово затратной по сравнению с судами 47 западных государств. По всем технологическим показателям Российская Федерация получила от Европейской комиссии оценки, значительно превышающие среднеевропейские. Уровень применения цифровых технологий судами России при взаимодействии с участниками уголовного судопроизводства более чем в два раза выше среднеевропейского: 8,6 баллов против 4,1. Электронному взаимодействию с участниками судопроизводства России присвоена оценка в 9,09 балла (среднеевропейский показатель — 5,04 балла), использованию цифровых технологий в распределении дел и организации работы судов — также 9,09 балла (среднеевропейский показатель — 7,11 балла), а применению современных технологий при подготовке судебных актов — 8,24 балла (среднеевропейский показатель — 6,15 баллов)².

Анализируя требование об осуществлении судопроизводства в разумный срок, необходимо отметить, что оно обращено как к законодателю, так и к правоприменителю в равной степени. При этом со стороны законодателя понадобится более подробная регламентация уголовного судопроизводства в целях обеспечения его оперативности. Процессуальные сроки должны устанавливаться в соответствии

¹ См.: Макарова О. В. Совершенствование судопроизводства путем внедрения электронной формы уголовного дела // Журнал российского права. 2019. № 2.

² См.: Цифровизация российской судебной системы в международном контексте // РАПСИ. URL: http://rapsinews.ru/judicial_analyst/20210519/307053315.html

с требованием разумного срока, что определит для правоприменителя возможность проведения качественного и всестороннего расследования и рассмотрения уголовного дела, а также позволит минимизировать ограничения конституционных прав и свобод граждан, которые оказались вовлеченными в уголовно-процессуальную деятельность.

ПРЕОДОЛЕНИЕ ПРАВОВЫХ ОШИБОК В ЮРИДИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ОТ ТЕОРИИ К ПРАКТИКЕ

Д.И. Советов

Правовые ошибки выступают обратной стороной общепризнанных правовых фикций, т.е. результатом нарушения правил, признаваемых в системе права в качестве основных.

Феномен правовых ошибок во многом связан с вопросами исследования юридических фактов, под которыми понимаются действия, бездействие или события, происходящие в объективной действительности и оказывающие влияние на возникновение, изменение или прекращение различных групп правоотношений. В результате совершения субъектом действий или его бездействия, признаваемых ошибочными, возникают негативные последствия в различных сферах общественных отношений. Уровень тяжести последствий и последующих рисков возникновения ошибок может градироваться также и в зависимости от тяжести совершения правовой ошибки. Представляется, что латентные правовые ошибки как категория скрытная представляют еще бóльшую опасность в силу того, что дефектные правоотношения, обусловленные ошибками, не подлежат восстановлению и реабилитации вплоть до момента выявления юридического факта совершения ошибки.

Проблема рисков в юридической деятельности¹ обостряет вопросы смежных понятий юридического познания, в том числе правовой ошибки.

¹ См.: Боруленков Ю.П. Информационная неопределенность и риск принятия решения как факторы юридической деятельности // Российский следователь. 2014. № 2. С. 36–40.

В юридической литературе неоднократно отмечалась опасность судебных и следственных ошибок, приводящих подчас к трагическим последствиям. Не случайно проблема ошибки имела и имеет самостоятельное значение в различных отраслях права. В то же время отсутствует единство в самом понятии правовые ошибки, в (его?) их классификации и по ряду других вопросов, в связи с чем необходимы новые общетеоретические фундаментальные научные исследования. Отечественные ученые-юристы справедливо обращают внимание на то, что теория государства и права призвана не только охарактеризовать ошибку как научную категорию, но и всесторонне разобраться в ее юридической природе и содержании, понять процессы ее формирования и разработать механизм ее выявления, предотвращения и устранения, что будет способствовать повышению эффективности правового регулирования¹.

«Ошибка» и «заблуждение» — сходные по смыслу и совпадающие по значению слова, которые в словарях толкуются как синонимы. Однако по кругу использования эти термины неравноценны, имеют свой самостоятельный функциональный оттенок. Если заблуждение характеризует действие или процесс, то ошибка обозначает результат, событие, состояние. Заблуждение является необходимым условием наступления ошибки как события, т.е. заблуждение — причина, предпосылка, а ошибка — ее следствие. Ошибка — это разрыв в процессе положительной деятельности из-за какого-то дефекта или из-за принципиальной невозможности достижения цели. Когда мы произносим слово «ошибка», то констатируем, что такой факт имеет место в жизни².

На основании этого возможно установить, что правовая ошибка выступает разновидностью юридического факта и выражается в действиях или бездействии субъекта, который руководствуется бесознательным и добросовестным заблуждением.

При этом юридическая ошибка не может быть квалифицирована как юридический факт события, потому что события представляются обстоятельствами, возникающими вне зависимости от воли сторон в то время, как правовые ошибки субъективны и исходят из особенностей поведения субъекта как активного участника правоотношений в определенной сфере.

¹ См.: Вопленко Н.Н. Ошибки в правоприменении: понятие и виды // Советское государство и право. 1981. № 4. С. 39.

² См.: Лисюткин А.Б. О понятии категории «ошибка» в юриспруденции: логико-философский аспект // Правоведение. 1996. № 3 (214). С. 20, 23.

О сущности правовых ошибок, идут многочисленные научные споры, касающиеся их проявления, взаимосвязи права и морали, их зависимости от государственной воли или волюнтаристских проявлений отдельно взятых личностей, в том числе наделенных исполнительными или правоприменительными полномочиями.

Ошибка не имеет прямого описания в нормативных актах, поэтому, как требует законность, не является противоправным деянием. В то же время она — по сути, явление «объективно противоправное», так как не соответствует задачам общественного развития и препятствует достижению социально значимых целей¹. Приведенная позиция всецело обоснованна: ошибка не есть право, однако вопрос об ответственности куда более спорный, потому что обязательным признаком правонарушения выступает наличие вины, в то время как субъективная сторона ошибки представляется добросовестным заблуждением субъекта, ее допустившего, ибо данный фактор исключает вину как обязательный признак для применения юридической ответственности.

В настоящее время универсальная теория или модель преодоления правовых ошибок в науке отсутствует. В связи с этим видится целесообразным сформулировать предложение о внедрении альтернативного подхода к определению теоретического понятия процедуры «преодоление правовых ошибок».

Предложенную дефиницию следует предусмотреть в качестве мыслительной, организационной и правоприменительной деятельности, направленной на устранение последствий, которые наступили в результате совершения правовой ошибки субъектом правоохранительной или иной юридической деятельности.

При осуществлении мероприятий, направленных на преодоление правовых ошибок, необходимо руководствоваться принципами законности; целесообразности; разумного срока; исключительности.

Данные принципы — основополагающие начала, рекомендовано признать базисом при построении внутренней системы преодоления правовых ошибок в практике каждого субъекта правоохранительной деятельности в соответствующей структуре, организации, органе власти.

Юридический факт совершения правовой ошибки влечет применение ряда механизмов в целях преодоления негативных послед-

¹ См.: Зайцев И.М. Устранение судебных ошибок в гражданском процессе / И.М. Зайцев. Саратов, 1985.

ствий, вызванных ею: реабилитационные меры; компенсационный механизм.

На основании вышеизложенного можно сформулировать вывод о том, что внедрение представленных предложений в форме теории и методики преодоления правовых ошибок может позитивно сказаться на качестве и эффективности правоприменительной практики.

СОВРЕМЕННОЕ ТОЛКОВАНИЕ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА: ОНТОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

А.А. Жигитов

Все чаще при обсуждении проблем толкования прав человека актуальной темой выступают изменения в понимании прав человека и их новые интерпретации. При этом современная интерпретация прав человека нередко воспринимается исследователями как отступление от «заветов», как выражающая «непостоянство» смысла концепции прав человека, иначе говоря, возникает весьма настороженное отношение к ним, нередко перерастающее в ортодоксальную критику и догматизм.

Представляется, что этот скепсис может быть преодолен, если рассматривать толкование прав человека как процесс установления смысла и попытаться разобраться с онтологическими характеристиками последнего. Следует ответить на вопросы: как нам дается смысл и что он собой представляет? С ответом на эти вопросы нам могут помочь, например, методы феноменологии. Немецкий философ Э. Гуссерль (1859–1938), по его собственному признанию, не раз обращался к древней мысли о том, что «разум придает всему, что считают сущим (вещам, ценностям, целям), его смысл, а именно соотношенность этого сущего с тем, что со времени начала философии обозначается словом «истина» — истина сама по себе» и словом «сущее» (вместе — истинно сущее)¹. Иначе говоря, истинно сущее возможно через смысл.

Но для того чтобы постичь смысл, нам нужно избавиться от наших «естественных установок» и «программ», восприняв «феномен»

¹ См.: Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология: введение в феноменологическую философию / пер. с нем. Д.В. Складнева. СПб., 2004. С. 28.

(в данном случае права человека) «чистым сознанием» с помощью феноменологической редукции, которая «выключает» весь действительный мир, концентрируясь на описании являющегося, как оно является. Последнее, в свою очередь, дает доступ к установлению бытия «в его разумной мотивированности», а через него показывает, «как есть само истинное»¹, т.е. момент полного соответствия мысли и мыслимого, момент тождества бытия и сознания.

Применительно к правам человека это означает, что если слишком привязываться к историческим трактовкам прав человека, то мы всегда будем в плену навязанных объективностей. То, что кто-то когда-то подумал, не может приниматься за истину в последней инстанции, а должно регулярно реактуализироваться в непосредственном понимании. Поэтому с позиции феноменологии контраргументы против новых толкований прав человека про «отступление от заветов просветителей» или «уход от основ прав человека» — не более чем реакционерство и декаданс мысли. В рамках феноменологического подхода эти возражения предстают как проявления «засоренности» сознания и неточного мышления, которые должны быть редуцированы.

О неизбежности преодоления таких привязок к тексту или какой-либо концепции, удушающих мысль, свидетельствует, например, эволюция толкования *Corpus juris civilis*. Так, после открытия данного текста возникла школа глоссаторов, члены которой делали лишь замечания и пометки на полях к оригинальному тексту, начиная выявлять понятия. Далее комментаторы уже опосредованно работали с текстом и систематизировали глоссы, тем самым создавая доктрины. В конце концов, возвращаются к оригиналу текста гуманисты, критикуя его и окончательно отрывая от идей, высказанных комментаторами.

Вместе с тем при редукции феномена «прав человека» мы непременно доходим до вопроса: а можно ли вообще по-настоящему познать права человека? Или это идеологема, которая и состоит сплошь из одних «предустановок», являя собой только результат объективации того, чего нет? Ответ феноменолога на него довольно прост: в чем нет смысла для сознания, того и нет, а если смысл констатируется, то и есть сущее. Поэтому если в процессе «очищения» сознания мы не дошли до того, что исчерпали смысл прав человека, то все же они должны быть признаны существующими.

Таким образом, если мыслить в духе феноменологии в отношении прав человека, можно сказать следующее: права человека существу-

¹ См.: Шпет Г.Г. Явление и смысл: феноменология, как основная наука, и ее проблемы. М., 1914. С. 101.

ют не в силу того, что их кто-то придумал или записал в «реальном мире» и не в силу исторического развития человечества, а потому, что наше сознание находит в них смысл, который открывается нам непосредственно и в полной «очевидности» — без «автоматических» ссылок на авторитетов. И только такой смысл может приблизиться к «истинно сущему».

Однако мысленное представление о предмете не дает всего смысла. Оно, как выражается Э. Гуссерль, дает только его «ядро» или «форму»¹. Полный смысл дается только на основе полного представления о предмете, которое группируется вокруг этого ядра в виде различных «предметных смыслов», выступающих в многообразных феноменологических описаниях как нечто тождественное.

Описание подразумеваемого предмета, так как он подразумевается, исключает всякую субъективность и дает прочное основание для выработки некоторой совокупности определений, которая конкретизирует смысл предмета, а предмет как «мыслимое» выступает «пунктом связи» более или менее конкретных смыслов².

Это позволяет говорить о том, что «смысл не задан а priori, а создается на каждом этапе описания» или о «дрейфовании», «блуждании» смысла, о невозможности его «приклеить» к одной трактовке³. Более менее постоянным остается только его «ядро» или «каркас».

Поэтому исследователи проблемы смысла считают, что он всегда определяется через «отнесение к более широкому контексту»⁴. Полный смысл возможен лишь при редукции всех многочисленных «предустановок», мешающих воспринять предмет непосредственно, и описании интенциональности «переживаний» в максимально широком контексте.

В этом с этим извлечение смысла прав человека в современную эпоху можно рассматривать как редукцию тех «программ» и «естественных установок», которые не были устранены мыслителями прошлого. Иначе говоря, просветители, например при работе со смыслом прав человека, пытались преодолеть «идеи» о неравенстве людей и «естественности» самодержавия, допускающего произвольное распоряжение чужими жизнями. В настоящее же время правозащитники пытаются отбросить всякую объективацию в виде национальности или пола. То есть можно говорить о том, что смысл прав человека благодаря этому только укрепляется и конкретизируется.

¹ См.: Шпет Г.Г. Указ. соч. С. 139.

² Там же. С. 144.

³ См.: Леонтьев Д.А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. М., 2019. С. 13.

⁴ Там же. С. 113.

Так, например, современные ученые-правоведы обращают внимание на «эволютивное»¹ толкование Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, т.е. смысл ее положений должен быть интерпретирован с учетом современных условий. Это во многом обуславливается смыслом прав человека выраженный в характеристике указанной конвенции как действующей «не в вакууме», а скорее «в контексте более широкой системы правовых норм, частью которой она является»². Поэтому как смысл прав человека, так и смысл данной Конвенции нельзя трактовать «исключительно в соответствии с намерениями их авторов, выраженными более со-рока лет назад»³. Такой способ толкования не отвечает онтологическим характеристикам смысла, которой может быть понят и «схвачен» только *hic et nunc* (здесь и сейчас).

Соответственно современные объяснения прав человека — это не произвольные интерпретации, а то, что происходит со смыслом прав человека в силу законов бытия.

¹ См.: Современная концепция толкования международных договоров: монография / под ред. А. Я. Капустина. М.: ИЗиСП; Норма; Инфра-М, 2022. С. 129.

² Там же. С. 133.

³ Там же. С. 147.

Научное издание

**ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ
АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМЫ
ПРАВ ЧЕЛОВЕКА**

**К 75-летию принятия
Всеобщей декларации прав человека**

Сборник статей X Общероссийского годового собрания
теоретиков права (г. Москва, 22 февраля 2023 г.,
Центральный дом ученых)

Ответственный редактор
доктор юридических наук, профессор
В.В. Лазарев

Издание не подлежит маркировке
в соответствии с п. 1 ч. 2 ст. 1 ФЗ № 436-ФЗ

ООО «Юридическое издательство Норма»
109316, Москва, Волгоградский пр-т, 2
Тел. (495) 625-45-05. E-mail: norma@norma-verlag.com
Internet: www.norma-verlag.com

ООО «Научно-издательский центр ИНФРА-М»
127282, Москва, ул. Полярная, д. 31в, стр. 1
Тел.: (495) 280-15-96, 280-33-86. Факс: (495) 280-36-29
E-mail: books@infra-m.ru. Internet: www.infra-m.ru

Подписано в печать 29.01.2024.
Формат 60×90/16. Бумага офсетная. Печать цифровая.
Гарнитура Newton. Усл. печ. л. 13,0.
Тираж 500 экз. Заказ №

Институт законодательства и сравнительного правоведения
при Правительстве Российской Федерации

По вопросам приобретения книг обращайтесь:

Отдел продаж «ИНФРА-М» (оптовая продажа)
127282, Москва, ул. Полярная, д. 31в, стр. 1
Тел.: (495) 280-15-96. Факс: (495) 280-36-29
E-mail: books@infra-m.ru

Отдел «Книга — почтой»
Тел.: (495) 280-15-96 (доб. 246)

X Общероссийское годовое собрание теоретиков права открыло цикл научных мероприятий, посвященных 100-летию Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. В сборник вошли доклады, представленные на этом собрании.

Доктринальный анализ проблемы прав человека и гражданина проводится с цивилизационных позиций, которые сохраняют свою актуальность на протяжении столетий и приобрели особый смысл для международного сообщества с принятием Всеобщей декларации прав человека и гражданина ООН в 1948 г.

Научные статьи распределены по двум разделам. В первом — «Общетеоретические основы признания и официального закрепления прав человека и гражданина» — рассматриваются современные вызовы теории прав и свобод, особенности реакции на них в различных правовых системах, имплементация Всеобщей декларации на национальном и международном уровнях, во втором — «Отраслевые вопросы закрепления и защиты прав человека в российском законодательстве» — делается акцент на защите прав личности в условиях цифровизации различных сфер общественных отношений и использования новейших правовых технологий.

Для правоведов — ученых и практиков, преподавателей, студентов и аспирантов высших учебных заведений, а также для широкого круга читателей, интересующихся вопросами обеспечения прав человека и гражданина.